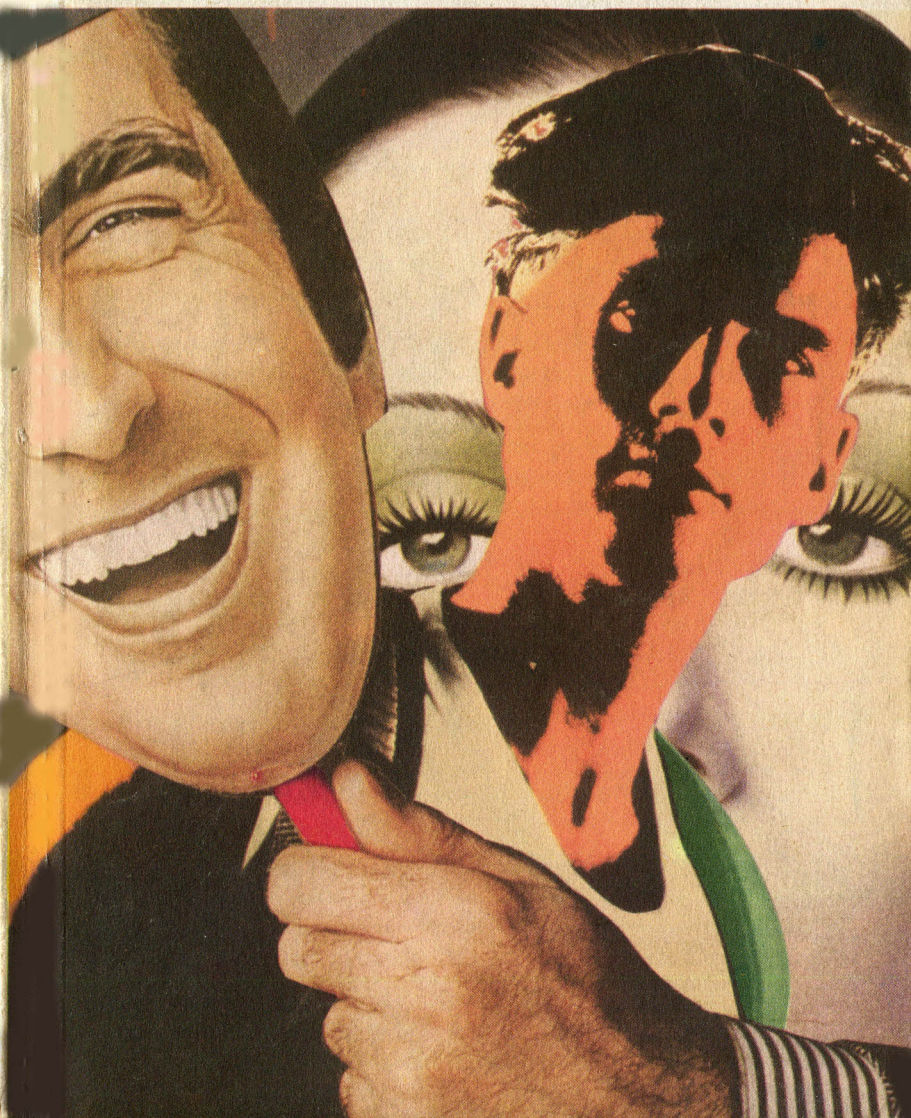

4 • 1993

ISSN 0130-6634

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА

4 • 1993 (196)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Уильям ГОЛДЭМ

МАРАФОНЕЦ
Роман

2

Э. Б. УАЙТ

«ПРИЯТЕЛЬ»
Рассказ

156

Уильям ГОЛДЭМ

МАРАФОНЩИ

ПЕРЕД НАЧАЛОМ

Каждый раз, проезжая по Йорквиллю, Розенбаум приходил в бешенство. 86-я Ист-стрит была последним оплотом гуннов на Манхэттене, и чем больше пивных исчезало с лица города, тем лучше он себя чувствовал. Розенбаум особо не пострадал во время последней войны — вся его семья жила в Америке с 20-х годов, — просто одна лишь поездка по улицам, полным тевтонского духа, выведет из равновесия любого.

Не говоря уже о Розенбауме.

Все вокруг выводило его из себя. Если Розенбаум видел, что творится несправедливость, он всеми силами, не жалея желчи, оставшейся в 78-летнем теле, препятствовал этому. Он скрипел зубами, когда любимая бейсбольная команда стала играть во второй лиге. Его выводили из себя педики, особенно теперь, когда говорят, что они не хуже других; его выводила из себя семейка Кеннеди, а также «красные», порнофильмы и журнальчики того же толка, рост цен на мясо — даже упоминание об этих вещах сильно действовало на нервы Розенбауму.

В этот сентябрьский день Розенбаум был особенно желчен и зол. Стояла жара, он опаздывал в Ньюарк, где в доме для престарелых каждую неделю собирались на партию в карты его немногочисленные друзья. Трое из этих стариканов были дрянными игроками и дрянными людьми, но они пока еще могли самостоятельно вдыхать и выдыхать воздух, а когда тебе семьдесят восемь, это уже немало.

Друзья тоже недолюбливали Розенбаума: все игры непременно заканчивались перебранкой, грозящей перерасти в драку, но Розенбаум приезжал снова и снова, потому что для него это был лучший способ провести четверг, который просто как день недели вызвал бы у него зубовой скрежет. «В субботний вечер — я самый одинокий», — пелось в одной песенке, а в другой: «Понедельник, не будь ко мне жесток». Но Розенбаум знал, что именно в четверг ему надо быть начеку. Все неприятности в его жизни случались в четверг. Женился он в четверг, его дети умерли в четверг, хотя и в разные годы. Как это нелепо — пережить своих детей. Страшное горе. Розенбаум выкуривал по три пачки в день в течение пятидесяти пяти лет, а сын его и в рот не брал сигарет. И как вы думаете, у кого обнаружили рак? Розенбаум неловко поерзал на сиденье: бандаж от грыжи ему надели тоже в четверг.

На 86-й Ист-стрит он попал в пробку.

Джимбел Ист. В том месте, где район Джимбел Ист граничил с 86-й улицей, как правило, человека ожидали всякие сложности. Когда-то здесь был его любимый проезд, в сто раз лучший, чем 79-я улица, а по 79-й ездят одни туристы. Нет, если ты спешишь, то лучший путь — 86-я улица, а тут

эта пробка от Джимбел Ист. Никто, кроме педиков, не ходит в магазины на Джимбел Ист, а еврея сюда и силой не затащить. Хотя здесь уже не настоящий Джимбел. Джимбел начинается с 34-й улицы, а этот район — так, пародия, да и только.

Розенбаум не стал сворачивать на 86-ю улицу, а проехал по Первой авеню до 87-й и повернул налево. Вообще-то цифра эта — 87 — тоже действовала ему на нервы. Первоначальное обследование груди у его жены обошлось ему в 87 монет. Это только за то, чтобы увидеть морду этого мясника, забрать снимок и описание. «В области левой груди определенно наблюдается опухоль», — начал было врач, но Розенбаум, взбешенный скудоумием этого мясника, повернулся к своей побледневшей супруге и сказал: «Ты посмотри, как здорово, что мы повстречали это светило медицины! Мы говорим ему, что у тебя в груди опухоль, и он, вооруженный этим фактом, со всей уверенностью подтверждает наличие опухоли». Потом он повернулся и посмотрел на молоденького еще врача, петушка эдакого, и женатого, видимо, на какой-нибудь гримзе-блондинке. «Конечно, Бог ты мой, у нее есть опухоль, господин титан мысли. Я ведь пришел сюда не затем, чтобы спросить об опухоли на ее лице: она, кстати, называется нос. Не знаю, учат ли вас этому в ваших колледжах». «Занятный у вас муж», — сказал потом врач его жене, а та устало ответила: «Кому как».

На 87-й улице было куда лучше. Розенбаум мигом долетел до Второй авеню, проскочил на зеленый и вскоре доехал до Третьей авеню. Там он остановился и нетерпеливо ждал сигнала светофора, дважды рывкнул клаксоном, а когда сигнал сменился, сразу утопил педаль газа. Все его знакомые говорили, что он ужасный водитель, вся семья критиковала его, но не им судить. Ни одного штрафа за тридцать пять лет. Есть, конечно, несколько царапин — несколько раз ему удавалось избежать серьезных столкновений, дело доходило даже до мордобоя, но ни одного прокола, так-то! Пошли они все к черту со своими упреками, на большее они и не способны, только раздражают его без нужды.

Неприятности Розенбаума начались на углу 87-й улицы и Лексингтон-авеню. Он проехал на красный свет, но дело не в этом, красный свет — еще не конец света. А вот машина перед ним... У светофора стоял проклятый фашистский «фольксваген». Мало того, он встал посреди проезжей части, и поэтому Розенбаум никак не мог объехать его или обогнать, пока не загорится зеленый. Розенбаум несколько раз нажал на клаксон, чертыхнулся: чего еще ожидать от придурка в «фольксвагене»? Сам Розенбаум ездил в «шевроле» с самой войны. Вообще, если ты хоть что-то смыслишь в машинах, если хочешь отдать свои кровные за стоящую вещь,

то должен ездить только в «шевроле». А иначе ты — кретин. Загорелся зеленый, но «фольксваген» не шелохнулся.

Розенбаум посигналил еще, понастойчивей, но драндулет по-прежнему преграждал ему дорогу. Розенбаум слышал, как чихает мотор этой развалины, пытаюсь завестись.

— Убирайся с дороги! — рявкнул Розенбаум, высунувшись в окно. — Хватит спать!

Наконец рыдван завелся и пополз по Джимбел Ист. Розенбауму пришлось плестись у него в хвосте, он было попытался протиснуться вперед, но драндулет тащился ровно посреди 87-й улицы. Вдруг мотор «фольксвагена» опять заглох, и автомобиль, дернувшись, замер, окончательно загородив дорогу. Розенбаум высунулся из окна, непрерывно сигналив и надсаживая голос:

— Шевелись, шевелись, черт бы тебя побрал! Пошел вон с дороги! Убирай, придурок, свою колымагу, а то я сейчас уберу ее вместе с тобой!

Из «фольксвагена» в ответ послышалось:

— А о а е!

А о а е! Так, спокойно, значит.

Розенбаум начал сильно потеть, от жары и бешенства одновременно.

— Попрдержжи язык, фашист, да поживее, дубина! — сказал он по-немецки.

Из «фольксвагена» высунулось ископаемое, ухитрилось погрозить Розенбауму древним кулачком.

— А о а е, — повторил старикан.

Увидев этого типа, Розенбаум заскрипел зубами. Древний, уже чучело из него можно набивать. С голубыми глазами, как у всех этих фашистов: гунн, варвар, выпущенный на волю посреди Манхэттена, сморщенный маразматик. И кто только посадил такого за руль?

На мгновение после второго «а о а е» Розенбаум замер, его прошиб пот. Затем он рванул с места свой «шевроле» и ударил сзади «фольксваген». Ощущение было не из приятных, Розенбаум подал назад и снова, уже сильнее, трахнул драндулет. Давненько у него не возникало такого острого желания надавать кому-нибудь по морде. Почему? Причин тому несколько: он был а) в Йорквилле, б) на 87-й улице, в) за Джимбел Ист, г) ему загородил путь д) «фольксваген», е) за рулем которого сидел древний любитель сосисок с кислой капустой, ж) из-за которого он опаздывал на еженедельную партию в карты, з) и все это особенно бесило, так как в «шевроле» не было кондиционера, и, хотя перевалило за полдень в середине сентября, в салоне было 92 градуса, и) по Фаренгейту, к) и температура повышалась.

Розенбаум ударил «фольксваген» в третий раз, тот прокатился немного вперед, остановился, но затем у него завелся

мотор, и он поехал в сторону Центрального парка. Розенбаум, удивившись, разогнал машину и начал обгонять драндулет справа, потому что теперь знал, какая у него главная цель в жизни: все уперлось в одно — обогнать треклятый рыдван, встать впереди него, загородить путь, сбросить скорость и ползти-и-и...

Но не тут-то было. Как только Розенбаум взял вправо, туда же сместился и «фольксваген», а когда Розенбаум свернул влево, то же сделал и «фольксваген». Таким образом, на 87-й улице была объявлена война, и Розенбауму это очень понравилось, потому что, черт возьми, разве какой-то импортный тарантас мог тягаться с «шевроле»?..

Во Франции много говорят о мистрале, о безумии, которое охватывает людей при этом ветре, а в Калифорнии никто не высовывается из дома, когда санта-ана иссушает мозги. На Манхэттене тоже такое случается. Когда жаркий день становится пеклом и с запада поднимается ветер, принося с болот Джерси всех москитов, начинается коллективное помешательство, вызванное сменой погоды. Но, видит Бог, сейчас каша заварилась серьезная: светофоры впереди на Парк-авеню переключились с красного на зеленый, «шевроле» газовал, а тип впереди все еще тащился, не беспокоя педаль газа, будто самым важным для него было, чтобы псих, таранящий его машину сзади, ни за что никогда не обогнал его. Так они и проехали перекресток 87-й и Парк-авеню. Няни на тротуарах хватали на руки детей, с десяток человек растерянно оглядывались в поисках полицейского, а они двигались в сторону Мэдисон-авеню: «фольксваген» трясся и, казалось, вот-вот развалится. «Шевроле» ревел и скрежетал, с трудом удерживая управление. Так вот они и ехали, эти два старика, которым вместе было за 150 лет, схватившись насмерть, и все из-за того, что во взятом напрокат «фольксвагене» в районе Лексингтон-авеню заглох мотор. Такие стычки частенько случаются в городах, но они затухают так же быстро, как и вспыхивают, и, может быть, эта стычка затухла бы тоже, если бы не Хансикер.

Хансикер ехал по своему ежедневному маршруту, и он терпеть не мог 87-ю улицу: она слишком узкая. Но в то же время ему нравилась 87-я улица, потому что за углом к 88-й улице была закусочная «Ленокс Хилл». За стойкой этого заведения работала Элен, и вот уже год каждую неделю Хансикер пил здесь кофе с бутербродом. Элен всегда была опрятна, и волосы красиво зачесаны, эдакая смазливая разведенка, но из-за стойки никогда не выйдет, это уж нет. Да, она и пошутит с Хансикером, а бывает, и запустит руки в его шевелюру, но встретиться с ним после работы — ни за что. Ее первый муж был водителем грузовика, сказала она, и одного шофера с нее достаточно, так что извиняйте. «Но я ведь не такой! — восклицал Хансикер. — Я ведь не из тех, для кого все удоволь-

ствие — торчать на стадионе. Я читаю книги, все бестселлеры, и «Историю любви»¹ читал, и «Крестного отца». Назови любую книжку и увидишь, она у меня есть». Но Элен не сдавалась. Он рассказывал ей о том, что последняя вещь Джеки Сюзен «Однажды — это никогда» обозначила определенный прогресс в ее творчестве, улучшились и содержание, и стиль. Он только вошел в раж — как вдруг раздался взрыв.

Хансикер сразу понял: что-то с его машиной, и бросился на улицу; как сумасшедший рванул к 87-й, но, еще не добежав до угла, почувствовал жар, нестерпимый жар. Очевидно, загорелась автоцистерна с нефтью: отовсюду слышались крики, женские и детские. Хансикер подбежал как можно ближе, пытаясь понять, в чем дело. Похоже, что два автомобиля столкнулись и врезались в его автоцистерну. Бог ты мой, сколько же человек погибло?

Шатаясь, Хансикер побрел назад, в «Ленокс», где сначала позвонил в пожарную бригаду, потом в полицию. Он молча сидел за стойкой, а Элен, не спрашивая ни о чем, налила ему кофе. Он отпил. Убитый его вид, наверно, тронул Элен, она вышла к нему, присела рядом, вытерла его потемневшее лицо чистой салфеткой. В этот вечер она впервые пошла с ним в кино, а через три дня после этого события Хансикер одержал окончательную победу. Так что для Хансикера все закончилось чудесно.

Закончилось все чудесно и для Стаканчика. Это был черный парень лет двадцати, начинающий фотограф, — Стаканчик случайно проходил мимо, когда произошло несчастье. Поблизости только он оказался с фотоаппаратом, и только он сделал несколько потрясающих снимков. «Дэйли ньюз» купила всю пленку, снимки поместила на первой странице и центральном развороте, а заодно предложила Стаканчику стать штатным фотографом, так что и ему здорово повезло.

Действительно, можно назвать это счастьем, везением, Божественным Провидением, но погибло только два человека — водители, — и не такая большая это была потеря для человечества.

Розенбаум и впрямь был желчный тип семидесяти восьми лет, человек неприятный и становившийся все более неприятным. Водитель же «фольксвагена» был еще старше, восьмидесяти двух лет, вдовец, у которого из родни остался лишь один сын, и сына этого он не видел уже, пожалуй, половину жизни. Хотя их кровное родство было бесспорным, всяческие отношения между ними, кроме финансовых, давно отмерли.

Вдовец был эмигрантом-беглецом, он давно пережил всех своих товарищей и друзей и никогда не затруднял себя поис-

¹ «История любви» — лирическая повесть Эрика Сигела (1970).

ком врагов. Все называли его Курт Гессе, хотя это и не было его настоящим именем. В его водительском удостоверении стояло — Курт Гессе, то же имя было указано в паспорте, врач и постояльцы звали его «Мистер Гессе», парикмахер — «Мистер Г», а дети — «Спасибо», когда он раздавал им в парке конфеты — его любимое занятие. Сестра, будучи еще живой, называла его «Курт». Он так давно уже был Куртом Гессе, что, разбуди его ночью и гаркни: «Имя!» — он скорее всего пробормотал бы: «Гессе, Курт Гессе».

Его настоящее имя было Каспар Сцель, но уже двадцать восемь лет никто его так не называл. Иногда, когда он находился в полудреме, перед тем как заснуть, он задумывался, а был ли вообще такой Каспар Сцель, а если и был, то каким бы он стал, если бы ему дали жить дальше?

Он умер мгновенно при аварии — от столкновения, а не от огня. Огонь лишь затруднил опознание.

Все происшествие, начиная с Джимбел и далее, длилось каких-то три минуты.

И вообще, трудно было бы придумать более благополучный исход для трагедии.

Часть первая

БЭЙБ

1

— Гляди-ка, Гусь идет! — крикнул один из пареньков с крыльца.

Леви старался не замечать их, он стоял на верхней ступеньке крыльца своего дома и проверял, хорошо ли зашнурованы кроссовки. На нем были самые лучшие кроссовки, последняя модель «Адидаса», они плотно и удобно облегли ногу и не причиняли никакого беспокойства даже в первый день. Леви только к некоторым деталям своего туалета относился с вниманием, и особо он лелеял свои кроссовки.

— Эй, Гусь, Гусь, Гусь! — прокричал другой паренек с крыльца, этот у них был вожаком, маленький, проворный, одетый ярче всех. Он с нарочитым восхищением указал на кепку Леви — в таких обычно играют в гольф.

— Обалденный у тебя горшок.

Леви машинально поправил на голове кепку — шпана на крыльце соседнего дома загготала.

Леви всегда остро реагировал, когда упоминали его головной убор. Он носил эту кепку уже несколько лет, и никого это не касалось. На Олимпийских играх 1972 года американец Уоттл выиграл забег на 800 метров, он тоже носил кепку для гольфа, и поэтому все решили, что Леви — подражатель.

Для молодого человека, едва прожившего на свете два десятка лет, у Леви было довольно независимое мышление, и он никому не подражал, тем более — коллеге-бегуну.

Леви сделал глубокий вдох, приготовился к издевкам шпаны и затрусил вниз по ступенькам крыльца, как аист вскидывая длинные ноги. Шпане нравилась его неуклюжесть. Они захлопали руками о бока и зашипели. Леви терпеть не мог, когда его передразнивали. К тому же шпана до обидного точно изображала его. Он, Томас Бэйбингтон Леви, действительно походил на гуся. Признать это было неприятно.

Поганцы были латиноамериканцами, обычно они шлялись вшестером; жили, по-видимому, в доме, который был на три здания ближе к Центральному парку, чем дом Леви. Во всяком случае, они там постоянно ошивались с июня, а стоял уже сентябрь, и не было никаких признаков, что лоботрясы собираются назад, на юг. Подросткам было где-то по пятнадцать-шестнадцать; маленькие, худые, агрессивные, они и ели на своем крыльце, бросали мяч в стенку рядом с крыльцом и часто в сумерках, когда Леви проходил мимо, тискали соседских девчонок. От зари до зари члены шайки отирались возле своего крыльца, курили, играли и не обращали ни малейшего внимания на окружающий мир, потому что сами они составляли свой мирок, тесный и постоянный, и иногда по этой самой причине Леви задумывался: не завидует ли он им? Не то чтобы он ждал приглашения шпаны присесть рядом, нет. Несомненно, он бы отказался. А впрочем, кто знает, как бы он поступил, ведь шайка не приглашала его...

Оказавшись на тротуаре, Леви повернул к Центральному парку. Когда он пробегал мимо шпаны, один из них, тот, который якобы обалдел от его «горшка», сказал:

— А почему ты не в школе?

Это было так неожиданно, что Леви рассмеялся, потому что как-то раз в июне, когда шайка вела себя особенно нагло, он им сказал:

— А почему вы не в школе?

Он не только не заткнул рты этим оболтусам, напротив, они потом целый месяц не давали ему прохода этим вопросом. А сегодня они вспомнили его после долгого перерыва, вот он и рассмеялся. Смех был неожиданной и несурзной реакцией. Кто об этом сказал? Леви порылся в памяти: может, Бернард Шоу? Думать, скомандовал он себе, но нужное не приходило. Леви напряг память: такие вещи знать надо, если хочешь стать первоклассным специалистом. Отец его сразу бы назвал и имя, и книгу, из которой цитата взята, и состояние автора в момент написания книги: хорошие были для него времена или нет, и вообще...

Леви жил на 95-й Уэст-стрит, недалеко от Колумбийского университета. Район не из лучших, конечно, но если ты студент и живешь на стипендию, то особо выбирать не прихо-

дится, довольствуешься малым, а в июне малым была одна комната с ванной в доме из песчаника, номер 148 на 95-й... Да не так уж и плоха эта комната. Между жильем и университетом была хорошая беговая дистанция: через Риверсайд-парк, затем вверх по 116-й улице, прямой участок по набережной — большего для бегуна и не надо.

Леви пересек авеню, прибавил скорость у Центрального парка, свернул налево и пробежал один квартал. Оказавшись в самом парке, направился в сторону теннисных кортов. Осталось лишь свернуть — и он на месте.

У водохранилища.

Тот, кто спланировал этот водоем, решил Леви уже много месяцев назад, был его единомышленником. Водохранилище — безупречное озерцо — облюбовали миллионеры с Пятой авеню, их дальние, но не бедные родственники с Южной авеню и дальние родственники последних с Западной авеню.

Леви легко обгонял прочих бегунов, огибая озерцо. Было полшестого вечера — он всегда бегал в это время, самое подходящее для него. Некоторые любят пробежаться утром, но у Леви утром лучше всего работал мозг, так что самые сложные учебники он штудировал до обеда, а после полудня делал записи или читал что полегче. К пяти часам мозг истощался, а тело отчаянно требовало движения.

Итак, в половине шестого Леви тренировался. Ясно, что он бегал быстрее всех в этих местах, и будь вы случайным наблюдателем, то непременно подумали бы, что этот рослый и, пожалуй, стройный парень обладает хорошей техникой бега, хотя бег его немного и смахивает на гусиный.

Но вам бы заглянуть в его мечты.

Леви собирался бежать марафон. Как Нурми. Как уже почти легендарный Нурми. Пройдут годы, и во всем мире болельщики будут мучиться вопросом: кто лучше, всесильный финн или легендарный Т. Б. Леви? «Леви, — заспорят одни, — никто, кроме него, не пробежит так последние пять миль». А другие возразят, что к тому времени, когда Леви будет бежать последние пять миль, Нурми уйдет вперед так далеко, что уже неважно будет, как Леви побегит эти самые пять миль. Спор будет разгораться — один знаток против другого — и гореть многие годы...

Дело в том, что Леви хотел стать не просто марафонцем, он хотел стать исключительным марафонцем. А если еще учесть его поразительный интеллект и широту познания в сочетании со скромностью, столь же великой, сколь и естественной...

Уже в эти годы он стал почетным стипендиатом в Оксфорде и мог пробежать пятнадцать миль без особых усилий. Но дайте еще несколько лет, он станет и доктором философии, и чемпионом. И тогда-то толпы будут вопить: «Лее-вии! Лее-вии!», вызывая его на старты новых побед и свершений,

как они обычно выкрикивают «Впее-ред!», подбадривая своих кумиров.

Лее-вии! Лее-вии!..

И им будет все равно, что бежит он так странно и неловко. Они, может быть, и не заметят, что ростом он за семь футов¹, а весом только сто пятьдесят фунтов² — и это несмотря на то, что выпивал огромное количество молока в день, чтобы преодолеть свою худобу...

Лее-вии! Лее-вии!..

Им будет наплевать, что у него дурацкий вихор и лицо фермера с Дикого Запада и что даже после трех лет обучения в Англии на лице его все то же выражение простака, который готов купить Бруклинский мост, только предложи. Его любят немногие, не знает никто, кроме (слава Богу, есть Док) Дока. Но положение изменится.

Лее-вии!.. Леееее-вии!..

Так он и бежал, с твердой уверенностью, что никто не сравнится с ним в беге, кроме, пожалуй, Меркурия, не знающего устали, легендарного, бесстрашного, непобедимого, настоящего летучего финна — Нурми.

Леви побежал быстрее.

До финиша было еще далеко, но наступало главное испытание — испытание сердца на выносливость.

Леви побежал еще быстрее.

Леви нагонял лидера.

Полмиллиона человек, выстроившихся вдоль трассы, не верили своим глазам. Они ревели, и рев нарастал. Этого быть не могло, но факт оставался фактом — Леви нагонял Нурми!

Леви, этот симпатичный американец, сокращал разрыв. Все верно. Леви, который ухитрялся даже улыбаться, развивая высочайшую в истории марафона скорость, определенно претендовал на лидерство. Нурми уже почувствовал: что-то неладное происходит за его спиной. Он обернулся, на его лице было написано удивление. Нурми попытался бежать быстрее, но он и так уже был на своей предельной скорости, и вдруг главное — ритм — начал нарушаться, он сбился с шага. Леви наступал на пятки. Леви изготавился обойти Нурми. Он начал...

Томас Бэйбингтон Леви остановился и прислонился к ограде водохранилища. Трудновато что-то сегодня сосредоточиться на Нурми.

Потому что болел зуб, и когда правая нога ступала на землю, резкая боль пронизывала верхнюю десну. Леви потер щеку над больным зубом, подумал, не пойти ли к врачу. Началась боль недавно, и, может, она пройдет так же, как появилась, потому что хуже не становилось и болело только

¹ 7 футов=2 м 13,5 см.

² 150 фунтов=68 кг.

на бегу. А дантист обдерет как липку, деньги же эти можно потратить на книги, например, и на записи. К черту дантиста, решил Леви.

В конце концов можно и потерпеть.

2

Сцилла вошел в зал аэропорта и сразу засек типа в парике, на мгновение заколебался, и было от чего: во время последней встречи с этим типом оба они очень старались убить друг друга.

Конечно, то был Брюссель, и там была работа, а здесь Лос-Анджелесский международный аэропорт, отдых, если считать полеты отдыхом. Но все это не очень-то облегчало положение Сциллы: как объяснить человеку, которого ты когда-то пытался пришить, что сейчас ты не на работе и тебе просто хочется поговорить? Нельзя же вот так подойти и сказать: «Привет! Как дела?», потому что в голове твоей появится еще одна и совсем ненужная дырка прежде, чем слово «дела» прозвучит полностью. Обезьяна прекрасно владел оружием.

Обезьяна теперь работал на арабов, вроде бы на Ливию или на Ирак — Сцилла эти страны всегда путал. Как только Сцилла вернулся в Отдел, он запросил досье на Обезьяну, зная, что оно найдется, и весьма пухлое — Отдел гордился своим умением собирать и систематизировать информацию о любом агенте из чужих служб.

Нет, Обезьяна не всегда ходил во врагах. Он часто менял страны и хозяев, но шесть лет он работал на британцев, а два года после этого — на французов. Затем попробовал работать независимо, но, видимо, ничего не вышло, редко у кого это дело получается, лишь загадочный и жестокий мистер С. Л. Чен работал без постоянного контракта и жил прекрасно. После попытки обрести независимость Обезьяна задержался ненадолго в Бразилии, затем побывал в Албании перед долгосрочным контрактом с арабами.

Сцилла смотрел на маленького человека в парике, сидящего на дальнем стуле у стойки. Интересным в этой ситуации было то, что перед Сциллой возникла задача — подойти, представиться и остаться живым. Если же такие люди, как он и Обезьяна, схватились, то маловероятно, что оба остались бы живы. Несмотря на то, что Обезьяна был маленького роста и выглядел мальчиком из церковного хора, вот уже лет десять он, как никто другой в мире, владел любым огнестрельным оружием, тогда как Сцилла и Чен считались лучшими специалистами по убийству голыми руками: ладонью, тыльной ее стороной, правой рукой, левой, все равно.

Разумнее было бы, думал Сцилла, поискать другой бар. Он не боялся риска, но по возможности избегал его. Уже

сделав несколько шажков назад, он остановился, потому что, черт возьми, ему хотелось поговорить с Обезьяной. Такая возможность нечасто выпадает, ведь когда Сцилла только начинал работать в Отделе, Обезьяна был одним из пяти-шести человек на весь мир, кто мог с законным на то основанием считать себя легендарным.

Сцилла припомнил имена остальных: Брайтон, Тренч, Фиделио — и все уже, увы, пушены в расход. Безжалостно.

И вот Сцилла в движении. Он был необычайно проворен для человека его комплекции и особенно хорошо умел набирать скорость, а это самое главное. Когда-то Сцилла слышал, как один баскетбольный тренер спросил у другого об игроке: «Он быстрый?» Вопрос запомнился. До этого Сцилла не задумывался, что человек может быть быстрым или медлительным. Сцилла двигался вдоль стойки, за стульями, и, подойдя достаточно близко, изобразил на лице радость от встречи и бросился к человеку в парике. Он крепко обхватил его мощными руками, придавив к стулу, а со стороны все это казалось встречей двух старых друзей, которые своеобразно приветствуют друг друга. Сцилла прошептал:

— Спокойно, Обезьяна.

И услышал в ответ:

— При мне ничего.

Сцилла сел на стул рядом; на него произвели впечатление реакция и самообладание Обезьяны: именно реакция делала его несравненным во владении оружием, а не глаз, который был тоже неплох — проще сказать, его пуля уже была в воздухе, когда противник только целился.

— Ты не боишься? — удивился Сцилла.

— Без оружия-то? Да нет. А ты?

Сцилла промолчал, разглядывая свои огромные руки.

Обезьяна проследил за его взглядом:

— Ну, ты-то всегда во всеоружии.

Сцилла пожал плечами.

— Руки лучше, — сказал Обезьяна, — с ними ничто не сравнится. Будь у меня такие же, а бы...

Сцилле на ум сразу пришел Чен, он гораздо меньше Обезьяны, хрупкий — какая-то сотня фунтов. Сцилла никогда бы не упомянул все имя китайца, но заговорил о нем Обезьяна. Сцилла улыбнулся. У него не было ни малейшего представления, где Обезьяна обучался своему ремеслу, в какой стране. По всей видимости, в той же, что и Сцилла. Действительно, все, что знали друг о друге, они почерпнули из досье, хранящихся в разных штаб-квартирах. С одной стороны, они не знали ничего, с другой — все. Они умели даже иногда читать мысли друг друга, и, несомненно, теперь был тот самый случай.

— Это мистер Чен может так ловко убивать любой рукой только потому, что он — чертов варвар-китаец, а у китайцев

такие возможности заложены природой. Негритосы, например, все умеют танцевать. Теперь ты, наверное, уже и умрешь с мыслью, что я — ходячее скопище предубеждений. Обезьяна? Встречал. Шкет-расист, и парик великоват. Повторите. — Последнее относилось к бармену, тот кивнул, взял бутылку шотландского виски, налил. — Сделайте тройную, — попросил Обезьяна. Бармен кивнул и долил еще.

Сцилла заказал как всегда:

— Шотландского, пожалуйста; побольше воды и льда, — произнес он, думая, что Обезьяна напрасно заказывает тройное виски. Тройные порции опасны, язык работает потом хуже, да и мозги, и реакция становятся ни к черту. Все это было очевидно настолько, что и говорить об этом не было смысла. Тогда Сцилла решил зайти с другой стороны.

— Неплохой парик, — сказал он.

— Неплохой? Бог ты мой, сегодня на ветру он встал торчком, вот так, передняя часть встала — задняя осталась на месте, а передняя начала хлопать, как будто машет кому-то. — Обезьяна устался в свой стакан. — Шутка не удалась? А я был знатным шутником, Сцилла. Веришь? Комиком.

— Верю.

— Ни черта ты не веришь.

— Разве это важно?

— Нет, — сказал Обезьяна, но потом быстро добавил: — Да-да, это важно.

Сцилла счел, что лучше не продолжать эту тему.

— Я сам выбрал себе прозвище, кличку эту, — опять говорил Обезьяна. — Выбрал себе псевдоним сам. Они спросили: «Ты как хочешь называться?» Я же лысый с двадцати двух лет, как-то вдруг все волосы сразу повылезли. Я и сказал им: «Обезьяна». Помнишь пьесу «Волосатая обезьяна» американца О'Нила?¹ Понимаешь, смех какой? И всегда я так, живот надорвешь.

Сцилла улыбнулся, потому как не улыбнуться было бы неприлично и еще потому, что один из бзиков Обезьяны — скрывать свое происхождение. Ни на одном языке он не говорил достаточно хорошо, чтобы считать этот язык родным, но, назвав О'Нила «американцем», он тем самым исключил Америку как возможную свою родину.

— У тебя ничего парик, — сказал Сцилла, — удобный, наверное. Не такой гладкий, как у американца Синатры, правда, но ты ведь и петь не умеешь.

Обезьяна засмеялся:

— Знаешь, был один такой парень — еще до тебя. — Фиделио его звали, так вот он с ума сходил, все хотел

¹ Юджин О'Нил (1888—1953) — американский драматург; пьеса написана в 1922 году.

узнать, откуда я родом. У него просто наваждение было такое: выискивал малейшие улики и занимался ими в свободное время. А я такие улики ему то и дело подбрасывал.

Из легендарных героев Сцилле больше всех нравился Фиделио. Он был любителем музыки — в детстве подавал большие надежды, но к юности талант порастерялся, осталась только любовь к музыке, но все равно, если верить досье в Отделе, Фиделио был самым умным.

— Ты его хорошо знал? Фиделио?

— Знал ли я его? Знал ли я его, Бог ты мой?! Да я пустил его в расход.

— Ты? Вот не знал. В нашем досье об этом ни слова. Как это тебе удалось? Невероятно! Трудно, наверное, пришлось? Расскажи, — попросил Сцилла.

Обезьяна взял свой стакан, повертел в руках.

Сцилла терпеливо ждал. Когда говоришь со специалистом, приходится принимать его темп.

— Я рад, Сцилла, что ты подсел, — сказал Обезьяна, не отрывая взгляда от виски. — Я так и думал, что ты подойдешь. Я видел тебя в дверях, — он показал головой в сторону входа, — и хотел было махнуть тебе рукой, когда ты начал пятиться.

— Почему же не махнул?

Обезьяна пригубил стакан, толком и не выпил.

— Я просто пробую, пить не буду. Я не пьян.

Сцилла не уловил связи с предыдущим, но Обезьяна уже продолжал:

— Не махнул, потому что с детства не люблю навязываться.

Зря ты все это говоришь, чуть было не сказал Сцилла, но так как это было правдой, вовремя удержался. Что-то нависло над Обезьяной. Что-то давящее и ужасное.

— Ты мне хотел рассказать о Фиделио, — напомнил Сцилла.

— Расскажу, я не забыл, не торопи, Сцилла, я не пьян и вовсе не заговариваюсь.

Что бы ни беспокоило Обезьяну, скоро это всплывет, Сцилла такие вещи чувствовал. Делать ничего не надо, жди — и все станет ясно. Пока же ожидание было невеселым, и поэтому Сцилла перевел разговор на тему, близкую им обоим — о Брюсселе, о том, как они оба выжили. Вообще-то встреча их была случайной: обоим понадобился один и тот же, как оказалось, уже мертвый специалист по фальшивым паспортам. Вышли они друг на друга неожиданно — в комнате над его мертвым телом. Обезьяна выстрелил, а Сцилла ударил его в плечо, на удивление мускулистое. Обезьяна выстрелил еще раз, но все не решался попасть в Сциллу, это была большая угроза, чем попытка убить. Тем все и кончилось, они разошлись в разные стороны.

— А почему ты не попал в меня? — спросил Сцилла. — Хотя я вообще-то не жалею об этом.

— Теши, — пояснил Обезьяна, — тени всегда мешают точно прицелиться. Я, видимо, выстрелил выше. Целился в голову, а попал в стену. Метил бы в сердце — тебе бы пришлось худо.

Сцилла поднял стакан:

— За тени.

Обезьяна играл со своим стаканом.

В зале объявили, что рейс на Лондон опять задерживается.

Обезьяна чертыхнулся и сделал большой глоток из стакана.

— Я тоже лечу в Лондон, — сказал Сцилла, дотронувшись до нагрудного кармана, где лежал билет первого класса до Лондона.

— Прекрасно. В этих чертовых самолетах я всегда летал один. Одиннадцать часов безделья, мука — эти полеты. И не могу читать в самолете ничего серьезнее журналов. Или автобиографию какого-нибудь артиста. Вот прекрасное аэро-читиво.

— Я лечу во втором классе, — сказал Обезьяна, и Сцилла понял, что угнетало этого маленького человечка.

— Для прикрытия?

Обезьяна покачал головой.

— Может, ошиблись?

Обезьяна снова покачал головой.

Сцилла решил, что лучше промолчать. А что тут скажешь? Если ты занимаешься этой работкой, то и летишь первым классом. Всегда. Ведь нет никаких пенсий и увольнительных пособий, безопасность никто не гарантирует. Если кто и летел вторым классом, то для того, чтобы соответствовать своей «легенде», — для дела, на которое послали. А если не «легенда», то, значит, Отдел хочет показать, что этот агент в немилости. Тогда и до отставки недалеко. Только, конечно, до отставки не доходило никогда. Сцилла считал последним делом такую вот «легенду» со вторым классом. Дайте лучше такое задание, где он положит живот, дайте напоследок вкусить славы, роскоши, черт возьми, он отработает сполна.

— У меня славная была работенка, — сказал Обезьяна, — лучше, чем у других.

— И Фиделио ты в расход пустил.

— И Тренча. Этого ты тоже не знал, так? Обоих прихлопнул. В один год. Тогда я теней не видел. — Обезьяна поднес стакан к губам. — А знаешь, о чем я думал до твоего прихода?

Сцилла покачал головой.

Вообще-то нет, подумал Сцилла, зачем мне это?

— Хочешь говорить — говори, — произнес он вслух.

— Я думал, что у меня не было женщины, которой бы я

не заплатил, или ребенка, который знал бы мое имя, или парика, который вдохновлял бы меня.

— Сентиментальная чепуха, — фыркнул Сцилла, надеясь, что это подействует.

Маленький человечек помолчал. Потом громко и резко расхохотался.

— Черт возьми, Сцилла, ты это здорово сказал.

А Сцилла потребовал:

— Теперь выкладывай все про Фиделию, иначе я сейчас же иду в книжный киоск и покупаю себе там какие-нибудь «Признания Ланы Тернер».

— Сначала надо куда-то зайти. — Обезьяна вскочил со стула. — Ты ведь знаешь, там, в моем досье, про это написано. — Он заторопился к выходу, пребывая, по всему было видно, уже в хорошем расположении духа.

В досье говорилось, что у Обезьяны слабые почки и какие-то нелады с кишечником — несколько лет назад делали операцию. Так что Сцилла сразу понял, куда направляется Обезьяна.

Он поднял бокал, когда Обезьяна скрылся из вида, и вдруг совершенно неожиданно решил, что поменяет билет и полетит вторым классом. В этом нет ничего фатального, если ты сам принимаешь такое решение.

Сцилла вышел из бара, подошел к окошку фирмы «Пан Америкэн», на удивление недолго простоял в очереди, объяснил, что ему надо, получил желаемое и вернулся в бар. Может, этот его жест был одного рода с признаниями Обезьяны — сентиментальная чушь. Но если в истории Фиделию было хоть что-то стоящее, лучшего времени выслушать ее не представится и историю Тренча заодно.

Сцилла сел на свое место в баре и стал ждать возвращения Обезьяны.

Он медленно допил виски.

Соседний стул оставался пустым.

Сцилла заказал еще.

И отпил.

Несомненно, что-то было не так.

Еще глоток.

Не твое это дело, урезонил он себя. Потом сделал большой глоток. Может, этот глоток и стал причиной его последующих действий, потому что он обычно пил так много только за надежно запертой дверью, а в баре аэропорта, естественно, такого уединения не найти. И, если он выпил больше обычного, это означало, что он позволил себе разволноваться, очень уж хотелось услышать историю Фиделию. А раз так, надо действовать, а не сидеть. Сцилла встал и направился к мужскому туалету.

Табличка на двери заведения все прояснила. «Извините,

неисправность. Ближайший клозет на нижней площадке лифта. Спасибо». Табличка была прилеплена клейкой лентой к двери, буквы написаны чернилами, ровным почерком. Сцилла вспомнил, что до лифта довольно далеко, — это и объясняло долгое отсутствие маленького человечка в накладке.

Сцилла был уже на полдороге к бару, когда решил, что табличка липовая. Он повернулся и пошел назад к туалету. Клозет... Сейчас так не говорят — «клозет». Табличка фальшивая.

Дверь была заперта, но Сцилла умел ладить с дверьми. Оглянувшись, он пошарил в кармане брюк. Вечно все толкуют о каких-то ключах-«вездеходах», и в книгах о них пишут. Ерунда все эти «вездеходы», если нет сотни разных ключей. Нет, отмычка — вот это вещь, у него она всегда была с собой, а больше и не надо ничего, если ловкие пальцы, если чувствуешь каждую бороздку. Сцилла вытащил перочинный нож, в котором он лишь чуть изменил меньшее лезвие: подточил его потоньше и чуть согнул, так что отмычкой это лезвие назвать было трудно. Порядочный вор не взял бы такое на дело, но ему было достаточно. Сцилла вставил его в скважину, покрутил, нащупал бороздки, нажал несколько раз — и все.

Шатаясь, Сцилла ввалился в туалет как пьяный и нетвердым шагом направился к раковинам. В туалете находились двое: молодой белый сантехник в комбинезоне, он возился с трубами, и негр-уборщик, он подметал, волоча за собой огромный бумажный мешок.

— Доконали меня эти «мартини», — сообщил Сцилла черному и открыл кран холодной воды.

— Доконали «мартини», — повернулся он к технику.

— Эй, не трогайте. — Сантехник направился к Сцилле. — Трубы разобраны.

Сцилла озадаченно приоткрыл рот, выключил воду.

— Вы что, табличку не видели? — спросил негр.

— Какую табличку? — удивился Сцилла. — Там написано: «Мужской». Я, конечно, прочитал эту табличку, а то бы дамы тут визг подняли. — Он снова включил воду и сполоснул лицо.

Сантехник выключил воду, а черный пошел к двери, открыл ее, проверил, на месте ли табличка.

— Право, мистер, нельзя включать воду, ей-богу, — сантехник был очень вежлив. Сцилла прикидывал: кто из них, он или черный, пустил в расход Обезьяну? От арабов они или от врагов арабов?

Обезьяне теперь все равно. Он покоился на дне огромного бумажного мешка. Сцилла был в этом уверен.

— Жаль, — произнес Сцилла, и сказал он это искренне. Вот и послушал историю Фиделию, и о Тренче, наверное, было

бы интересно узнать. Но так должно было случиться. И Обезьяна знал это не хуже других.

Черный быстро вернулся.

— Табличка на месте.

— А, эта бумажка... — якобы вспомнил Сцилла. — Да, что-то там написано.

— Что клозет засорен, — ответил сантехник, — и что надо обращаться вниз.

Сцилла чуть не рассмеялся собственной догадке. Да, он не дурак, ничего не скажешь, не дурак. Эти двое все еще переглядывались, и Сцилла понял: они решали, отпускать его или нет. «Здесь покоится Сцилла, погубленный знанием правильной речи». Он стоял не шевелясь, пьяно обхватив руками раковину, даже и не помышляя трогаться с места, пока ему не скажут. Он знал, что они не станут связываться с ним, он не стоял у них на повестке дня, у них было свое дело, они его сделали, и им было совершенно на него наплевать. Да и он, собственно, не будет впутываться, и у него есть свои дела.

Он увидел жалкий парик Обезьяны в угловой кабинке. Мерзавцы взяли беднягу с больным кишечником в самый уязвимый момент — они убили живую легенду, когда она была без штанов.

— Бог ты мой, вы что, не могли подождать? — медленно проговорил он и ударил сантехника, не потому, что тот стоял ближе, а потому что у него в руках был тяжелый ключ, видимо, уже побывавший в черной работе.

Сцилла свел кончики пальцев вместе — и удар в горло сбил сантехника с ног. С негром было проще — тот не знал, с кем имеет дело. Сцилла легко достал его левой, рубанул ребром ладони по ключице — послышался хруст костей, и черный опустился рядом с сантехником.

— Почему вы не подождали?

Техник пытался выдохнуть — он, наверное, уже никогда не сможет говорить как прежде. Черный, с ужасом глядя на Сциллу, неловко поводит плечом, еще не понимая, что произошло.

Сцилла проговорил очень тихо:

— Вот сейчас я сниму с вас штаны, как вам понравится, а? А потом посажу на стульчак. И убью обоих. Как, понравится?

— Нам приказали, — выдавил черный, — про тебя ничего не было. Не убивай нас.

— Вы знаете, кто я?

— Знаем, — ответил черный, — Сцилла.

Сцилла помедлил, не зная, прикончить их или нет. Гнев еще не оставил его, так что сделать это будет нетрудно. Уйти-то он сможет.

— Не надо, — попросил черный.

Сантехник все еще хрипел.

— Нам не сказали, что он был твой друг, — пояснил черный.

— Да, был. — Гнев Сциллы уже рассеивался. — Много лет, — продолжал Сцилла, пытаясь не остыть. Но ничего не получалось. Потому что Обезьяна не был его другом. Не друг, не знакомый, кто он? У них была одна профессия. Ну и что?

Он наклонился над ними, держа руки в боевой позиции. Он захотел увидеть их страх — и увидел. На их лицах было написано ожидание смерти.

— Запомните, вы, — сказал Сцилла, и хотя злость его уже проходила, голос еще дрожал. — Всегда оставляйте что-нибудь человеку. Понятно вам? Хотя бы какую-нибудь мелочь. Хватит и клочка, но клочок этот должен остаться. Вам понятно?

— Да, — прошептал черный.

Сцилла опустил руки ниже.

— Все понятно! — закричал черный, но он уже понял: пришел конец. Сантехник тоже сообразил, что с ним покончат.

Сцилла же молча выпрямился и ушел. Он вернулся в бар, допил виски, заказал еще.

Какая идиотская комедия! Они обо всем доложат в свой центр. Там свяжутся с Отделом и громко объявят, что Сцилла нарушает. Хуже — Сцилла вмешивается. И, конечно, Отдел постарается опровергнуть обвинение.

Но они уже не будут так доверять Сцилле, как прежде. Нет, они будут давать ему работу, конечно, он еще слишком ценен для них. Но за ним будут наблюдать. Более тщательно, чем раньше, гадая, почему же он нарушил, что с ним такое случилось, можно ли дальше доверять Сцилле. И на следующем задании...

Следующего задания не будет, решил Сцилла. И арабы, что наняли черного и сантехника, если это арабы, они тоже будут за ним следить. Надо ведь защищать как-то своих людей, и они не упустят возможности взять его врасплох, ключицу, например, сломать или голоса лишить. Или же, если разозлятся всерьез, перебить ему позвончик в пояснице, чтобы помучился десяток-другой лет.

Я не попадусь врасплох, решил Сцилла.

Решить-то легко, но почему он взбесился в туалете? Почему вид мятого парика в углу кабинки вывел его из себя?

Потому что... Сцилла понял наконец: потому что он хочет умереть по-человечески, рядом с тем, кто любит его. Разве это такое уж несуразное желание? Разве это много — просить от жизни хотя бы приличную смерть?

— Счет! — крикнул бармену Сцилла и заплатил за виски, свое и Обезьяны.

По пути в самолет он завернул к туалету. Бумаги на двери

уже не было. Он зашел внутрь, огляделся. Парика тоже не было.

Сцилла хмыкнул удовлетворенно. Они не смылись после его ухода. Остались, дочистили все до конца, сделали все как надо, не наследили. Наверное, они неплохие люди.

Неплохие люди?..

Сцилла торопливо вышел из туалета, злясь на себя за эту мысль. Что с тобой происходит? Пять минут назад ты чуть не уколошил этих двоих, а теперь называешь их неплохими людьми. Он подошел к регистрации, встал в очередь. Я хочу умереть рядом с тем, кто любит меня.

— Простите, что вы говорите? — спросила его пожилая леди.

О Господи, я думаю вслух!

Сцилла улыбнулся ей. У него была удивительная улыбка, естественная и ободряющая. Женщина приняла ее, улыбнулась в ответ и отвернулась. Продолжай в том же духе, скоро и тебя отправят во втором классе, сказал себе Сцилла.

Он содрогнулся от этой мысли.

3

В аудитории для семинаров их было четверо, все они ждали Бизенталя. Соседи его друг друга знали и негромко переговаривались за передними столами. Леви наблюдал за ними, сидя сзади. Он уже слышал о них, когда еще работал над своей темой в Оксфорде, слухи об их интеллекте пересекли Атлантику. Самым видным историком был Чембейрз, о нем говорили, что он станет первым черным историком высокого класса. Двое других — близнецы Райордан, брат и сестра. В университете уверяли, что они знают все.

Леви, сидя на своем месте, иногда чувствовал, что говорят о нем. Если у человека многолетний комплекс неполноценности, он очень многое читает по едва заметным жестам. Эти трое, осознавая свое положение — Бизенталь брал в свой семинар только лучших, — никак не могли понять, что делает здесь этот потный тип. Не надо было мне сегодня бежать на занятия, подумал Леви, ощущая влажную от пота рубашку. Очень глупо бегать в первый день семинара: в такой день надо произвести впечатление, а не ставить рекорды. Беги домой, дурень, сказал он себе. Рвани вовсю, если хочешь, но не сиди в классе, испуская запах пота. В академических учреждениях запах пота не любят.

В класс молнией влетел Бизенталь. Молния — точное определение. Глаза его, казалось, сияли огнем, как у героя боевика. Стоило только мельком взглянуть на Бизенталя, и не оставалось никаких сомнений: он — умница.

Бизенталь — это две Пулитцеровские премии, три бестсел-

лера, постоянные выступления по телевидению и интервью в «Нью-Йорк таймс». Бизенталь был энергичной, яркой личностью. Источник его богатства, славы, удачи и в то же время авторитета в ученой среде был нехитрым: Бизенталь знал, казалось, абсолютно все, что когда-либо произошло в мировой истории, это и давало ему преимущество перед другими.

— Думаю, вы все провалите итоговый экзамен, — начал Бизенталь.

Присутствующие в комнате затаили дыхание. Бизенталь наслаждался эффектом. Он сел на переднюю парту и положил ногу на ногу, при этом на брюках обнаружились превосходные стрелочки.

— Во всем мире острая нехватка рабочих рук, — продолжал Бизенталь. — Не хватает воздуха. Не хватает даже, увы, питьевой воды. Но историков предостаточно. Мы штампуем вас, как на конвейере, и все вы очень умные. Нет, я говорю: хватит! Поищите себе где-нибудь полезное занятие. Погните спину. Поработайте локтями. Университеты занимаются вами ради коммерческой выгоды: пока вы можете платить за учебу, они платят мне. Это они называют прогрессом — штамповку бакалавров. Что ж, а я скажу: «Останови звенящий крик, прогресс». Чья это цитата? Ну давайте, давайте, кто автор?

Теннисон¹, подумал Леви. «Локли Холл 60 лет спустя». Точно. А если ошибаюсь? В первый день не заявляются потным и не делают ошибок. Может, это Йетс. Что, если я назову Теннисона, а Бизенталь ответит: «А вот и нет, это Уильям Батлер Йетс, 1865—1939. Вы что, не знаете ирландскую поэзию? Как же вы намереваетесь стать порядочным историком, не зная ирландской поэзии? И кто вы такой, чтобы потеть в моем присутствии? Я говорил, что не хватает воды, но отнюдь не пота».

— Теннисон! — загремел Бизенталь. — Боже, Альфред Теннисон. Как вы собираетесь получить докторскую степень, не зная «Локли Холла» и «Локли Холла 60 лет спустя»?

Сестричка Райордан принялась сразу строчить. Леви смотрел и злился на нее за то, что она сейчас записывает названия поэм. «Я знал, — захотелось ему крикнуть. — Профессор, я, правда, знал, я могу и продолжить цитату». Леви покачал головой. Эх, дурень, ты ведь мог произвести впечатление.

Бизенталь легко соскочил с парты и начал расхаживать. Некоторое время он молчал: дал им возможность хорошенько его рассмотреть, прочувствовать до конца, что они находятся в присутствии Бизенталя. Его семинар по современной истории был самым популярным в Колумбийском университете.

¹ Альфред Теннисон (1809—1892) — английский поэт.

— Встречаться с вами мы будем дважды в неделю. Я обещаю быть блестящим оратором примерно половину отпущенного нам времени. Иногда я бываю даже гениальным, гораздо чаще — только выдающимся. Заранее приношу за это извинения. Еще я очень хитрый, я потреплю вам нервы, нащупав, где вы сильны, и обходя эти места стороной. Так что, будьте добры, кратко изложите мне суть ваших работ. Чембейрз?

— Реальное положение черных на Юге и художественный вымысел в прозе Фолкнера.

— А если окажется, что Фолкнер писал правду?

— И я на это надеюсь, — усмехнулся Чембейрз, — обожаю короткие диссертации.

Бизенталь улыбнулся.

Да, этот Чембейрз не дурак, подумал Леви. По крайней мере, остроумен. Боже, чего бы я только не отдал, чтобы стать остроумным.

— Мисс Райордан?

— Европейские союзы держав девятнадцатого века, их критика.

— У вас, сэр? — обратился Бизенталь к брату Райордан.

— Гуманизм Карлейля¹. — Райордан заикался и сказал так: Ка-ка-карлейля.

— Вот уж, право, какая скука, Райордан. Разве в вашем возрасте можно интересоваться таким занудством? Интеллектуалы могут становиться занудами только после двадцати пяти лет, так гласит наша хартия. — Он повернулся к Леви. — У вас, мистер?..

— Деспотия, сэр, — выдавил Леви, и сердце его забилось часто-часто. — Примеры деспотии в американской политической жизни такие: срыв президентом Кулиджем забастовки бостонской полиции, концентрационные лагеря Рузвельта для японцев на Западном побережье в сороковые годы.

Бизенталь взглянул ему в глаза.

— Вы можете взять и Маккарти.

— Что? — только и выдавил из себя Леви; значит, все-таки Бизенталь знал.

— Джозеф Маккарти, сенатор от штата Висконсин. В начале пятидесятых он устроил вселенскую чистку в нашей стране.

— Я отвел ему главу, сэр.

Бизенталь сел за стол.

— Встать, занятие окончено. И последнее предостережение. Многие студенты опасаются, что, обращаясь к преподавателям, они доставляют им беспокойство. Позвольте вас заверить, что в моем случае это стопроцентная истина, вы дей-

¹ Томас Карлейль (1795—1881) — английский историк и философ, пантеист.

ствительно доставите мне беспокойство, так что прошу делать это как можно реже.

Он едва заметно улыбнулся, и все рассмеялись. Но как-то неуверенно.

— Леви, — позвал Бизенталь, когда он уже вышел за дверь.

— Да, сэр?

Бизенталь указал на дверь.

— Закройте, — сказал он и поманил Леви пальцем. — Садитесь.

Молчание.

Леви старался не шелохнуться.

Глаза Бизенталья сверкнули.

— Я знал вашего отца, — наконец сказал он.

Леви кивнул.

— Довольно хорошо знал. Он был моим наставником, ментором.

— Да, сэр.

— Я был черт-те чем, когда он нашел меня, я плясал на краю пропасти, умудряясь как-то не свалиться туда.

— Этого я не знал, сэр.

Бизенталь неотрывно разглядывал его, продолжая сверкать глазами.

— Т. Б. Леви, — произнес он. — Думаю, что, поскольку ваш отец был последователем Маколи¹, вас зовут Томас Бэйбингтон.

— Да, сэр, но я стараюсь не афишировать свое второе имя.

— Насколько я помню, есть еще один сын. В честь кого он назван?

— Торо. Брата зовут Генри Дэвид. — Так оно и было, только Леви никогда так его не называл наедине. Он звал его Док. Это была их большая тайна, во всем мире больше никто не называл его брата Доком. И никто в мире, кроме Дока, не называл его Бэйбом.

— Ваш брат тоже процветающий ученый?

— Нет, сэр, он крупный бизнесмен, делает кучу денег, он всегда был вполне нормален, но в последнее время становится озверелым путешественником, большим почитателем французских ресторанов и пьет только бургундское. Можно заснуть, слушая его рассказы о кутежах у одного знакомого и о длинном носе его приятеля. Я думаю, отец бы лишил его наследства.

Бизенталь улыбнулся.

— Ваш отец очень любил точность — об этом можно судить по вашим именам.

¹ Томас Бэйбингтон Маколи (1800—1859) — английский историк, писатель, философ.

— Как так, сэр?

— Они умерли в один год, Торо и Маколи.

— Нет, — совсем уж было собрался возразить Леви. — Маколи умер в 1859-м, а Торо пережил его на три года. Что же делать, что же делать? Три года — не такая уж и большая разница.

— Я вообще-то... — промямлил Леви.

Чертовы горящие глаза Бизенталя смотрели на него в упор.

— Вообще-то я не знал этого. Всегда думал, что один из них умер в 1859-м, а другой — в 1862-м, вот пример, как можно заблуждаться, спасибо, что поправили меня.

Бизенталь помолчал.

— Нет-нет, конечно, вы правы, это я ошибся, они умерли с интервалом в три года. Я оговорился, простите. А хотел я сказать, что они родились в один год и в один месяц, если быть точным.

Маколи был старше Торо на семнадцать лет, но такого ученого, как Бизенталь, дважды не поправляют. Дважды подряд, может, дважды за всю жизнь, если не побояться навлечь на себя его гнев.

— Да, сэр, — кивнул Леви.

— Никогда, — тихо заговорил Бизенталь, но голос его постепенно набирал силу, — никогда больше не поддакивайте мне.

— Нет, что вы, сэр.

— Когда родился Маколи?

— В тысяча восемьсотом.

— А Торо?

— Тоже почти что в этот год.

— Когда?

— На семнадцать лет позже.

— Исправляйте меня, сэр. Как же мне еще проверять ваши знания? Не люблю тех, кто со всем соглашается. Вечно все согласны со мной, это надоедает. Я ищу думающих людей. Я восхищался умом вашего отца. Я боготворил его. Вы унаследовали ум вашего отца?

— О нет, что вы, сэр.

— Об этом судить буду я, но смогу сделать это лишь в том случае, если вы не будете скрывать. А если вы и дальше будете продолжать в том же духе, я решу, что вы — серость, вы упадете в моих глазах на одну полку с братцем Райорданом. «Леви-младший? Весьма печально. У отца был ум, какой редко встречается, но сын, увы, не может одолеть ничего сложнее таблицы умножения». Ну, как вам это понравится?

— Не очень.

— Почему вы в Колумбийском университете, Леви?

— Здесь хорошо учат

— Придумайте ответ получше.

— Потому что здесь вы.

— Так, ответ уже лучше, и более лестный для меня, но и он, как мне кажется, лишь наполовину правдив. Признаюсь, я сегодня просмотрел ваше личное дело. Я осведомляюсь обо всех, кто достоин моего внимания и покровительства. Вы считаете меня высокомерным, Леви?

— Нет, что вы, сэр.

— А вот отец ваш так считал. И все мне выговаривал за это. Вы учились в Денисоне, если не ошибаюсь? В глухом местечке штата Огайо?

— В рекламной брошюре оно называется иначе, сэр.

— И там вы получили Родса.

Леви кивнул.

— Родсовский стипендиат. Из Денисона. Должно быть, вы необычайно умны: все стипендии Родса, насколько я знаю, всегда расходились по крупнейшим университетам. Как вам это удалось, Леви?

— Не знаю, сэр. Я подал заявку на участие в конкурсе. Вероятнее всего, соперники попались слабые.

— Вероятнее всего. Это прекрасное объяснение. Представляю, в вашем Денисоне все с ума посходили от радости. Нет никакого сомнения, вы ведь были первым лауреатом этой стипендии в истории колледжа?

Леви промолчал.

— Наверное, и заявку первым подали.

Леви ничего не ответил.

Бизенталь дал ему помолчать некоторое время, потом осторожно спросил:

— Почему вы в Колумбийском университете, Леви?

— Да так уж получилось, — промямлил Леви.

— Да нет, не так уж получилось, Леви. Я вам скажу, почему вы здесь. Потому что ваш отец тоже был стипендиатом Родса, учился в том же глухом местечке в Огайо и тоже приехал сюда писать докторскую. В романе про Джеймса Бонда есть такие строки, Леви: «В первый раз это случайность, во второй — совпадение, в третий — вражеские действия».

Леви обильно вспотел. Если я еще раз прибегу на занятия, он меня просто выгонит, пытался он внушить себе, но ничего не получалось, потому что теперь что потел не из-за пробежки.

— Раздел о Маккарти — главный в вашей диссертации, так?

— Так.

— Неразумно, Леви.

— Это всего лишь диссертация, профессор.

— У вас не получится идти по стопам отца, как ни прищербно. Может, вы и оставите большой след в науке, но это будет ваш след, не его.

— Ладно. Я здесь... вы ведь правду хотите. Я скажу вам

правду: я здесь, потому что здесь мне дали большую стипендию, и все. Нет у меня никакой такой высокой программы, ничего подобного.

— Хорошо. Времени прошло очень много, и вам не удастся реабилитировать его.

— Это я знаю. Отца не надо реабилитировать: он был невиновен.

4

В Лондоне у Сциллы никогда не шли дела нормально. Не потому, что ему не нравился этот город. Когда Сцилла приехал в Лондон впервые, он как-то сразу понял, что его дом должен быть здесь. За десять лет привязанность эта только возросла, тогда ему было всего лишь двадцать.

Когда ему стало тридцать, в Лондоне он встретил и очень привязался к Джейни. В этом и крылась причина. Теперь, как бы ни была важна его работа, он не мог сосредоточиться на ней должным образом. Сцилла поддерживал отношения с Джейни уже пять лет, и все шло пока отлично, по крайней мере для Сциллы.

Этим вечером он прогуливался после ужина по Маунт-стрит, разглядывал витрины, думал о Джейни, запел «Туманный день в Лондон-тауне» вслух. Он спохватился прежде, чем успел увлечься пением. Никто не услышал его серенад, но все же это говорило о том, что его внимание рассеивается, так нельзя работать, запросто можно отправиться на тот свет.

Сцилла взглянул на часы: полчетвертого утра. Было чертовски холодно, стоял сентябрь. Сцилла подышал на ладони, поднял и запахнул поплотнее воротник пальто, сшитого на военный лад. Он купил его много лет назад, в фешенебельном лондонском магазине «Берберриз», знал, что оно старомодное, но пошли они все к черту.

Сцилла спокойно сидел и ждал. К ожиданиям как-то привыкаешь. Он не любил ждать, но иногда полезно заставить человека посидеть, он начинает психовать. Сцилла не любил опаздывать и так же не любил, когда заставляли ждать его. Но нервничать в таких случаях он себе не позволял. Они выжидают, чтобы получить преимущество. Когда они появятся, ему надо понервничать и даже вызвать тревогу — пускай думают, что получили свое преимущество. И как только они это подумают, преимущество сразу будет у него. Это и делало Сциллу неуязвимым: он ничего не упускал.

По крайней мере, когда сам вел игру. Но в Лондоне все было как-то не так. Он был уязвим в Лондоне, хотя пока еще никто не использовал эту его уязвимость себе на пользу.

Три тридцать пять.

Сцилла посмотрел сквозь темную зелень Кенсингтона на

мемориал принца Альберта. Какой грандиозный памятник дурному вкусу. Вообще-то он нравился Сцилле, но не сейчас, когда приходится морозить зад в эту чертову ночь, да еще в таком дурацком деле.

Ранее в этот же день он предложил чужой спецслужбе чертежи центральной секции «хитрой бомбы», о которой в эти дни грезил вояки всего мира: бомба планировала, пока не находила заданную цель, и только тогда падала. А дело было таким дурацким оттого, что у той спецслужбы уже имелись чертежи этой части, но они не хотели признать это, поэтому им придется ломать комедию и покупать их. Все это до тошноты напоминало книгу «1984-й год».

Шаги.

Сцилла оторвал взгляд от мемориала Альберта и уставился на пустую скамейку напротив, через дорожку. Наступила самая идиотская часть дела. Как бы долго ни играл Сцилла в эти игры, он не мог сдерживать детское желание захихикать, когда наступало время обменяться паролями. Боже милостивый, ну кто еще будет встречаться на скамейках парка в 3.39 утра?

Можно не отвечать.

Приятного вида девушка села напротив него. Вот это было странно. Они поручили дело такой, казалось бы, важности очень нервной девице. Нет, выглядела она вполне спокойной, и дилетант решил бы, что она вполне уравновешенна. Но Сцилла чувствовал, как трепыхается ее сердчишко.

Она протянула ему пачку сигарет. Сцилла покачал головой. — Боюсь рака.

Бог ты мой, вот и опять внутри его клокотал смех. А что, если бы он не сказал «боюсь рака»? Что, если бы он ответил: «Извини, красотка, не курю?» Ушла бы она или нет? Конечно, нет. Он сидел там, где должен был сидеть, в условленное время. Какой идиотизм. Если он когда-нибудь доберется до власти, первым его актом будет отмена паролей.

Она закурила сигарету.

— Трудно отделаться от привычки.

— Иначе это бы не было привычкой, — сказал Сцилла. И после этого с облегчением вздохнул. По крайней мере с идиотизмом покончено. Она курила, глубоко затягиваясь.

— Вы — Сцилла, — наконец сказала она.

Ну, Бог ты мой, после всего-то, кто же еще? Ее неопытность начинала злить его. Слишком многое он повидал, чтобы иметь дело с дураками и девчонками. Он не ответил, лишь кивнул.

— Я надеялась встретить женщину.

А я мужчину, чуть не ответил Сцилла, и это было правдой, так что он, естественно, промолчал.

— Сциллой ведь звали какую-то женщину-чудовище?

— Сциллой называли скалу. Скалу около водоворота. Водоворот назывался Харибда.

— И что, вы тоже скала?

Да. Был, в лучшие свои дни. Сцилла не ответил. Он понял, что она ходит вокруг да около. Но не понял почему: из-за неопытности или по другой причине.

— Мне поручили передать, что ваша цена слишком высока.

— А вам не поручили поторговаться? — Она и вправду была хороша и очень изящна. Сцилла представил себе ее упругое тело.

Она кивнула.

— Конечно, поручили.

— Ну так что же вы, Бога ради, торгуйтесь, выдвигайте встречное предложение, так ведь положено — торговаться.

— Конечно, — она опять кивнула.

Ей очень страшно сидеть здесь, она не может даже скрыть это, хотя старается, будто кто-то собрался убить ее. И тут его мозг запоздало пришел к заключению: не ее, нет — это тебя кто-то собирается убить.

И если везение — часть замысла; то можно сказать, что ему повезло: он как-то бессознательно поднял правую руку к горлу и всего на какое-то мгновение опередил удавку-проводе. Удавка врезалась ему в ладонь. Не ожидал он этого здесь, в Лондоне, но, если подумать, все было логично. Только логика не в состоянии объяснить, как совершенно бесшумно подкрался убийца. Ни один человек не владел таким искусством. Когда же проволока стала глубже врезаться в руку, а сознание — затуманиваться, Сцилла понял свою неправоту: есть такой человек, наверняка это Чен, хрупкий и смертоносный Чен, уникальный феномен, это он стоял сейчас за его спиной, он убивал его...

Когда выяснилось, что это Сцилла, Чен обрадовался. Не из собственной самоуверенности, а из-за понимания неизбежности грядущего. Так и получилось: Чен против Сциллы. Лучше теперь, чем откладывать, лучше уж он будет нападать, чем наоборот. Идеальной схватки для Чена была бы, если бы их оставили вдвоем в пустой комнате, обнаженными, с перепоясанными чреслами — пусть бы выжил сильнейший. Но, видимо, этому не бывать. Так что, узнав о своей жертве, Чен остался доволен.

Не был он доволен обстановкой. Темнота — не помеха, парк — не помеха, время суток — тоже. Беспокоило Чена время года. Летом Сцилла пришел бы в рубашке, и шея его была бы легко доступна. Но в сентябре, естественно, Сцилла придет в пальто, непременно будет прохладно, и велика вероятность того, что воротник его пальто будет поднят. Когда нужных точек на шее не видно, то легко промахнуться, а это

даст Сцилле возможность нанести ответный удар. Или даже победить.

Чену это очень не нравилось, поэтому он решил взять с собой нунчаки.

Нунчаки — эффективное оружие, древнее как мир: две деревянные палочки, соединенные проволокой или кожей.

Чену нравилась проволока.

Он мастерски владел нунчаками, и на белых необычность этого оружия наводила страх. Белые знают, что такое нунчаки.

А потом пришла мода на фильмы с кун-фу. Брюс Ли с экрана вовсю крутил нунчаки, и, ужасаясь, Чен смотрел, как священное оружие становилось забавой подростков во всем мире. В Лос-Анджелесе мальчишки крутили нунчаки. В Ливерпуле они стали чем-то обычным. Обычным. Это настоящее издевательство. Чен ходил на все фильмы Брюса Ли и шептал проклятия.

На встречу со Сциллой Чен подошел в 2.30. Он знал, что девушка должна прийти в 3.30, но опоздает на девять минут, чтобы позлить этого здоровяка. Чен предположил, что Сцилла подойдет к трем часам: сам Чен обычно приходил на подобные свидания с получасовым запасом как минимум, и он бы удивился, не поступи Сцилла так же.

В полтретьего Чен быстро, но тщательно осмотрел местность и устроился за скамьей, на которую должен был сесть Сцилла: удобное место, оно было недалеко от кустов, там Чен не будет замечен.

Чен присел и стал ждать.

Он мог просидеть на корточках... ну сколько? День? Да, день: однажды пришлось целый день сидеть неподвижно. Может, он выдержит и дольше. Если потребуется — выдержит. Чен замер, и, когда в три часа Сцилла осматривался по сторонам, Чен уже стал частью ландшафта. Ничем он не выдал себя. Он пришел сюда раньше Сциллы, а уйдет, когда Сцилла будет мертв.

Нунчаки Чен держал в расслабленных руках, по палочке в каждой, давая упругой проволоке скручиваться, как она желает.

В 3.41 он встал и напряг мышцы рук. Они были его гордостью, эти руки, он работал ими всю жизнь, ведь сам он был шуплым. Он никогда не весил больше ста фунтов.

Чен начал продвигаться вперед.

— Сциллой ведь звали какую-то женщину-чудовище?

— Сциллой называли скалу. Скалу около водоворота. Водоворот назывался Харибда.

— И что, вы тоже скала?

Сцилла молчал.

Чен приближался.

— Мне поручили передать, что ваша цена слишком высока.

Черт ее возьми, подумал Чен, нечего было торопиться, она должна была не сразу сказать о цене. Надо же, именно сейчас ему пришлось работать с новенькой! Сцилла теперь почует неладное. Чен хотел было ускорить шаг, но вовремя себя остановил: скорость — твой враг, если стараешься идти бесшумно.

Надо сохранять равновесие, не торопиться. Иначе может зашуршать одежда или хрустнет ветка — это оглушительный звук.

— А вам не поручили поторговаться?

Чен стоял в шести футах от Сциллы. Лучше бы этих футов было четыре. Однако проклятая девчонка все испортила.

— Конечно, поручили.

Три фута до Сциллы.

— Ну, так что же вы, Бога ради, торгуйтесь, выдвигайте встречное предложение, так ведь положено — торговаться.

— Конечно, — ответила она, и, захватывая горло Сциллы проволокой, Чен увидел, что тот успел поднять руку. Правая рука Сциллы защищала теперь горло от проволоки. Сука, мысленно ругнулся Чен, но затем сконцентрировал внимание на деле. Он уже не раз резал плоть проволокой, а кости ладони ломаются легко...

Когда кровь хлынула из раненой ладони, Сцилла увидел, что девчонка наставила на него пистолет. Это было бессмысленно, оружие бесполезно в такой темноте, только лишний шум — попасть очень трудно. Но хотя девчонка и зря приволокла сюда пушку, она легко могла достать его, если бы действовала порасторопней, потому что сейчас его пронизывает боль, а боль меняет все вокруг. Боль окутывает облаком, сквозь которое ничего не видно, трудно поступать согласно логике, опыту и выучке.

На какое-то мгновение, когда проволока впилась еще глубже в руку, Сцилла ослабел, в голове его затуманилось, и он был готов умереть.

Но девчонка медлила, слишком медлила — и упустила момент.

Сознание Сциллы стало проясняться. Ты — Сцилла-скала. Помни это! Ты — Сцилла, ты — скала, и ты должен что-то сделать, прямо сейчас. Слова эти четко отпечатались у него в мозгу, потому что девчонка с пистолетом вставала со скамейки, и хотя его сознание и прояснилось, но пуля прошибет ясную голову так же легко, как и затуманенную, а за ним стоит Чен, равный ему, один из немногих, если не единствен-

ный, потому что ты — Сцилла-скала, и ты должен что-то сделать!

Придумать что-то необычное, единственное в своем роде — вот и все. У тебя пять секунд. Пошел.

Чен велик, но Чен мал — девчонка приближается. Чен быстр, но Чен сейчас стоит. Девчонка навела пистолет. Если удастся вывести его из равновесия, если только...

Надо попробовать.

Он видел, как это делается. Один раз. На баскетбольной площадке. Непревзойденный Монро вышел против гениального Фрейзера. Звезда нападения против величайшего защитника. И никого рядом. Один на один. Монро шел к корзине и сделал финт вправо, а если сделан финт вправо, есть только два дальнейших варианта: можно сделать финт вправо и уйти влево или сделать финт вправо, потом финт влево и уйти вправо.

Монро не предпринял ни того, ни другого.

Он сделал финт вправо и сразу ушел вправо, вокруг Фрейзера, которому ничего не осталось, кроме как стоять и смотреть.

Сцилла сделал финт вправо и ушел вправо.

Он рванулся всем телом вправо вдоль скамьи, и затем, когда, казалось, он останавливается и вот-вот рванет влево, Сцилла вложил все силы в завершение рывка вправо, и тут почувствовал, что проволока ослабла. Чен потерял равновесие. Мобилизуя силы своего мощного тела, Сцилла нагнулся, метнулся вперед, увлекая за собой щуплого противника. Когда Сцилла прочно встал на землю, он сделал мощный бросок через плечо и швырнул беспомощного Чена на девчонку.

Они столкнулись и упали, девчонка потеряла сознание, пистолет оказался на дорожке. Сцилла заметил его, но и Чен заметил и попытался достать пистолет, царапая асфальт и ведя себя как обезумевший таракан.

Сцилла не стал ему мешать. Из его правой руки хлестала кровь. Рука почти не работала. Сцилла смотрел, как Чен приближается к пистолету, и затем попытался ударить его ногой в голову. Чен был готов и поймал ногу Сциллы, крутанул ее, бросив противника на землю. Сцилла быстро встал и нанес удар левой рукой — но рука лишь скользнула по голове Чена. Даже стоя на коленях и еще не оправившись после броска, Чен быстро увернулся. Сцилла попытался еще раз ударить его левой, и опять Чен увернулся. Еще один удар левой не достиг цели — Чен нагнулся и перекатился по земле: он действительно напоминал таракана, которого очень трудно поймать. Тогда они оба решили воспользоваться пистолетами, но оба сделали это как-то неловко. Поняв, что Чен может успеть первым, Сцилла отбросил ногой пистолет в кусты. Чен ударил его по шее, но Сцилла успел чуть отклониться, так что Чен не попал в нужную точку. Однако от

боли мышцы Сциллы свело судорогой, а сознание опять окутал туман. Не сдаваться, приказывал себе Сцилла, если потеряю сознание, я пропал... Он опять промахнулся левой, правая же бессильно висела, ударить ею было бы слишком больно, он знал это, и Чен знал. Поэтому, когда Сцилла ударил его по болевой точке правой рукой, в миг, когда она коснулась шеи Чена, раздалось два вскрика. Но кому было больней, ему или Чену?.. Можно только с уверенностью сказать, что мучения Чена кончились быстрее. Переводя дыхание, Сцилла встал, прошел мимо мертвого китайца, по пути прикончил девочку и побежал вдоль дорожки к мемориалу Альберта, на ходу оборачивая раненую ладонь платком.

Ближайший телефон-автомат был у Кенсингтонского дворца. Сцилла заставил себя идти неторопливо хотя уже и было 3 часа 45 минут утра, кто-нибудь ведь может не спать — не оберешься потом неприятностей. Если не хочешь себе неприятностей — иди шагом.

Сцилла вставил монеты в автомат, набрал нужный номер, трубку сняли после первого же гудка.

— Транспортная контора.

— Это Сцилла.

— Сцилла?

— Двое. Между мемориалом Альберта и Ланкастер-парком.

— Ранения?

— Рука.

— Я предупрежу клинику, Сцилла.

Щелчок.

Сцилла вышел из телефонной будки и стал ждать. Делать это было необязательно, он мог уйти, но лучше проследить, чтобы не возникло осложнений.

Кроме того, надо было подумать, зачем Чену понадобилось пускать его в расход? Кто-то его нанял. Кто? Почему? Последствия стычки в лос-анджелесском туалете? Может быть. Но не так уж много он причинил неприятностей арабам, чтобы они стремились убить его. Сцилла пока не мог понять, что же происходит вокруг него. Рука болела все сильнее.

Через семь минут подъехала машина, очень похожая на настоящую «Скорую помощь». Через пять минут она выехала из Кенсингтон-гардена. Все сделано умело, и, естественно, в газеты ничего не попадет.

Сцилла поймал такси; не доезжая до клиники, отпустил его, подождал, пока машина скроется, затем пошел туда, где его уже ждали. Руке было все хуже. Он было побежал, но вовремя опомнился: если не хочешь неприятностей — иди шагом.

Истекая кровью, Сцилла неторопливо шел по улице.

В клинике все было готово. Рану обработали, зашивать предложили под анестезией.

Он сказал, что анестезия не потребуется.

Хирург напомнил, что будет больно.

Он сказал, что знает об этом.

Врач неохотно начал оперировать необезболенную руку. Сцилла наблюдал за всем, за каждым стежком. И не издал ни звука.

Он был Сциллой-скалой... в лучшие свои времена.

5

Леви сидел в углу читального зала и изучал материалы об Америке 1875 года. Год ему не был особенно важен, точные даты — ерунда. Его отец писал: «Для педанта дата священна, она — предмет поклонения, но для настоящего историка-обществоведа — лишь удобная памятка, не более. Не спрашивайте спасшегося с «Титаника»: «Скажите, а во сколько точно все произошло?» Нет, спросите его: «Как это все произошло? Что вы чувствовали?» Работа историка и обществоведа состоит в том, чтобы сделать прошлое созвучным настоящему, пробудить сходные чувства у тех из нас, кто не присутствовал при том или ином историческом событии. И помочь понять его».

Америка в 1875-м, думал Леви, так-та-ак. Час он посвятил Англии, час Италии и Франции. Германию он знал плохо, относительно плохо, но это потому, что немцы быстро надоедали ему: никакой фантазии, юмора. Похоже, что в самом начале Творец повелел: «Ладно, теперь на Земле все будет так: всех блондинов — в Скандинавию, всех брюнетов — в Румынию, а всех смешливых — прочь из Германии». Гм-мм, думал Леви, 75-й, 75-й... Примерно в это время была установлена первая телефонная связь.

Леви откинулся на спинку стула, решив немного передохнуть. С Америкой у него неплохо. Поверхностно, конечно, но ведь он не какой-нибудь специалист по XIX веку, черт возьми. Он, прежде всего, занимается современностью, но разбираться в других периодах тоже надо. Главное — знать мир, периоды с интервалом лет в двадцать пять, на протяжении хотя бы двух веков. Имея под рукой эти данные, хорошо усвоенные, пробелы можно ликвидировать. Так работала мысль его отца. Совсем не надо знать все. Только главное, а об остальном позаботится логика. Отец любил логику, Леви — тоже.

За столом слева началось какое-то оживление, красивый парень и красивая девушка поддразнивали друг друга, но ясно было, что желали они более теплых отношений. Леви наблюдал за ними. Вообще-то он и работал здесь, а не в отдельной комнате. Он любил наблюдать за людьми.

Вранье. Он любил смотреть на девчонок.

Вот сидит парочка студенток, от которых, черт возьми,

перехватывает дыхание. Одной из них надо будет как-нибудь заняться.

Он вздрогнул — рядом стоял и смотрел на него Бизенталь. Бизенталь показал на гору книг перед Леви.

— Ваши штучки никого не проведут. Вы строите глазки.

— Это только кажется, сэр, в действительности я делаю большую работу.

— Кто хочет работать, идет в комнату.

— Да я бы с удовольствием, но комнат здесь не хватает, вот и пришлось... — пробормотал Леви.

— Я всегда занимался здесь, — заметил Бизенталь. — Очень удобно смотреть на девочек.

И вы смотрели на девочек? — чуть не вырвалось у Леви.

— Знаю, о чем вы подумали, — заявил Бизенталь, — взгляд у вас был очень знакомый. Вот так смотрел на меня один студент, я ехал на машине по Бродвею, и когда остановился у светофора, он в оцепенении уставился на меня с тротуара. Я спросил, в чем дело, а он только и выдавил: «Боже мой, вы умеете водить машину». Мы тоже люди, Леви, хотя и не все. Постарайтесь это понять. И над чем это вы тут работаете?

— Тысяча восемьсот семьдесят пятый год, — ответил Леви.

— Не пропустите Глиддена, — посоветовал Бизенталь.

— Ни в коем случае, сэр.

Бизенталь взглянул на часы.

— Почти семь. Мне надо успеть домой к ужину, проводите меня, Леви, — он указал пальцем на стол, — разгребать это не надо, я живу тут рядом, на Риверсайд-драйв.

Леви пошел за Бизенталем по огромному читальному залу. Он не считал меня последним дураком, решил Леви. Спорю на что угодно, он не попросил бы Райорданов проводить его.

— Я бы пригласил вас на ужин, Леви, — сказал Бизенталь, когда они вышли на улицу. — Только вот моя жена — настоящая красавица в свое время и прекрасная мать своих детей поныне, — увы, отвратительно готовит. Мало того, что пища весьма посредственная, ее почему-то всегда не хватает. Нужно ли говорить, что мы не принимаем дома.

Они вышли из университетского двора и свернули в сторону Бродвея и Сто шестнадцатой стрит. На перекрестке стоял книжный магазин. В его витрине висел портрет Кеннеди.

— А где вы были, когда он погиб? — спросил Бизенталь.

Леви вслед за ним пересек улицу.

— Кеннеди? Я был в столовой колледжа, и один наш футболист — трепло страшное — зашел и сказал: «Кеннеди застрелили», а я и еще один парень спросили его: «Новый анекдот?» — и рассмеялись, потому что спросили дуэтом. Мы смеялись, пока не заметили, какое выражение лица у бедняги — тогда мы поняли, что это не анекдот.

— Я спрашивал про вашего отца.

— Я был... в общем, поблизости.

Они замедлили шаг, ступив на крутой склон к Риверсайд.

— Я хочу, чтобы вы кое-что знали, — со значением проговорил Бизенталь. — Поверьте, говорю я для собственной выгоды.

— Да, сэр.

— Я хочу доверить вам большой секрет, Леви. Это может расстроить мою карьеру, разрушить ее за один час, если тайна раскроется. Если бы я оказался принцем в изгнании и «Таймс» напечатала об этом передовицу, то шуму было бы меньше, чем от того, что я вам сейчас расскажу. Я — страстный бейсбольный болельщик. И болею не просто за «Метсов», «Доджеров», «Аарон» или за «Мээйз» — я болею за них всех. Я обожаю следить за ходом игры, за счетом. До сих пор я, уже вступая в старческое слабоумие, по воскресеньям запираюсь в ванной со спортивными новостями, делая вид, что моюсь, а в действительности жадно читаю сообщения об играх. А теперь пошевелите своими замечательными мозгами, Леви. Для человека с моей страстью какое событие самое важное в году, важнее всего в мире, важнее даже конкурса «Мисс Америка»?

— Сериал¹?

— Совершенно верно. Всеамериканский Сериал. А для человека моего положения нет ничего хуже такой страсти, потому что бывают случаи, когда мои лекции совпадают с трансляцией матчей Сериала. Знаете, что я тогда делаю?

— Нет, сэр.

— У меня работает секретарша, уже больше тридцати лет, и она умница. Я дал ей приемник самой последней марки и научил после каждой подачи, когда я веду лекцию, заходить в аудиторию с самым убитым видом, как будто произошел страшный катаклизм, и говорить: «Профессор, можно вас на минутку?» Я всегда отвечаю ей раздраженно: «Ну что там такое, не видите, я занят». Она же отводит меня в сторону и шепчет, пока я киваю очень серьезно: «Окленд» после шести ведет 2:1, Сивер все еще на поле у «Метсов», но уже подустал, разогревается Макгроу». Я задумчиво, будто бы решая, что предпринять, возвращаюсь к студентам, а те очень горды тем, что, несмотря на важные события, я ценю их лекционное время.

Они свернули на Риверсайд-драйв и направились к Сто восемнадцатой стрит.

— Ваш отец умер в марте...

— Тринадцатого.

— ...я был на лекции, и вот она вошла, моя замечательная секретарша, и хотя это было много лет назад, я никогда

¹ Всеамериканский Сериал — чемпионат по бейсболу среди обладателей кубков двух лиг: Американской и Национальной.

не забуду того выражения глубочайшего отчаяния на ее лице. Я тогда подумал, что игры Сернала еще не начались, даже сезон-то еще толком не начался, и что же могло случиться такое ужасное, что она заходит во время лекции с жутким выражением на лице? Я пошел к ней, думая на ходу: неужели у меня уже начался маразм и я не заметил, как прошло полгода? А тогда, много лет назад, в финале Сернала играли «Милуоки» с Бурде и Аароном против «Янки» с Фордом и Мантлом. Я припомнил эти имена, пытаюсь сообразить, что произошло, а она даже не назвала имя, просто сказала: «Он умер», повернулась и ушла.

Я испытал великое облегчение: значит, слабоумие у меня еще не началось. Помню, я даже улыбнулся, вернулся, сел на свое место, и тут-то до меня дошло... Я сказал студентам: «Лекция закончена». Они ушли. Примерно через час секретарша принесла мне пальто и шляпу. Я спросил: «Как?» Она ответила: «Кровоизлияние в мозг». — «Надеюсь, он не мучился?» — сказал я. Я же подозревал, что не было никакого кровоизлияния в мозг.

— Тогда пытались замять дело. — Плохо старались. Уже через день газеты написали, что он прострелил себе голову.

— А где были вы?

— Дома, в прихожей. Мне было десять, и я уже научился хорошо делать бумагу, мы этим занимались вместе с отцом. Иногда он был снисходителен и учил меня всяким вещам. Он знал все, не мне вам это говорить. Я собрался ему рассказать, как здорово у нас получилось, но потом передумал: за ужином не о чем будет говорить. Я решил подождать до ужина, и тут услышал выстрел. Помню, как стоял на пороге его комнаты, отца не было видно, он лежал на полу за кроватью, но я увидел кровь, она текла ручейком, я еще подумал, слава Богу, краску разлил не я — и потом увидел, как красиво получилось, как не хватало комнате этого ручейка, он расцветил ее, и вообще... В конце концов я очнулся, пошел к телефону, вызвал полицию, а когда они приехали, попросил у них пистолет. Они сказали, что это вещественное доказательство. Ладно, дайте, когда дело закончится, сказал я. Они ответили, что оружие подросткам не дают. Но я иногда очень настойчивый парень, так что, сами понимаете, этот пистолет сейчас у меня. Брат добыл его для меня, ему тогда было двадцать. Когда и мне разрешили по закону, я начал упражняться. Теперь я метко стреляю.

Они остановились перед красивым зданием, у входа в которое стоял швейцар.

— Зачем это?

— Не знаю. Я надеялся, что Маккарти будет еще жив. Я ведь думал тогда так: физически я не силен, сами видите, не тяжеловес, а было бы очень здорово шлепнуть пару мерзавцев до того, как они шлепнут тебя. Теперь я храню пи-

столет, потому что он мой, потому что он отцовский. Не знаю, зачем я его храню. Всего хорошего, профессор. — Леви повернулся, собираясь уйти.

— Том.

Боже, он назвал меня Томом!

— Да, сэр?

— Почему ты не ответил, что цитата из Теннисона? По твоему лицу было видно, что ты знал.

— Испугался.

Бизенталь кивнул.

— Да, я устрашаю людей, но я и старался добиться этого эффекта. Аки лев рыкающий...

Леви взглянул на Бизенталь. Он смущен, подумал Леви, потому и запнулся.

Затем слова Бизенталья вырвались залпом:

— Я плакал в тот день, Том, когда он умер. Я хочу, чтобы ты знал это.

— Всем нам в тот день было невесело, — ответил Леви.

6

Сцилла стоял у входа во дворец и смотрел вдоль Принцесс-стрит. Темнело быстро, но Принцесс-стрит оставалась такой же прекрасной, ничто в Эдинбурге не могло сравниться с ней, да и во всей Шотландии и Британии, и в Европе, да, пожалуй, на всем этом и даже на том свете. Она — дар Всемогущего, он будто бы специально собрал лучшие магазины с Пятой авеню и расставил их здесь, вдоль Центрального парка, но затем, не удовлетворенный обыкновенной зеленью, воздвиг посреди парка огромный холм высотой в сотни футов, увенчанный великолепным пряничным дворцом. Если уж выбирать себе улицу для последнего часа, лучше Принцесс-стрит не сыскать.

Хватит думать о последнем часе.

Но Сцилла не мог с собой ничего поделаться. Он стоял на пронизывающем ветру, любясь огнями чудесных магазинов, которые напоминали о роде человеческого, точнее, о его отсутствии. Правая рука побаливала, швы жгли огнем.

Робертсон опаздывал. Можно было не беспокоиться, если бы опаздывал кто-то другой. Но Робертсон славился своей пунктуальностью. Если ты сидел в Лондоне, а он звонил из Бейрута и говорил: «Встретимся во вторник в 2.30, на горе Эверест, северный склон, на полпути к вершине», то тебе придется искать уважительную причину, если прибудешь к месту без двадцати три.

Надо надеяться, задерживается он по безобидной причине; может, машина застряла в пробке или колесо спустило. Вся Принцесс-стрит была на виду, транспорт шел беспрепятственно. Если бы у Робертсона спустило колесо, он не стал бы с

ним возиться. Он сел бы в такси и приехал точно в назначенное время, как всегда.

Может быть, он уже мертв? С его-то сердцем он может загнуться в любую минуту. Мало того, что Робертсон толстый, он еще и много курил, и пил изрядно, ел тяжелую пищу, так что, по логике, приступ не исключен.

Но в последнее время происходят странные события, взять хотя бы этот недавний случай с Ченом. Весьма вероятно, что Робертсон умер насильственной смертью. Дай Бог, что все не так. Хотя их отношения были исключительно деловыми, в какой-то мере даже незаконными, и не имели ничего общего с Отделом, Сцилла все же надеялся, что Робертсон мог умереть во сне, после любимого плотного ужина: двойной порции копченой лосося, антрекота с кровью и со всевозможными овощами в гарнире — соусе из масла и желтков, и чрезмерно большой порции профитроля на десерт.

Сцилла стоял в нерешительности. Робертсон задолжал ему после их последней операции около двадцати тысяч долларов. Сцилла чувствовал, что слишком долго засиделся в Эдинбурге, давно пора убраться в Париж, выезды из Лондона должны быть кратковременными, чтобы Отдел ими особо не заинтересовался.

К черту, решил Сцилла и начал спускаться с холма на улицу. Я все равно посмотрю, что там стряслось, хочу знать точно, что Робертсон не мучился. Робертсон владел лучшим антикварным магазином в Шотландии, специализировался по драгоценностям, из-за них его, видимо, и убили. Алчность. Вот она — простая и обычная причина. Робертсон, наверное, слишком энергично протестовал, воры запаниковали и убили его.

Робертсон нравился Сцилле. У них было мало общего, но он все же испытывал симпатию к этому старому толстому педику. Однажды, когда он привез очередной груз, неожиданно появились родители Робертсона, и они все вчетвером отправились в ресторан. Обедали в ресторане на Фредерик-стрит, где тут же поднялись суматоха и волнение, ибо Робертсон был постоянным и богатеньким клиентом.

И о чем же они говорили за столом? О девушках.

Все было очень мило. Родители и не подозревали, что их Джек — один из самых известных педерастов в Западной Европе. И Робертсон держался весьма непринужденно, даже сокрушался по поводу того, что он все еще холостяк, что девушки его не любят, что он толстый и некрасивый.

Сцилла проехал в такси мимо магазина Робертсона на Грасс-маркет. Окна не светились. Никаких признаков жизни. Рядом стояло пустое здание, из него на Сциллу повеяло смертью. Проехав еще квартал, Сцилла вышел, расплатился

с таксистом, вернулся к магазину Робертсона и встал напротив него, наблюдая. Внутри — тишина. Ни звука.

Сцилла пересек улицу и без труда открыл дверной замок: ему опять пригодился перочинный нож. Робертсон жил в этом же доме, над магазином, и Сцилла, бесшумно ступая, пошел по лестнице вверх. Спальня Робертсона была на третьем этаже, через приоткрытую дверь он увидел распластанное на кровати тело. Убит?!

Сцилла вошел в комнату и замер, ошеломленный.

Робертсон храпел. Толстый мерзавец не убит, он дрыхнет. Сцилла зажег лампу у кровати.

— Джек, Дже-ек.

Робертсон заморгал, удивленно уставившись на него, и Сцилла понял: Бог ты мой, все это время, пока я считал его мертвым, он считал мертвым меня, вот почему и не явился.

Сцилла сел на стул у светильника.

— Почему ты не пришел, Джек?

— Наша встреча назначена на завтра, — сердито ответил Робертсон.

— Ты думал, что меня уже нет в живых, так?

— Я не отвечаю на дурацкие вопросы.

— Почему ты решил, что я мертв?

Сцилла откинул одеяло, которым укрылся Робертсон.

— Сцилла, Боже мой, что за чепуха?

— Я могу заставить тебя говорить. Не доводи меня.

— Пойдем на кухню, я голоден. Только пижаму накинута. — Робертсон затрусил к шкафу.

Сцилла сидел у лампы, сложив руки на коленях и ногой наступив на шнур.

Робертсон надел пижаму и сказал раздельно и четко:

— Ты никогда, никогда больше не будешь мне угрожать, понял? — В руках он держал крохотный пистолет.

Сцилла вздохнул.

— Джек, на карте — твоя жизнь, ты ничего не понимаешь в этих играх, так что хватит, пожалуйста.

— А ну подними руки!

— Бог ты мой, как оригинально.

— Я убью тебя.

Сцилла поднял руки.

— А теперь слушай меня, — сказал Робертсон, — ты не смеешь мне больше угрожать. Все, что мы делали, как скрывали и присваивали, каждая сделка — все это в запечатанном конверте у моего адвоката. Если я умру, то конверт вскрыют, а там даны распоряжения о том, как поступить с информацией, и, мне кажется, тебе трудно будет остаться в живых, когда эти сведения поступят куда надо.

— Ты приворовывал и присваивал задолго до знакомства со мной.

— И что из этого?

— Просто интересно, про это тоже написано в твоей бумаге?

— Да, все записано.

Сцилла покачал головой.

— Ничего у тебя не написано, ты скрытный тип, Джек. Твои родители не знают о твоих штучках, и, по-моему, тебе нравится жить в тени, так что ты вряд ли что-нибудь про себя напишешь.

— Ты хочешь, чтобы я убил тебя?

Сцилла опять покачал головой.

— Ты все перепутал, Джек, умереть придется тебе.

— Руки, руки не опускай...

— Только что я просил тебя, Джек: хватит. Я просил серьезно, если бы ты замолк, тебе бы это еще сошло с рук, но теперь у меня нет выбора, если я не убью тебя, ты пове-ришь, что Сцилла можно взять на испуг.

— Как ты можешь угрожать мне, пистолет-то у меня?..

— Потому что я невидим, — сказал Сцилла и дернул ногой шнур лампы. В комнате стало темно.

Робертсон выстрелил в стул — негромкий хлопок. Потом — тишина.

— Сцилла?

Тишина.

— Я знаю, ты жив, тело не упало.

— Да что ты говоришь, Джек, — раздалось из другого угла комнаты.

Робертсон выстрелил еще раз. Опять негромкий хлопок.

— Тебе не уйти.

— Ах я несчастный, — послышалось уже из другого угла.

— Я скажу, что ты грабил мой магазин.

— Слышишь, у тебя дрожит голос.

— Не шевелись!

— А я уже здесь!

— Стой!

— А я уже там. — Сцилла совершенно бесшумно, как огромная кошка, двигался по комнате.

— Ты что, не понимаешь, все бесполезно — пистолет у меня...

Шепот:

— А у меня руки, Джек.

— Сцилла, слушай...

Опять шепот:

— Больше не стреляй. Бросай пистолет, если будешь стрелять, то лучше попадай. Промахнешься — будешь умирать очень долго...

— Ты прав. Я отдам тебе деньги...

— Назад у нас пути нет. Если я оставляю тебя в живых, ты напишешь такую бумагу. Между нами нет больше дове-

рия, так что нам не о чем больше и говорить. Как ты хочешь умереть?

— Я не хочу умирать, Сцилла.

— Придется. Но я могу сделать все без боли.

— Я очень расстроился, узнав, что ты умер. Правда, Сцилла, ты мне нравишься и родителям моим, они все время о тебе спрашивают.

— Милые люди. Говори, что знаешь, Джек.

— Ничего. Мне позвонили из Парагвая и сказали, что курьер будет другой. Я и подумал, что ты мертв.

— Я иду, Джек. Бросай пистолет, ну!

Пистолет упал на пол.

— Молодец, Джек. Теперь иди в кровать.

— Без боли, ты обещал.

— Ложись.

Хруст матраса под грузным телом.

— Хочешь, чтобы было похоже на самоубийство? Можешь написать записку, объясни: боишься за сердце, боишься стать в тягость. Можешь написать, как любишь родителей.

— Да, пожалуй, напишу.

Сцилла вставил вилку лампы в розетку, вытащил платок, подобрал пистолет.

— Где бумага, в столе?

Робертсон кивнул.

Сцилла подал ему листок и ручку.

— Не стесняйся, будь откровеннее, Джек. По-моему, для них это будет облегчением.

Робертсон писал записку, а Сцилла терпеливо ждал. Когда Робертсон закончил, Сцилла взглянул на листок.

— Ты хороший человек, Джек, о тебе будут вспоминать только хорошее. Закрой глаза.

Робертсон закрыл глаза.

Сцилла поразился, как трудно ему нажать на спусковой крючок. Он не боялся, что пули, выпущенные в спешке, застрянут в стенах и поставят под большое сомнение версию самоубийства. Трудно было потому, что работу этого рода он выполнял или в целях самозащиты, или под влиянием сильных эмоций, но сейчас, в эту минуту, работа предстала в своем чистом виде, работа мясника, и если ее становится трудно выполнять...

Сцилла навел пистолет на висок, но не стрелял.

— Расскажи мне, как ты сегодня пообедал, Джек. — Палец на спусковом крючке напрягся.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы ты думал о еде, о вещах радостных и приятных, о профитроле и марочном портвейне, потому что... последние годы были трудными для тебя... грозил еще один инфаркт, а после него ничего нельзя в рот брать, кроме

сельдерей, я хочу, чтоб ты знал... я ведь делаю тебе услугу, так ведь, Джек?

— Ради Бога, Сцилла, ты ведь обещал без боли!

Сцилла выстрелил в висок, в нужную точку. Потом аккуратно вложил пистолет в руку Робертсона.

— Спи спокойно, Джек.

Сцилла сидел и смотрел невидящим взором на тело. Я такой же, как ты, только ты лежишь навзничь.

Я тоже умер, но я не буду лежать.

7

Бэйб сидел в своем углу библиотеки: угол был «его». Бэйб терпеть не мог, когда был занят дальний-от-двери-в-левом-углу стул. Бэйб и сейчас сидел на нем, сгорбившись над столом. Казалось, его мозги легонько потрескивали — все из-за этих итальянцев, проклятые итальянцы решили его доконать. Их имена сводили Бэйба с ума-а-а-а.

Большинство людей раздражают русские имена, ничего не скажешь, в них есть своя чертовщинка. Жизнь не покажется сладкой, если придется по несколько раз на день выписывать: «Федор Миехайлувич Доустоевски». Но, по крайней мере, тут можно обойтись одной фамилией. Скажешь: «Достоевский», и всем ясно — это человек, который писал великие романы.

А вот если ты упомянул Медичи... Которого ты имел в виду? Лоренцо или Козимо № 1? Или, быть может, Козимо № 2? А которого: Беллини-Джентили, Джованни или Джакомо? Не говоря уже о ребятах Поллануоло — Антонио и Пьеро. А кто, кроме дьявола, мог создать Фра Филиппо Пиппи в одно время с Филиппино Пиппи? И к тому же все, кроме Медичи, естественно, были художниками, скульпторами или архитекторами.

Бэйб откинулся на спинку стула. Не одолеть мне все это, подумал он с отчаянием. Я всегда буду второго сорта, а на моем могильном камне напишут: «Здесь покоится Т. Б. Леви, который не смог осилить даже итальянцев». А может, я не создан стать хорошим историком. Это же просто кошмар — знать все. Но отец-то ведь знал, и Бизенталь умудрился все узнать, значит, это не невозможно, только надо взять себя в руки.

Тебе не одолеть Нурми, если ты так рассуждаешь. Пробежать марафон — твоя главная цель, а эта работа — тоже цель, вот и все. Так же, как надо заставить тело бежать, пересилить себя в марафоне, так же надо заставить работать и ум. Леви схватил одну из книг по искусству в кипе на столе и открыл ее на странице, где говорилось что-то про Поллануоло. Ладно, сказал себе Леви, смотри на его картины: о чем они говорят? Антонио все делал так, а Пьеро —

эдак. Они были людьми, у них были свои причуды, как у всех. Ищи в картине художника, человека. Котелок с мозгами у тебя есть, так что давай, пускай его в дело. Думай. Рассуждай.

Тут в зал вошла она, и все рассуждения испарились, вылетели из окна вон, исчезли, капут.

Леви раскрыл рот и окаменел в своем углу. Короткие светлые волосы, удивительные голубые глаза, блестящий черный плащ. Умереть не встать. Боже мой, думал Леви, все еще глаза на нее, а как эти глаза должны быть хороши вблизи. Нет, вот так: а как эти глаза должны быть хороши, когда они смотрят с любовью.

Хватит себя истязать. Назад, к Полламуоло! Леви закрыл глаза и попытался сосредоточиться — сначала на Антонио, потом на Пьеро, изыскивая между ними мелкие различия, находя главные особенности, которые направили бы его в...

Хватит. Леви приоткрыл глаза, чтобы еще немного полюбоваться девушкой.

В руках у нее было полно книг, она оглядывала зал, подыскивала себе место. Сюда, хотелось крикнуть Леви, ко мне!

Ей было логичнее всего сесть к нему. Леви сидел один, мест за столом было шесть — хоть вдоль ложись. Все время, пока Леви мысленно расписывал несомненные преимущества его стола, он знал, что мечте его не сбыться. Красота все время как-то обходила его стороной.

Это правда. Класс Леви в Денисоне считался самым некрасивым в истории колледжа. Пойди найди красивого стипендиата Родса. Такова была его судьба — влюбляться в Афродит и жениться на какой-нибудь нескладухе с лицом, как ботинок.

Да, что греха таить, с девушками у Леви было сложно. Нет, они ему нравились. Но ни одна девчонка, которая ему нравилась, не отвечала ему взаимностью, те же, кто тянулся к нему, никогда бы не заставили его вспылать ответным чувством. Все девушки, которым он нравился, были очень умны. В колледже не было члена женского клуба Фи Бета, которая бы не строила ему глазки. Он часто назначал свидания, кое с кем был близок, но все это быстро надоедало. Только потому, что он умный, умные девушки были уверены, что ему нужны интеллектуальные беседы. Это бесило Леви. Дайте ему лучше официантку с милым нравом, тогда он, может, и найдет свое счастье. Но до сих пор у него ничего не выходило. Не выходило и теперь не выйдет. Боже мой, изумился Леви, она идет сюда!

Леви быстро схватил книгу и раскрыл ее. А если она сядет за его стол, что ему делать? Остаться хладнокровным, вот что. Эти шикарные девицы знают все дебюты, так что пусть начинает она. Сиди и жди, и когда она попросит у тебя ластик, небрежно так протяни ей и не показывая, как

ты рад, потому что такие девицы привыкли производить впечатление на любого. Как только клонешь, им чихать на тебя: ты для них — никто. О Боже, Леви, у тебя нет ластика!

Так, надо срочно раздобыть ластик, иначе все пропало. Леви оглядел зал. Сестричка Райордан зубрила в дальнем конце зала, у нее всегда есть ластик. Леви пошел к ней: она сейчас вообразит, что он пытается завязать с ней отношения. Так обычно думали о нем все невзрачные девчонки. Стоило ему только сказать какой-нибудь: «Одолжи мне, пожалуйста, промокашку», она тут же вбивала себе в голову, что он чуть ли не делает ей предложение. Но сейчас игра стоила свеч...

— Привет, извини за беспокойство, — обратился Леви к сестричке Райордан, — я — тот самый парень, что сидел за вами на Бизентале, вот я и подумал: может, ты дашь мне ластик?

Сестричка ему улыбнулась, обручальные кольца засияли в ее глазах. Леви уже слышал, как они позвякивают.

— Какой? — поинтересовалась сестричка. — Для карандаша? Чернил? Крások.

— Да нет, спасибо, простой, обычный ластик.

— Мой любимый — «Фабер Стик». — Сестричка протянула ему ластик. — Можешь оставить себе. У меня их много.

Каким надо быть человеком, чтобы любить ластик, размышлял Леви. Эта мысль потрясла его: в один прекрасный день она станет руководить факультетом, может быть, и в Брин Море, и будет строить козни тем студентам, которые предпочитают ластик «Диксон Тикандерога» ластик «Фабер Стик».

— Спасибо, я оценил услугу, — сказал Леви, развернулся и ушел.

Она сидела. Сидела. Одна. За его угловым столом. Голубоглазое чудо.

Сжимая в руке ластик, Леви очень непринужденно сел на свое место, по-деловому взял в руки книгу, открыл ее и, даже не взглянув на девушку, принялся читать.

Леви сидел на крайнем стуле из трех в ряду, она — напротив, чуть в стороне. Леви напряженно таращился в свою книгу, пока краем глаза не уловил движение — он быстро взглянул на нее. Она аккуратно что-то конспектировала желтым карандашом — и у нее был свой ластик. Леви вернулся к чтению, выжидая; он хотел украдкой взглянуть на ее лицо, и, когда она перевернула шестую или восьмую страницу, он поднял глаза.

Она была, вне всякого сомнения, явлением. Может, и не красавица. Гарбо — красавица, Кэндис Берген, возможно, станет красавицей. А эта — всего лишь хорошенькая. Как Жанн Крэн или Катерина Росс, не более. Только лишь хорошенькая. Она...

Бергман в фильме «По ком звонит колокол» — вот кого она ему напоминает! Такие же короткие светлые волосы, глаза... ..глаза, которым нельзя верить.

Такие голубые, глубокие... Хватит таращиться! Бэйб одернул себя, но поздно: слишком долго пялился, она почувствовала.

И вот она смотрит ему в глаза.

— Да? — сказала она, имея в виду: отвали, отстань, дружок, гуляй, мальчик, ты мне надоел.

— А? — спросил Леви как можно наглее. — Вы что-то сказали? Я не расслышал.

Она очень выразительно посмотрела на него и снова уткнулась в книгу.

Что ж, подумал Леви, мне удалось отбрызнуть ее, по крайней мере я не сдался.

Через двадцать минут она взяла свой плащ и вышла из зала.

Леви лихорадочно бросился собирать книги, пока в нем не проснулся Шерлок Холмс и не подсказал ему, что она вернется, так как ее книги остались на столе. Выждав некоторое время, Леви отправился следом за девушкой, стараясь не выпускать ее из вида. Она вышла из читального зала в прохладное фойе, накинула плащ, вытащила из сумочки сигарету, закурила. Потом повернулась и засекла, как он крадется за ней.

Неприятный был моментик — замереть на месте он не мог, это бы выдало его намерения, спрятаться — некуда. Оставался один выход — пройти в фойе и тоже закурить. То, что он не курил, оказалось очень некстати.

Кроме них, в фойе никого не было. Леви остановился как дурак, но он уже слишком далеко зашел, терять было нечего, и он спросил у нее, глядя прямо в ее жестокие глаза:

— Спички есть?

После некоторого колебания она дала ему спички.

Леви взял их, сокрушаясь: болван, сначала просят сигарету, а потом уже спички. Теперь пришлось делать вид, что он ищет по карманам сигареты. Улыбнулся ей улыбкой Кэри Гранта и сказал:

— Боюсь, что вам придется дать мне и сигарету.

Опять поколебавшись, теперь чуть-чуть дольше, она дала ему сигарету.

Леви закурил.

— Теперь вы, наверное, ждете, что я попрошу вас покурить за меня? — неестественно хихикнул он.

Она повернулась боком к нему, ничего не ответив.

Леви ее профиль чрезвычайно понравился. Какая же она хорошенькая. Не идеальные, конечно, черты. Лучше, чем Грейс Келли, но далеко до Софи Лорен.

Некоторое время они курили молча.

— Ты даже не затягиваешься, — заметила она.

— Это только во время тренировок, — выдавил он, обрадованный, что хоть что-то смог сказать. Поскольку она не поинтересовалась, чем же он занимается, он это сообщил сам: — Я — марафонец.

Казалось, она совсем потеряла интерес к нему.

Не получается, ты упустишь ее, мысленно закричал Леви, ну давай, выдай что-нибудь потрясающее, покажи, что ты не дурак!

— Сигареты... — небрежно пожал плечами Леви. — Могу курить, а могу и нет, но вот что интересно, женщины просто одержимы курением. В «Тайме» недавно статья была о том, что женщины не могут бросить курить, как мужчины. Интересно, почему?

«Ты оскорбил ее женское достоинство, болван, вдруг она феминистка», и как ты только умудрился спорить такое?»

Наконец Прекрасное Видение повернулось к Леви и спросило ледяным тоном:

— Что ты пристал ко мне?

Чтобы не раскашляться, Леви отшвырнул сигарету и наступил на нее.

— Пристал? Пристал к тебе? Ты, наверно, рехнулась, вот что! Ты кто? Джеки Онамисс? Больно надо к тебе приставать? Я не хочу сказать ничего обидного, но это ты села за мой стол; у меня все шло прекрасно, пока не влезла ты. Я только-только разложился и начал важное исследование, и вдруг заявила ты. Так что если кто и пристал, то это ты ко мне. Ко мне иногда пристают девушки, но я никогда не тираню их, не ставлю в безвыходное положение. Когда люди ведут себя нескладно, надо оставить им место для отступления, не загонять их в угол. Я так поступаю, когда ко мне пристают, все равно кто, надо понимать, быть вежливым...

Леви мог бы говорить еще и еще, но надобности уже не было: она выбросила сигарету и вышла из фойе в ночь.

Вранье, хотелось ему крикнуть вслед девушке, вранье все это. Я приставак к тебе, потому что ты хорошенькая, а я — ничто, я — тряпка, не могу даже пробежать весь марафон, ну давай попробуем еще, вот увидишь, я заставлю тебя улыбнуться...

Еще один ослепительный пассаж, произведенный всеобщим любимцем, признанным Казановой, легендарным Томасом Бэйбингтоном Леви. Леви стоял, обдумывая неудачную попытку. Такие провалы случались у него редко. Он так отбрил свою избранницу, что она умчалась, позабыв про книжки.

Ее книжки!

Леви рванул обратно в зал, схватил свои книги и ее тоже, спрятался за дальнюю полку с журналами у стойки библиотекаря.

Через пять минут Прекрасное Видение показалось у входа

в читальный зал и устремилось к столу в углу, где недавно еще лежали книги. Она остановилась, оглянулась, сделала еще несколько шагов, осмотрела все вокруг и ушла.

Еще через пять минут Леви уже нажимал на кнопку звонка рядом с ее именем в доме, где неподалеку от университета жили студенты.

Она спросила через интерком:

— Кто там?

— Мисс Опель?

— Кто там? — Ее акцент — швейцарский, может, и славянский. Леви плохо разбирался в акцентах.

— Это Том Леви, марафонец.

— Тебе опять нужна сигарета?

Леви рассмеялся.

— Нет, ты забыла свои книги. Я решил тебе их занести, мне по пути.

— Очень мило. — Она открыла дверь.

— Вот они. — Он отдал ей книги.

Она кивнула.

— Спасибо. До свидания.

— До свидания, Эльза, — сказал Леви и добавил: — Имя и адрес я нашел на обложке тетради, мисс Опель.

— Понятно. Еще раз спасибо и до свидания.

— До свидания, — повторил Леви.

— Ты говоришь «до свидания» и стоишь на месте.

— Я подвернул лодыжку, — соврал Леви.

— Ты не хромал, когда входил в холл. Где ты прятался? — спросила она.

— Прятался? — переспросил Леви, прикидывая, не начать ли ему снова извергать гнев, как в фойе, когда она в первый раз обвинила его в приставании.

— Я вернулась сразу, как только вспомнила про книги. Их на столе не было и твоих тоже.

— Даже не знаю, как это получилось, — смутился Леви. — Я сидел и занимался все это время.

— Значит, я что-то напутала. Спасибо, мистер Леви. До свидания. — Она закрыла дверь.

— За стойкой библиотекаря, там я прятался, — ответил Леви из коридора.

Она открыла дверь, пристально взглянула на него.

— Почему?

— А больше нигде было спрятаться.

— Нет, зачем ты вообще прятался?

— Ну, не хотел, чтобы ты видела, как я ограбил тебя.

— Тебе и сейчас неудобно?

— Да. Очень.

— Поэтому ты потеешь?

— Отчасти. Я бежал сюда. Я всегда бегаю.

— Ты всегда преследуешь людей, которые садятся за твой стол в библиотеке? Это у тебя что — навязчивая идея?

Леви покачал головой, кивнул, пожал плечами, опять кивнул.

— Просто ты хорошенькая. — Не то он опять сказал, понял Леви, когда произнес эти слова.

— Ну и что, я ведь не виновата в этом.

— Знаешь, не могу я как-то распространяться насчет твоей красоты, я тебя совсем не знаю, может, ты просто кукла набитая, зачем мне врать тебе?

— Но ты хочешь узнать меня?

— Да, мэм.

— Потому что я хорошенькая?

— Да.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать пять.

— Ты всегда так неуклюж с женщинами?

— Как-то не получается...

— Мне тоже двадцать пять, а тебе, может, лет через десять исполнится двадцать шесть. Я работаю сейчас сиделкой, и у меня нет времени.

Но я бы сделал тебя счастливой, хотел сказать Леви. Потом он подумал: слушай, олух, не скрывай такие мысли, скажи ей, терять нечего.

— Знаешь, я бы сделал тебя счастливой.

Она удивилась.

— Да, это правда, — быстро заговорил Леви, — я все разузнал о выхаживании больных. Я способный, и мы часами болтали бы о разных перевязках...

Она рассмеялась.

— Мы ведь еще увидимся? Ну скажи «да»!

— Нельзя так выпрашивать...

— Я не выпрашиваю, черт побери. Я лучше всех окончил колледж, я шел впереди в группе стипендиатов Родса, милая. Люди с таким прошлым не выпрашивают ничего у глупеньких курящих сиделок. Разве сиделки курят? Если ты не видишь разницы между выпрашиванием и мольбой, со мной у тебя ничего не выйдет.

— Если я соглашусь встретиться еще раз, ты заткнешься?

Моя берет, подумал Леви. Вот это да! Он быстро кивнул.

— Ну ладно, — сказала она, помолчав. — Ладно. Мы с тобой встретимся. — И потом вдруг провела пальцами по его щеке. — Но ничего хорошего из этого не выйдет.

— Кто знает, — Бэйб посмотрел ей в глаза. Она казалась печальной и от этого стала еще краше.

Эльза потеряла ладонью его щеку.

— Я знаю, — мягко ответила она.

Оставшись одна, она выкурила сигарету, потом другую. Потом взяла трубку телефона и позвонила Эдхарду.

— Он ужасно милый, — произнесла она, — наивный и очень добрый.

Некоторое время она молча слушала.

— Извини, что голос звучит утомленно. Нет, ничего, я просто устала.

Опять молчание.

— Да, можно сказать, он счел меня привлекательной.

Молчание.

— Сколько у меня времени?

Долгое молчание.

— Я постараюсь. — Она закрыла глаза. — Если повезет, через неделю он будет любить меня.

8

Бэйб достал свой старенький «ремингтон» и принялся печатать.

«Док? Это я, лучше присядь. Присядь, это важно, у меня невероятное, тяжелое к тебе дело. Ты уже подумал, Бой ты мой, опять я влюбился, еще раз по уши втрескался.

Точно.

Док, Док, не знаю, с чего начать.

Начни с передних зубов, расскажи, как ее череп, покрытый редкой растительностью, поблескивает при луне.

Не угадал.

Нормальные зубы и волосы? Странно. У последней перьев было не больше, чем у гусеницы. Гм-мм. Значит, нет сисек, но великий ум. Или, может, три сиськи и великий ум? Так?

Не так, и пошел к черту!

В школе она, наверно, была защитником в хоккейной команде. Икры, как у Бронко Нагурски, плечи, как у Лэрри Кшонки, но фигура в общем красивая от физических упражнений.

Заткнись и слушай. Я знаю ее чуть больше недели, и каждый раз, когда захожу за ней, я схожу с ума. С каждым днем она все потрясней, нежнее, божественнее, совершеннее, безупречнее, идеальнее, утопичнее, превосходнее, безукоризненнее.

И я в своем уме.

А то я могу сводить тебя к психиатру.

А теперь о ее недостатках: зовут ее, как ни прискорбно сообщить, — Эльза Опель.

Это ничего, я как-то ездил на машине, которая тоже звалась «опель».

Она моего возраста, швейцарка и сиделка...

Это не так страшно, а если бы она была стюардессой?

Она без недостатков. Потрясающая! Всю жизнь я пускал слюни, глядя на подружек моих приятелей.

Так она вызывает слюноотделение? Это ты хочешь сказать? Ну и что. Нормальный процесс. И вообще это лучшее, что можно со слюной делать. Ее, кстати, мало в организме, слюны этой. Есть еще какие-нибудь достоинства? Говори сейчас.

Все ошибаются. Но не в этот раз. Док, растрясси зад, я буду чертовски рад, приезжай и взгляни на нее. Нью-Йорк не так уж далеко, давай. Хочу посмотреть, как у тебя от нее мурашки по спине побегут, ей-Богу, хочу. Да, забыл тебе еще об одном сказать.

Давай, добивай меня.

Она меня любит. Правда. Прекрасная девушка, прекрасная, несравненная, милая, понимающая девушка, и я для нее что-то значу. После всех этих мерзких лет я просто блаженствую.

Бэйб».

9

Сцилла лежал в кровати и жмурил глаза. Во сне он был слишком медлителен, это плохо, даже во сне такого раньше не было. И кто бы мог подумать, бил его Менгеле.

Менгеле, начальник экспериментального блока в Освенциме, врач, которого называли Ангел Смерти, тот, который чуть не сошел с ума, пытаясь вывести породу голубоглазых людей, как собачник пытается вывести породу с укороченными ушами.

Они были в лаборатории Менгеле в Освенциме, но Сцилла оставался спокоен. Он возвышался на полголовы над ста шестьюдесятью восемью сантиметрами доктора-убийцы, более того, дверь в комнате была открыта и вела на свободу. Сцилла никогда не был в Освенциме, не встречал Менгеле, но во сне бывает всякое, и сейчас это всякое как раз и происходило.

— Я в отчаянии, — сказал Менгеле.

— Почему?

— Не могу добиться нужного оттенка голубизны глаз у младенцев. Вчера от бессилия швырнул ребенка в огонь. Зря это я, конечно, нельзя давать эмоциям волю.

— Для нас это важно, — согласился Сцилла.

— Я просто благодарю Бога за то, что он послал вас мне на помощь.

— Чем я могу помочь вам?

— Мне нужна кожа. Для трансплантации, а у вас как раз тот оттенок, какой мне нужен.

Сцилла пожал плечами.

— Лоскуток кожи — ерунда. Берите.

— Нет, нет, — покачал головой Менгеле, — лоскутка

мало, мне нужна вся кожа, до последнего кусочка, мне надо ободрать вас целиком.

— Не думаю, — возразил Сцилла, — что мне это понравится. — Он сделал маленький шагок в сторону открытой двери, ближе к свободе.

Менгеле не пошевелился.

— Выслушайте меня, я предлагаю вам огромное благо.

Сцилла покачал головой.

— Если я останусь без кожи, люди будут видеть меня насквозь.

— Это и есть мой дар, разве вы не понимаете? Все будут видеть вас насквозь, и вам не придется больше лгать. Подумайте, какой груз упадет с ваших плеч — необходимость лгать. Ложь вам больше не будет нужна, так как кожа перестанет скрывать ее, и все будут видеть, что вы говорите правду. Вы ведь достаточно уже наговорили лжи, признайтесь.

— Да, это так.

— И вы хотите положить этому конец, признайтесь? Вы лжете так часто, разве вам никогда не хотелось резануть правду?

— Хотелось.

— Ну вот, я вам и предоставляю такую возможность. Вечная правда. Покой. Спокойствие, которое ведомо только честным.

— Не надо.

— Не давайте воли чувствам. — Менгеле протянул к нему свои крохотные ладони хирурга.

Сцилла бросился к двери.

Но слишком медленно.

Менгеле опередил его, захлопнул дверь. Теперь они остались один на один в лаборатории. Менгеле медленно пошел на него.

А он, Сцилла-скала, умеющий убивать любой рукой, начал пятиться от этого сумасшедшего. Он, великий Сцилла, оторопел перед ничтожеством, бездарным врачом, который не мог добиться даже нужного оттенка глаз.

— Почему вы боитесь меня? — удивился Менгеле.

— Я не боюсь. В моем теле нет страха. — Менгеле протянул к нему руки.

— Я применю силу, — предупредил Сцилла.

— О нет, только не это, — сказал Менгеле и, взяв Сциллу за руку, подвел к столу и уложил на него. — Больно не будет, обещаю. Я только сделаю неглубокий разрез от шеи до лба, а потом сниму всю кожу. Боли почти не будет. — Менгеле взял нож. — Вот видите, — сказал он, когда нож рассек кожу, — даже крови нет. — Он отложил нож, снял кожу.

— Сейчас принесу зеркало, у вас чудесные вены.

— Не надо.

— Полюбуйтесь, — Менгеле протянул ему зеркало.

Сцилла успел глянуть в него, прежде чем проснулся, жмурясь.

Ogo!

Пустой, взвинченный, Сцилла лежал, уставившись в потолок. Он понятия не имел, к чему такой сон, что творилось в его подсознании, но в одном был уверен: что бы в подсознании этом ни творилось, мрак там стоял беспробудный.

Сцилла рывком выдернул свое мускулистое тело из постели и сел, растирая пальцы. Сцилла-губка, вот на кого он сейчас похож. Сцилла-мякиш.

Хватит!

Он встал, схватил бутылку шотландского виски и подошел к окну гостиницы «Рафаэль». Он пил и смотрел на Триумфальную арку. Сколько сейчас времени? Сцилла взглянул на часы. Скоро полшестого. А в Америке сейчас за полночь, Джейни спит без задних ног. Если в программу Олимпиады включают состязания по сну, с Джейни никто не сможет тягаться. Спящая красавица.

Сцилла оделся, спустился вниз, разбудил портье, запасся кучей телефонных жетонов. Предосторожности были излишними, если за ним следят свои, какая разница, прослушивается его телефон в номере или нет? Привычка. Сцилле нравилось быть в движении.

И вообще, хотелось на свежий воздух. На улице было все еще темно, когда он принялся искать телефон-автомат. Сцилла не боялся ходить по ночным улицам: он был высокий, широкоплечий и мог убить одной рукой. Походка у него была спортивная, комплекция внушительная — грабители никогда не приставали к нему.

Наконец он нашел будку около Арки и после долгих мучений и объяснений на полуфранцузском, гудков, щелчков и долгих ожиданий услышал сонный голос Джейни:

— А? Что? Кто? Сколько времени? Привет!

— Говорит бюро добрых услуг, — сказал Сцилла. — Разве вы не просили разбудить вас?

— Шуточки?! — раздался вопль в трубке. — За три тысячи миль, да еще посреди ночи, шутки шутить? Морду за такое бить надо.

Сцилла начал плавный переход к коду, а сначала его очень раздражали неудобства этой процедуры. Теперь же код казался приятной игрой.

— Ты еще спишь? Или уже можешь разговаривать?

— Частично.

Ключевым словом было «частично». «Ни в одном глазу» значило, что все в порядке. «Частично» говорило о том, что Сцилле о чем-то придется догадываться самому.

— Тогда я еще раз позвоню. Я только хотел сказать, что

вернусь раньше на три дня, но так как ты бодрствуешь только частично, я не буду беспокоить тебя. Не сердись, что разбудил.

— Ничего, мне все равно надо было вставать.

Они закончили разговор шуткой, трубку повесили одновременно, теперь Сцилле предстояло ждать десять минут. Слово «частично» в ответе значило, что Сцилла позвонит еще раз на телефон в гараже, который находится под их домом. Десять минут понадобится Джейни, чтобы окончательно проснуться, одеться и выйти.

Еще не было шести часов, нисколько не потеплело. Сцилла продрог и недоумевал, зачем он оставил бутылку виски в комнате, где она никому не нужна. Почему он до сих пор не бросил все это и не уехал с Джейни в Лондон? Купил бы или снял себе домик, выстроенный из старинной конюшни, и сидел себе там и смотрел бы телевизор, ходил в бакалею — жил бы себе как все, счастливо и спокойно...

И неважно, что Отдел не позволяет никому уходить, не отпускает живым. Если бы только разбогатеть, по-настоящему разбогатеть, он бы откупился от них, попытался хотя бы, а если бы не сработало, купил бы себе островок в Тихом океане, укрепил бы его, а дальше пусть беспокоится Отдел.

Остров в Тихом океане, Боже... Сцилла покачал головой. Может, оно и к лучшему, что он оставил виски в номере: несколько глотков и то подействовали на его мозги.

Сцилла набрал номер, выслушал опять все щелчки и гудки и в награду снова услышал голос Джейни.

— Ты где? — Джейни, кажется, в плохом настроении.

— На воле в свободном Париже, первоклассное местечко, или это так про Лондон говорят? Поехали в Лондон, мне он нравится, а тебе?

— Где ты конкретно? На улице, в Отделе? Почему не спишь, ведь еще шести нет?

— Сон приснился мерзкий. Решил прогуляться.

— Значит, ты один?

— Как перст.

— Смотри у меня, козел. Терпеть не могу, когда ты пугаешь без меня. А сильно мерзкий?

— Сон? — Сцилла пожал плечами. Врать смысла нет. Джейни все равно почувствует. — Очень. Очень мерзкий.

— Мой врач в таких случаях рекомендует виски.

— Не помогло.

— Возвращайся назад, это рекомендую я. Самое лучшее лекарство — я.

— Принимать каждые четыре часа.

— Как бы не так, ты давно уже немолод.

— Ты ответишь за такие речи, уродина.

— Вообще-то меня зовут Джейни.

Сцилла прислушался и убедился, что голос в трубке стал бодрым. Тогда он приступил к делу.

— Почему «частично?»

— Каспар Сцель погиб.

— Ого!

— Вот именно.

— Когда?

— Почти две недели назад, на Манхэттене. В районе Йорк-вилля. Он ехал в машине, а какой-то тип пытался его обогнать, и оба врезались в бензовоз. Сгорели оба, машины тоже. Опознать было нелегко, поэтому, наверное, новости еще не дошли до тебя. Он носил фамилию Гессе, и о нем никто не знал. Ну вот и все. Ты еще там, что молчишь?

Сцилла что-то буркнул.

— Расстроился?

— Трудно сказать. Сразу и не сообразишь.

— Что, эта новость многое изменит?

— Уже изменила. Нельзя сказать точно, но, видимо, есть какая-то связь между смертью в Нью-Йорке и инцидентом с Ченом. Чен был наемником, кто-то должен был его нанять. И потом... Робертсон сказал, что звонили из Южной Америки и предупредили о смене курьера.

Сцилла призадумался, надо было отвечать, но незачем посвящать Джейнни в детали.

— Много ли изменит? — спросила Джейнни.

— Все изменит.

10

— Холодно? — спросил Леви.

Эльза покачала головой.

Они сидели на утесе у озера в Центральном парке. Внизу покачивалась на воде лодка под порывами вечернего ветра. Леви знал, что Эльза лжет: на нем свитер, а на ней — нет, и он продрог. Холодало, и треклятый зуб давал о себе знать все сильнее. Как обычно, когда портилась погода. Все тот же самый передний верхний зуб. Давно уже надо возвращаться, но они просидели здесь целый час с тех пор, как солнце начало садиться, и все было так чертовски здорово, что ему не хотелось двигаться с места.

Эльза обвила его рукой.

— Теперь не холодно?

Леви нежно поцеловал ее. Поначалу он был грубоват с ней, думал, ей нужно такое проявление мужского начала, девушка ее красоты уже видела не одного поверженного. Но ей не понравилась его грубоватость, и после вечера-другого общения он понял, что он нужен ей такой, какой есть, — нежный. Нет-нет, внешне он совсем не такой — весь угловатый и костистый, с острыми локтями, слишком неуклюжий,

чтобы быть мягким. Но в душе он не такой. Ему нравится обниматься, даже просто держаться за руки. Но и спать с женщинами было неплохо, Леви уже это пробовал. С Эльзой у них до этого еще не дошло, но к сексу Леви относился очень положительно. Ему нравилось думать, что он хорош в постели, и если бы он был к тому же и красивым мужчиной, то во время каникул пользовался бы грандиозным успехом у дам. Красив Леви не был, но относился к этому спокойно. Эльза коснулась его щеки.

— Какое красивое лицо, — прошептала она.

— Все так говорят, — сообщил ей Леви, — даже на улице незнакомые люди останавливаются и говорят.

Она улыбнулась ему, и ее язык скользнул по его губам.

— Как здорово! — восхитился Леви. — Сделай еще раз, и я не буду сомневаться, что ты умеешь.

Эльза еще раз поцеловала его.

— Я всегда жалею бездомных и извращенцев, так что тебе здорово повезло.

Она обняла его уже двумя руками. Леви чувствовал, как она дрожит всем телом.

— Эй, да ты уже замерзаешь. Да и лодку давно пора сдавать.

— Постой, мне нравится мерзнуть, сидеть тут и болтать, давай побудем еще здесь.

Леви нежно поцеловал ее в шею.

— Гомер Вергилий Леви, — проговорила Эльза. — Он был знаменитым, твой отец?

— Старый Гомер? Ну, не так, как Энн-Маргарет или Донни Осмонд, но среди историков слава у него была приличная.

— Какое ужасное имя для ребенка.

— Это дед мой сообразил, он всем своим детям дал жуткие имена. Дед был уборщиком, поваром и директором маленькой школы на Среднем Западе. Он говорил, что все это неважно, все равно будут пользоваться только фамилией — Леви. Тогда в Огайо было не так уж много евреев, поверь мне. Дед обожал греков и всяких древних. Одного моего дядю звали Геродотом. Он уже умер. Нет, не имя его сгубило, но и помочь оно ему никак не могло.

— Твой отец тоже умер?

— Тоже. Кровоизлияние в мозг. Совершенно неожиданно. Никто ничего не подозревал.

Леви помялся: продолжать ему или нет, сказать ей всю правду или не стоит, вряд ли она в курсе, ее не было тогда в Америке, а если она жила здесь, то была еще ребенком, и вообще Гомер Вергилий не был настолько знаменит.

Она крепко поцеловала его, потом быстро встала и потянулась, высоко подняв руки. Бэйб не мог отвести глаз. Она выглядела потрясающе.

Но потом все вдруг перестало быть потрясающим. Эльза улыбнулась и сказала: «Пойдем», сзади в кустах послышался треск, появился хромой и ударом в лицо сбил Эльзу с ног.

Все произошло так, будто Леви наблюдал за уличной сценкой — настолько быстро, что он не успел даже вмешаться — только смотрел, как перед ним хромой избивает его единственную и неповторимую.

— Эй! — крикнул Леви и бросился к хромому, но кусты за его спиной снова затрещали — и широкоплечий тип развернув его, ударил кулаком в лицо.

Леви пошатнулся, хлынула кровь, но не упал. Нос, повидимому, сломан. Эльзу хромой тащит в кусты и пытается вырвать сумочку. Леви хотел крикнуть: «Отдай ему сумочку!» — но широкоплечий сильно пнул Леви в живот. Леви задохнулся, упал на колени, потом на четвереньки. Тип ударил его еще раз, со всего размаху, в голову — Леви покатылся по земле. Широкоплечий потащил его в кусты, стал нащупывать бумажник, Леви бессознательно пытался сопротивляться. Это было совершенно бессмысленно: колено грабителя уперлось ему в спину. Кровь от первого удара была фонтаном, язык во рту чувствовал вкус соли. Сам виноват, какого черта сидеть так долго в парке, только туристы позволяют себе такую тупость...

Леви смиренно лежал, пока налетчик пытался вытащить его бумажник. Но задний карман у брюк Леви был застегнут и тип не мог одолеть эту пуговицу, вот он и поддал еще раз по спине коленом и ударил по сломанному носу. Леви начал кашлять кровью, он слышал, что Эльза стонет, и, если хромой сукин сын тронет ее хоть пальцем, то он...

...что он?

...ничего, он бессилен, ничегошеньки, если они захотят изнасиловать ее, он будет бессилен помешать, а если они просто захотят вытрясти из нее душу, то он все равно беспомощен, нос сломан, губы разбиты в лепешку, они могут делать все, что им вздумается, он бессилен...

Беспомощен! Слово это прорвалось сквозь кровь и туман в его мозг, и осознание его было так унижительно, что Леви как-то умудрился пнуть широкоплечего, и пнул неплохо, так как противник вскрикнул. Леви восторжествовал: ничего не скажешь, дал! Он постарался подняться и доползти до Эльзы, но широкоплечий снова встал перед ним, несколько раз взмахнул своими огромными руками, и лицо Леви окончательно потеряло свою форму, он упал без сознания.

Потом оба стояли над ним, хромой с сумочкой Эльзы, широкоплечий с его бумажником.

— Нам известны ваши имена, адреса, — хромой погладил сумочку Эльзы. — Если выкнете полиции, мы узнаем и найдем вас.

Эльза плакала.

— В следующий раз вам будет плохо, — сказал широкоплечий, — понимаете, что такое «плохо»?

Грабители ушли.

Леви медленно пополз к Эльзе.

— Они тебя... — только и сказал он. Трогали, хотел он спросить, приставали?

Она покачала головой: нет.

Она поняла его, это у них просто здорово получается — они понимают друг друга.

— Только сумочка, — всхлипнула она. — Только сумочка. Я в порядке.

Леви обнял ее.

— И я, — выдавил он.

11

«Док.

Не думаю, что пошлю это письмо, и мысль эта придает мне больше свободы, но если пошлю, то помни, я не в себе, понимаешь, я сам не свой, но я не рехнулся.

Док, мне надавали по шее, хуже — из меня вытрясли дерьмо. Сам виноват, в Центральный парк после захода солнца попрется только круглый идиот.

Но, видишь ли, я был не один. Мы с Эльзой сидели на утесе, после того как я покатал ее на лодке. Она ни разу не каталась на лодке, ей очень хотелось. День был чудесный, я ответил: «Идет». Было так здорово, что мы проторчали очень долго на этом утесе у берега. Вдруг появляется хромой, я сижу, этот сукин сын хватает ее и тащит в кусты. Я думаю, сейчас убью калеку, никто не имеет права трогать ее...

...но я ничего не смог сделать. Ничего!

Вылезает этот огромный — клянусь, я не сочиняю, он профессионал — и начинает вытряхивать из меня дерьмо, меня никогда не били так. Рядом Эльзу избивали, а может быть, и хуже... Все, что я хочу, это стать суперменом на минуту, этот здоровяк тянет мой бумажник и добивает окончательно, так, что я не чувю ни чертовской боли, так, что...

...это моя беспомощность...

...чертова беспомощность...

...Док, я хочу убить его.

Клянусь, будь у меня нож, я всадил бы в него нож, будь граната — разнес бы его в куски, а потом взялся бы за хромого и постарался бы добраться до него руками.

Вообще-то я либерал, историк и никогда никому не хотел зла, а сейчас я хочу убить, и это мне не очень нравится.

Я отошел на пять минут освежить лицо холодной водой, лицо у меня невообразимое, болит все ужасно, не могу думать ни о чем, кроме мести. Я хочу отомстить этим типам за то чувство беспомощности, нельзя делать человека беспо-

мощным, особенно на глазах у девушки. Я знаю, она думала: почему он ничего не предпринимает, он же рядом, почему не спасет меня? Черт, я готов записаться на этот идиотский курс Чарльза Атласа и стать сильным, а потом взять этих двух мерзавцев за горло.

Док, тут около моего дома, кажется, в соседнем, живут недоросли (нет, не те милые юноши из Вест-сайдской истории, этим палец в рот не клади). Они обычно дразнят меня, называют гусем. Ну так вот, иду я сегодня весь в крови, думаю, ну хоть сейчас завоюю их расположение. И знаешь что? Один из них сказал: «Кто это тебя так — карлик или девчонка?» И все рассмеялись, потому что они все могут постоять за себя, они бы набили морды моим бандитам будь здоров, и хотя мой коэффициент интеллекта наверняка выше, чем у них всех, вместе взятых, но какая мне от этого польза?

Я собираюсь послать это письмо, потому что хочу спросить тебя, а что бы сказал отец? Знаешь, он бы наверняка сказал, что любой опыт полезнее, если ты захотел его получить, всяческие поступки полезны, как жестоко бы ты ни пострадал в итоге. Настоящему историку всегда не хватает опыта. Вся его жизнь — постоянный поиск.

В чем польза от чувства собственного бессилия, а?

Нет, ты скажи мне.

Бэйб».

12

Леви отправил письмо вечером в воскресенье. Опухлости уже чуть спали, ссадины на лице заживали быстро, но все равно выглядел он жутко, поэтому напялил на глаза кепку и затрусил к почтовому ящику на углу Колумбус-авеню, потом вернулся назад, чтобы и дальше отсиживаться в комнате.

В понедельник — семинар Бизенталя, но пойти Леви не смог: взглянул на себя в зеркало и не пошел. Он никогда не был сторонником применения физической силы, об этом и думал, глядя на свою распухшую физиономию.

Несколько раз Леви звонил Эльзе, и она несколько раз звонила ему, собиралась навестить, но Леви хотелось побыть одному. Он снова и снова мысленно проигрывал драку, когда побеждая, когда нет; пытался читать, но больше всего стоял перед зеркалом и надеялся, что когда-нибудь снова будет себя узнавать.

К вечеру он уже выглядел намного лучше. Постоянные холодные компрессы быстро рассасывали опухлости, оставались еще ссадины.

Болела спина, там, куда мерзавец ударил коленом, но это не беда.

Во вторник утром в дверь забарабанила Эльза. Еще не впус- тив ее на порог, он понял, что она смертельно напугана.

— Ты что, сообщил полицейским? Грабители же сказали, что найдут нас: у них есть наши имена и адреса. Зачем ты пошел в полицию, ты ведь говорил мне, что не пойдешь...

— Эльза, что ты мелешь? Клянусь, я ничего подобного не делал.

— Хромой... — начала она.

— Что хромой? Говори!

— Когда я вышла из дома, сейчас, утром, — а он стоит и за мной пошел.

— Ты уверена? Ты рассмотрела его лицо?

— Ты обещал, что не пойдешь в полицию, а пошел, ты ведь ходил? Хромой нашел меня...

Леви попытался успокоить ее.

— Клянусь тебе, никуда я не ходил. Наверное, ты ошиблась. Это и впрямь был тот самый хромой?

— Я видела человека на улице, он стоял, я поняла, он за мной — и хромает. Я зашла за угол — он за мной... Я побежала.

— Ну что ты, Эльза, в Нью-Йорке, должно быть, миллионов девять одних хромых. Ты не знаешь разве, Нью-Йорк этим знаменит — Национальная Ассоциация Хромых проводит свои съезды только здесь.

Разбавляя вымысел достоверными фактами, Бэйб говорил и говорил... Потом поставил кипятить воду, сейчас они выпьют растворимого кофейку... Скоро Эльза начала отходить. У него с ней все получалось, вот что здорово! Ближе к полудню она уже признала, что все это были ее фантазии. В полдень заявила, что чувствует себя прекрасно.

Они сходили подряд на два фильма Бергмана — «Седьмая печать» и «Земляничная поляна», Бэйб — старый поклонник Бергмана, а Эльза смотрела его фильмы в первый раз. Затем он сводил ее в дешевый ресторанчик. Потом проводил домой, там они немного пообщались, и наконец он вернулся к себе.

Бэйб вымотался, поэтому уснул мгновенно. Утром он вдруг осознал, что фантазии Эльзы имеют под собой почву: даже спросонья он почувствовал, что в комнате не один.

Еще не успев даже испугаться, Бэйб ровным страшным голосом процитировал из какого-то гангстерского фильма:

— У меня пистолет, стрелять я умею, если только дернешься — размажу мозги по стенке.

Из темноты послышался голос, который Бэйб знал и любил больше всех на свете:

— Не убивай меня, Бэйб.

Бэйб как пружина вылетел из кровати.

— Ой... Док! Вот это да!

— У тебя хорошо получается, — заметил Док.

Бэйб испустил боевой клич, что он делал весьма редко. Но какого черта, все можно в тех редких случаях, когда присажает твой единственный и неповторимый старший брат.

Часть вторая

ДОК

13

Как только Бэйб щелкнул выключателем, Док воскликнул:

— Ого!

— Что?

Док указал на ссадины:

— Физиономия.

Бэйб пожал плечами.

— Так, пустяки. Не хочу об этом говорить. Стычка в парке, и упоминать не стоит. Я написал тебе об этом. Приедешь — прочитаешь.

— С тобой все в порядке?

Бэйб кивнул. Когда Док беспокоится, он становится похож на квоčku.

— Знаешь, вообще-то сделай мне одолжение, не читай, выкинь то письмо, хорошо?

Док поиграл цепочкой с ключами, где среди прочих был и ключ от квартиры Бэйба. Крутанув цепь несколько раз, он высоко подбросил ее и, не глядя, поймал за спиной. Все было сделано одним движением, этот фокус Бэйб видел с раннего детства, только в прежнее время летали мячики или мраморные шарики. Теперь, когда они были вдвоем, Док делал этот фокус, принимая важное решение. Хотя, может, Бэйб и ошибался: фокус стал привычкой...

— Сожгу, — пообещал Док и ослабил узел галстука. — Я был в поездке, работал, дома меня ждал непристойный образец куртуазной прозы с описанием Ее Светлости. Вот я и счел нужным растрасти зад и приехать сюда, увидеть ее, пока она не начала восхождение в рай.

— Ерунда какая, — сказал Бэйб, — ты сам знаешь, я не такой.

Док плюхнул дорожную сумку на письменный стол.

— Ты не такой, да? Ты дефективный и не отвечаешь за свои поступки. Там у тебя такие перлы, я даже не все слова понял!

— Ерунда какая, — повторил Бэйб.

Док оглядел комнату. Вид замызганный. Полы голые, все покрыто пылью. Везде кипы книг, из дивана торчат пружины, ванна грязно-серого цвета.

— Ты творишь чудеса, — сказал Док. Он был здесь только раз, спустя две недели после того, как Бэйб въехал в комнату.

— Да, не совсем то, чего хотелось бы, — признал Бэйб, — и дизайнер мой очень небрежен. Уволить его, что ли, но ведь с моей комнатой справится не каждый.

Док открыл сумку, из нее вытащил три бутылки красного вина, посмотрел их на свет от настольной лампы.

— Я думаю, осадок не успел взболтаться. Открывашка есть?

Бэйб показал в сторону кухни, уже предчувствуя лекцию о достоинствах бургундского вина.

— Я открою «Мулен-а-Ван», — сказал Док. — Это сорт божоле, поразительный вкус, вот увидишь. — Он сосредоточился на процессе открывания.

— Здорово, — вяло отозвался Бэйб и начал негромко храпеть, закатив глаза.

— Давай, давай. — Пробка не поддавалась. — Этот сорт считается королевой божоле.

— Чудесно, Бог ты мой, — выдавил Бэйб, всхрипнув погромче.

Док не обращал внимания.

— Я бы хотел обратить твое внимание на сочетание сортов винограда.

Бэйб картинно уронил голову и начал храпеть и пошвыстывать.

— Ты неотесанный мужлан, — засмеялся Док. — Ладно, ладно, не буду больше о вине.

— Капельку, — сказал Бэйб, — я сейчас тренируюсь на двадцать миль, а выпивка портит дыхание.

— Бургундское — не «выпивка», — сказал Док, моя стаканы. — Извини, что смеялся над твоим жильем. Ты студент, на кой черт тебе дворец? Живи как хочешь.

— Да я и не обижался.

— Замечательно! Знаешь, все вокруг посходили с ума, не угадать, что произойдет в следующую минуту. Я вот утром в «Уолл-стрит джорнэл» прочитал про одну калифорнийскую фирму. Не поверишь, но в этой Калифорнии живут одни умники, туда прочих, видимо, не пускают жить. Ну так вот, эти парни с западного побережья запатентовали одну штуку... Как же она называется? Постой-ка, постой-ка, они называли ее ме-етт-ла. Это такая длинная палка с пуком соломы на одном конце. В «У.-с. джорнэл» полагают, что на этой штуке парни сделают себе состояние. Те заявили, что этой ме-етт-лой можно подметать все, что угодно, полы, например.

— Ничего не понял, — сказал Бэйб.

Док оторвался от крана с ржавой водой.

— Господи, Бэйб, как можно жить в такой клоаке?

— Стаканы уже чистые, — ответил тот, — наливай свою огненную воду.

Док разлил вино в стаканы, покручивая бутылку, чтобы капли не стекали.

Бэйб отпил, Док тоже. Бэйб еще не видел брата навеселе. Сам старый Гомер Вергилий более чем превысил среднюю норму выпивки в семье. По крайней мере в последние годы. Да, в последние. Нехорошие последние годы.

— Дорогое?

— Да, а что?

— Да ничего. Запах у него дорогой. И мягкое оно. Когда я от вина не кашляю, значит, пью что-то дорогое. Нефтяной бизнес, должно быть, процветает?

Док поднял свой стакан для тоста.

— Нефтяной бизнес процветает всегда, — и он отвесил поклон вроде молитвенного.

— Восток не там, — сказал Бэйб.

— Я кланяюсь в сторону Детройта, дурачок, «Дженерал моторс» важнее для Америки, чем Иисус.

— Грязные мерзавцы и воры. — Бэйбу не нравилось место работы Дока и род его занятий: буровые установки, торговля по всему свету, загрязнение всего света.

— Если ты мне сейчас заставишь лекцию по экологии, клянусь, я расскажу твоей Ирмгард, как я поймал тебя в туалете гоняющим шкуру, когда тебе было двенадцать.

Бэйб рассмеялся.

— Великий был день для меня. До тех пор я считал, что один в мире занимаюсь этим ужасным делом. Я думал, ты выгонишь меня из дома или посадишь в яму, а все будут бросать в меня камни. Когда ты мне сказал, что этим занимались все и во все времена, я, помню, подумал: «Вот гады эти взрослые, почему мне раньше никто не сказал?»

Док улыбнулся, указал на кровать.

— Разбери-ка эти завалы.

Бэйб занялся кроватью. У них был договор: когда Док приезжал, он занимал кровать, а Бэйб спал на диване, полным торчащих пружин.

Пока Бэйб возился, Док предложил:

— А бросай-ка ты жить как отшельник, поехали со мной в штат Вашингтон, я устрою тебя в приличное место, будем рядом. Попробуем, а? На хлеб у меня есть, ты знаешь, это не проблема.

Бэйб покачал головой.

— Там нет приличных колледжей для докторантуры.

— С прелестями Колумбуса, так?

— Колумбус не такой уж и великий университет, но в нем гораздо лучше учиться, чем, скажем, в Джорджтауне.

Неожиданно Док взвился.

— Господи, Бэйб, ради Бога, не надо повторять путь отца!

— Мне надоело это слышать! — тут же взвился и Бэйб.

Док замолчал, сконфузившись.

— Надоело? Я тебе говорю это в первый раз.

— Наш профессор Бизенталь уже читал об этом мне лекцию.

— Он из вундеркиндов Гомера?

Бэйб кивнул.

— Знаешь, мне нравится моя келья. Спасибо за заботу, но я останусь здесь, и Гомер Вергилий тут ни при чем.

— Осел упрямый!

Бэйб пожал плечами, убрал подушки. Док развешал в шкафу свои вещи.

— Я приглашаю тебя и Этту на обед, о'кей? Ей ведь нужна еда, так? Или она поддерживает свое божественное существование чистым воздухом?

— Погоди, вот увидишь ее — слюной захлебнешься.

Док засмеялся.

— Сынок, перед тобой человек, который один раз был женат и трижды обручен еще до двадцати пяти лет — у меня трудно вызвать слюноотделение.

— Ты что, хвастаешься? Четыре ареста и один срок?

— Да мое осуждение и сроком назвать трудно.

Док закрыл сумку, засунул ее в угол стенного шкафа. Потом спросил как бы невзначай:

— Ты все еще хранишь ту штуку?

Делая вид, что он не понимает, Бэйб переспросил:

— Какую штуку?

— Когда я зашел к тебе, ты грозился размазать мои мозги по стенке. Звучало довольно реалистично, совсем как в хорошем кино.

— Да ну...

— Так хранишь?

— Заряжен. — Бэйб залез в нижний ящик письменного стола, вытащил коробку с патронами и пистолет. — Вот.

— Сначала вытащи эти штуки, а потом дай мне.

Бэйб ловко разрядил и зарядил пистолет. Владел он им мастерски; ничего удивительного, если принять во внимание, сколько времени он тренировался все эти годы.

Док взял пистолет, стараясь делать вид, что он не боится.

— Как можно хранить такое?

— Что ты имеешь в виду? Ты ведь не стал брать его себе. Не захотел.

— Не захотел? Как можно это хотеть?

— Можно. Я вот, например, хочу.

— Зачем?

— Так, без причины. Чтобы хранить. Ты же сам прекрасно знаешь зачем — отомстить.

— Бэйб, Джо Маккарти умер за год до того, как отец застрелился.

— Может быть, а может, и нет. В Вашингтоне любят при-
врать.

— А Хельга твоя тоже с садистскими наклонностями? Вы, милашки, наверное, сошлись на этой почве. Как ты развлекаешься, если в городе не идет картина про вампиров? — Док вернул пистолет Бэйбу.

Разряжая его, Бэйб сказал:

— Давай, давай, скотина, дразни меня и дальше. Ты назвал ее Ирмгард, и я не поправил тебя, потом ты назвал ее Этта, и я опять не поправил, только что ты назвал ее Хельгой, и это меня не вывело из терпения, но ее зовут Эльза, Эльза, понял! Не Ильза, не Элла, не Ева или Лейла, не Лили и не Лола.

— Извини, — сказал Док. — Должно быть, я немного не в себе после дороги. Но я больше не забуду, что ее зовут Ольга, обещаю.

— Ольга, это очень близко, но все равно неправильно, — терпеливо сказал Бэйб. — Я просто горжусь твоими успехами, ты подобрался совсем уже близко. Каждый, кто научился читать совсем недавно, как ты, помучился бы изрядно с запоминанием этих длинных слов, но мы будем заниматься с тобой до тех пор, пока ты не запомнишь: Эльза, не Порция, не Памелла или Паула, даже не Рода, а также не Сара или Стелла, София или Шейла.

— Урсула? — попытался Док.

— Еще теплее, — сказал Бэйб, — но ее зовут Эльза, не Вида, Вера или Ванесса, или Венеция, или Вилла, или Изольда. Эльза!!!

— Эльза. — Док отпил вина и взглянул на своего младшего брата. — Ее имя я запомнил, а вот тебя как зовут?

14

Через поместье пролежала только одна дорога. Может быть, «поместье» — слишком сильно сказано. Но все же в параграфских джунглях, простирающихся на многие мили, голубой дом в получасе езды от Ла Кордильеры был действительно необычным.

Крестьяне в Ла Кордильере слышали о голубом доме, почти все слышали, но мало кто видел. Потому что на машине добираться до него целых полчаса и ухабы на дороге ужасные.

К тому же охрана.

На дороге всегда стояли парни, приблизительно в миле по обе стороны от голубого дома. Хотя движения на дороге почти не было. все же охрана останавливала тех немногих, кто проезжал мимо. Они никогда не объясняли своих прав и кем уполномочены, а просто становились посреди дороги со своими винтовками и ждали, когда автомобиль остановится. Не советуем появляться на этой дороге, говорил их вид, мы не любим встречать здесь дважды одни и те же лица.

Единственным, кого они пропускали без помех, был поставщик. Каждую неделю — древний грузовик с провизией из Ла Кордильеры. Почту привозили через день. Каждый полдень один охранник покидал голубой особняк и на машине ехал в ближайшую деревню за прачкой.

Прачка была широкоплечая женщина средних лет, всегда закутанная в черную шаль. Она обычно заходила в дом и через несколько часов покидала его: тот же охранник увозил ее назад.

Обычно у нес с собой ничего не было, но однажды сентябрьским днем, как всегда в черной шали, но с большой черной коробкой, она села в автомобиль, тот же, что и всегда, и тот же, что и всегда, шофер увез ее из голубого особняка. Ничего нового не было заметно в облике машины, разве что на заднем сиденье, укрытые одеялом, покоились матерчатые сумки с одеждой. Автомобиль отъехал от особняка, свернул к деревне, охранник на дороге в приветствии поднял руку.

Прачка сидела спокойно, как всегда, широкоплечая и плотная, крепко прижимая к коленям черный ящик, только шаль ее была натянута на лоб чуть ниже, чем обычно.

Автомобиль въехал в деревню, где жила прачка, и проехал ее, не останавливаясь. Прачка сидела прямо, не касаясь спинки сиденья.

Жара не ослабевала. Дорога в аэропорт Асунсьона заняла два часа.

Остановив машину, водитель вышел из нее, потянулся за сумками на заднем сиденье.

— Сядь! — скомандовала прачка на испанском.

Водитель повиновался. Прачка взяла сумки в одну руку, а ящичек в другую.

Водитель спросил на испанском:

— Могу я задать один вопрос?

Особа в шали кивнула.

— Что если прачка забеспокоится? Как с ней обращаться?

— С большой и нежной заботой, — ответила особа в шали. — Объясните, что я вернусь дня через три, что она мой гость и вольна делать все, что ей вздумается. Скажите, что она много работала, я хочу предоставить ей отдых.

— Она очень глупая, — засомневался водитель. — Я думаю, она не поймет.

— Значит, ваше дело — проявить терпение. Я хочу, чтобы она была довольна, когда я вернусь. Довольна и жива, а если что не так, то кому-то не поздоровится. Я ясно выражаюсь? Вам, кстати, будет хуже всех.

Водитель кивнул.

— У нее необычайный природный дар гладить рубашки. Если бы я управлял этим мерзким местом, то объявил бы ее национальным достоянием. У меня не было таких хрустящих сорочек с сорок пятого года.

«Прачка» вылетела из Асунсьона в Буэнос-Айрес. Парагвайские таможенники были безнадежными дураками, неприятностей с паспортом, которых ожидали, не произошло. В Аргентине все было по-другому, так что «прачка» осталась в Буэнос-Айресе, а самолетом «Пан Америкэн» уже вылетел респектабельный джентльмен, пожилой и совершенно лысый. Лысина, конечно, раздражала. Он поседел рано, когда ему было всего двадцать лет, и всегда очень гордился цветом своих волос, густых и волнистых. Тогда его называли Белый Ангел.

За день до отъезда там, в голубом особняке, он сбрил свои белоснежные волосы, но и лысым казался привлекательным. У него было властное лицо. Как только он вернется в Парагвай, конечно, снова отрастит свое белоснежное чудо.

Он успел на рейс «Пан Ам» и через десять часов беспосадочного перелета оказался в Нью-Йорке в полседьмого утра. Назад в Буэнос-Айрес он собрался лететь ночным самолетом в среду.

Он не спал в течение всего полета, держал на коленях черный ящичек. Пассажиры спали, он же просчитывал варианты. Много может случиться не так, а ему надо быть готовым ко всему. Его ум до сих пор спасал его — он был уверен, что не подведет и впредь. Его ум плюс ящичек из черной кожи. Пока ящик с ним, страдание — постоянный его спутник.

Самолет прибыл точно по расписанию, и большинство пассажиров беспрепятственно прошли через таможню. Он хотел выглядеть неприметным и аккуратным, ему это было очень важно: с момента прибытия он, подобно огромному аэробусу на взлете, находился в предельно опасном положении. Нет, он не беспокоился о паспорте. Да, его сделали очень быстро, но в Асунсьоне этот бизнес был поставлен хорошо. Нет, таможенники пропустят его без помех.

Он получил свои сумки, прошел таможню, на площадке для встречающих огляделся. Он никогда не был в этом аэропорту раньше, и размеры немного смущали его. И в стране этой он был впервые, но не собирался путешествовать, его цель — только Манхэттен. Он одиноко стоял на площадке для встречающих. Его должен был встретить Эрхард. А если телеграмму незаметно перехватили, телефонный разговор подслушали?.. Нет, такой мысли он допустить не мог, он не любил убегать. Ну что, рвануть без оглядки к ближайшему выходу? А потом куда?

В какую, черт возьми, сторону?

Тут он увидел, как к нему хромает маленький Эрхард, а за ним идет широкоплечий Карл.

Док сам выбрал ресторан для обеда — «Лютеш», Бэйб о нем слышал, но ни разу его не посещал. Эльза об этом ресторане не знала. Когда Бэйб зашел за ней и сказал, что это самое дорогое заведение в городе, она занервничала. Они поймали такси, хотя всюду ездили на подземке. Но в «Лютеш» на подземке не ездят... если ты не моешь там посуду. Выглядела Эльза ужасно, и платье на ней сидело плохо, и места такие она терпеть не могла; люди будут смотреть на нее, они поймут, что она не их круга.

И Бэйб был уверен: на нее будут смотреть, и еще как. Она надела простое голубое платье, украшенное бусами из жемчуга, цвет платья чудесно гармонировал с цветом глаз.

— Ты выглядишь до неприличия красиво, — сказал Бэйб, когда они входили в ресторан, но это не успокоило Эльзу.

Док ожидал их в крохотном кабинете на втором этаже. Если хочешь показать себя в «Лютеше», то обедай внизу. Если тебе дорога беседа, то поднимайся наверх.

Когда они вошли, Док встал и, взглянув на Эльзу, незаметно шепнул брату:

— Ты мне говорил, что она хорошенькая... Знаешь, Том, нам надо с тобой как-нибудь поговорить о твоём вкусе.

— Это Хэнк, — представил брата Бэйб.

Они называли друг друга на людях Хэнк и Том. Все началось после смерти Гомера Вергилия. Им надо было как-то сплотиться. Общая тайна — удобная штука. И дешевая. Мост, связывающий их. Им очень нужна была тайна, когда от них ушел Гомер: если не к кому прибиться, течение может оказаться сильнее человека, водовороты жизни могут увлечь на дно.

— Вы очень милы, — любезно сказал Док, — я вам точно говорю.

Подошел официант. Док заговорил с ним по-французски. Эльза заметила, что он хорошо владеет французским.

— Благодарю вас, да, я говорю неплохо. Я заказал «шабли». Вы знакомы с «шабли»? Это бургундское вино. Лучшие вина — зеленоглазые — из винограда, напоминающего бриллиант. — При слове «бриллиант» Док взглянул на Эльзу и легонько погладил ее руку.

Ого, подумал Бэйб, она ему нравится.

Нет, подумал Бэйб, когда они разделались с паштетом из гусиной печени и принялись за филе ягненка, не очень-то это и здорово. Вечер, который, казалось, начался нормально, теперь был невмоготу.

Потому что Док не мог оторвать от нее рук.

Остановись, хотел Бэйб крикнуть Доку.

Останови его, хотел он крикнуть Эльзе.

Но в «Лютеше» не принято кричать. Здесь принято шеп-

тать. Принято посмеиваться, прикрывая рот салфеткой; кивать, когда официант без спроса подливает вино; принято вести легкую беседу, независимо от того, что творится у тебя внутри, если даже твой брат сидит рядом и заигрывает с твоей девушкой; принято сдержанно сидеть, даже когда твоя девушка не возражает против ухаживания...

Бэйб сцепил пальцы на коленях.

Они уже пили красное бургундское. «Бон Марэ'62».

Бэйб допил свой бокал и кивнул официанту, тот подлил еще.

Док улыбнулся Эльзе.

— Вы скучаете по своему дому? Где он? В Швейцарии?

— По-моему, все иногда скучают по дому. А вы?

— Я пытаюсь угадать, — сказал Док, — где же именно этот дом? Я плохо знаю Швейцарию. Цюрих да Женева — вот и все.

— Я не оттуда.

— Должны же вы быть откуда-нибудь?

— Крохотное местечко. Никому не известное.

Что это она вдруг засекретничала, удивился Бэйб. Она жила около озера Констанс, сама ему ведь говорила, почему бы и Доку не сказать?

— Готов спорить, вы бегаєте на лыжах, — предположил Док, меняя тему разговора.

— Я швейцарка, этим все сказано.

— Не понял, — покачал головой Док.

— Был такой случай. Какой-то валлийский актер, не помню его имени... Он снимался в больших картинах, но их названий я тоже не помню... Совсем не умею рассказывать.

— Да, рассказываете вы неважно, — согласился Док.

Они оба рассмеялись.

— Не важно кто, может, и Дэвид Бартон. Предположим, это был Дэвид Бартон, он был из Уэльса, и его спросили о его роли в фильме, или, может быть, в спектакле, не помню, или то, или другое...

— Вы отвратительно рассказываете, — заключил Док.

И опять они захихикали.

Бэйб взглянул в ее голубые глаза. Казалось, они никогда еще не были так прекрасны. Он боялся, что сотворит нечто ужасное, просто ужасное, поэтому изо всех сил стиснул ладони коленями.

— Не важно, что это было, пьеса или фильм, важно то, что по роли ему надо было петь, и вот продюсер или постановщик, кто-то из них, а может, оба вместе, они и спрашивают его, умеет ли он петь, а Бартон отвечает: «Я — валлиец, и этим все сказано».

— Не понял, — сказал Док.

— Валлийцы очень гордятся своей музыкальностью, — объяснила Эльза.

— А швейцарцы — умением ездить на лыжах. Теперь понял, — Док опорожнил свой бокал, заказал еще бутылку. — А где вы учились лыжам?

— Озеро Констанс. Рядом маленький городок, там я прожила всю свою жизнь.

— Бог ты мой! — воскликнул Док, оживляясь. — Я знаю это место. В нашей компании работает один лихой лыжник, и он уже плешь проел, простите, очень надоел всем своими разговорами о лыжах, о том, была ли снежная буря в Китубуле, какой глубины долина Скуар и как здорово подниматься на вертолете на канадские вершины и катиться оттуда по свежему снегу. Если вы думаете, что буровое оборудование — это скука, то вы бы послушали этого типа...

— Вы рассказываете еще хуже, чем я, — съязвила Эльза.

Док заржал. Сидящие за двумя соседними столами с испугом взглянули на него.

— Ох-ох, простите меня, но я уже дошел до главного. Любимое место этого лыжника — район озера Констанс, потому что там рядом Монт-Роз, прав я или не прав? Вы научились кататься на Монт-Роз, признавайтесь!

— Я восхищена, — согласилась Эльза.

— А рядом с Монт-Роз другая гора, Монт-Шарр, и она высокая, чуть выше Монт-Роз, прав я или нет?

— На все сто процентов, — подтвердила Эльза.

— Я все это придумал, — вдруг сознался Док.

— Что «все»? — удивилась Эльза.

— Нет никакого лыжника, нет никакой горы Монт-Роз рядом с озером Констанс, горы Монт-Шарр тоже нет, прав я или нет?

Эльза молчала.

Бэйб, онемев, смотрел на них обонх.

Он не понимал, что происходит, но что бы там ни было, лучше б уж Док и дальше гладил ее руки.

— Я много ездил в Швейцарию по службе и хорошо знаю эту страну, я знаю, как там говорят, вы не швейцарка.

— Нет.

— Кто вы?

— Не можете определить по акценту?

— Немка. Немка, и вам не двадцать пять. Тридцать?

— Тридцать два. Что еще вы хотите знать?

— Когда заканчивается ваш контракт на работе?

Эльза помолчала и произнесла очень тихо:

— Почему вы издеваетесь надо мной?

— Многие иностранцы стремятся к браку с американцами. Иногда у них все в порядке, даже с законом, а иногда браки не совсем удачные.

— Так, значит, вы думаете?! Я заманиваю вашего брата? Могли бы встретиться со мной наедине и расспросить.

— Смысла нет, — спокойно возразил Док. — Если вы не

сказали правду раньше, зачем это вдруг говорить ее теперь?

Эльза выскочила из комнатки, Бэйб устремился было за ней, но Док крепко схватил его за руку.

— Пусть убегает.

Бэйб рванулся.

— Почему? Потому что ты так хочешь?

— Ради тебя же.

— Чепуха!

— Только ради тебя. — Док держал его крепко, и Бэйб не мог вырваться. — Я много ездил по миру, я знаю людей. Миллионы проходимцев хотят поселиться здесь и идут ради этого на все.

— Я не просил твоего одобрения.

— Ты еще спасибо мне скажешь. Я раскусил ее с первого взгляда. Да нет, черт возьми! Я понял все из твоего письма. Не влюбляются так друг в друга, вот если только один очень старается...

— Ты не знаешь...

— Знаю, знаю, черт возьми, поверь мне!

— Проверить?! Сначала ты выворачиваешь ее наизнанку, а потом подставляешь ножку.

— Это всего лишь тактика: сначала размягчить — и поймать врасплох.

Док сжал руку Бэйба сильнее. Стало больно. Они стояли и, перебивая друг друга, шептали в тишине кабинета.

— Нельзя всем говорить правду, кое-что надо и попридерживать. Я искренне просил тебя поехать в Вашингтон. Если бы я сказал, что получил письмо про парк, ты бы подумал, что я испугался, но я не хочу ранить тебя жалостью. Я получил твое письмо, знал о бандитах... Не врал и не вру, когда говорю тебе: брось ее, она не любит тебя, забудь ее.

— Ты не знаешь, что...

— Я знаю. Думай головой! Она же красавица — зачем ты ей нужен?

— Я люблю ее! — крикнул Бэйб, вырвался и бросился через зал. Он врезался в официанта с подносом, споткнулся, полетел дальше. Вниз, по ступенькам, через две, три, бегом, спотыкаясь, мимо бара, в октябрьский вечер, на тротуар, рванулся в сторону, в другую, сел в такси и помчался к Эльзе домой.

Он упрямо нажимал на звонок ее двери, снова и снова, но тщетно. Он звонил еще — тишина, никого, ничего... Может, он обогнал ее, она еще добирается? Нет, она вообще не поехала домой. Она ведь думает, что это он все подстроил, уничтожил ее. Где она сейчас? Сидит в кино, не глядя на экран? О многом ей теперь надо подумать.

Он любит ее. И плевать хотел, даже если она и корейнка. Он любит ее. Она не поймет, каково ему после двадцати пяти

лет мытарств вдруг почувствовать радость от того, что она рядом.

Оставалось только одно -- вернуться к себе и ждать ее звонка. Молить Бога, чтобы она позвонила. Можно подождать у ее двери, но это как-то неудобно, он сам терпеть не мог навязчивых людей. Док уже, наверное, собирается улетать. Им больше не о чем говорить.

Бэйб побежал. Бежал он быстро, быстрее обычного, изо всех сил, чтобы выдержать три мили до дома. Бэйб мчался сквозь ночь. зуб болел нестерпимо...

16

Было уже почти одиннадцать, когда они вошли в Риверсайд-парк и направились к лодочному пруду. Широкоплечий, лысый пропустил вперед спутника в черном плаще. Тот начал было:

— Осторожно...

Широкоплечий оборвал его по-английски:

— Лучше не привлекать к себе внимания.

— Как изволите. Но смотрите под ноги. Здесь очень темно.

— Не люблю встречаться в таких местах. Даже наши газеты пишут о преступности в американских парках.

— Назначал Сцилла. И место, и пароль. Ему нравятся парки.

— Очень глупо.

— Вам страшно?

— А тебя это забавляет?

— Да.

— Мы все испытывали страх, даже когда выигрывали. Те из нас, у кого были мозги, не переставали бояться. Как только забываешь о страхе, упускаешь мелочи, и тогда до могилы — два шага.

К пруду они подошли ровно в одиннадцать и направились по аллее, отсчитывая нужное число скамеек. Наконец в половине двенадцатого они сели на пустую скамью и уставились на Гудзон. Широкоплечий время от времени поглядывал по сторонам. Привычка. Вокруг деревья, кусты, тени. Никакого движения.

— Сколько времени? — спросил широкоплечий в четверть первого.

— Пятнадцать минут, — ответил «плащ». — Вы не взяли часы?

— Взял, часы у меня при себе, решил проверить, точно идут или нет.

Дряхлая старуха проковыляла мимо возле самой воды.

— Чего это она шатается в такое время? — сказал широкоплечий.

— Не думаю, что это старуха, — ответил «плащ». — Наверное, полицейский. Сейчас у них это в моде.

— Америка, — широкоплечий покачал головой.

Они молчали до тех пор, пока старуха не скрылась из вида.

— Время? — спросил широкоплечий.

— Двадцать пять минут.

— Сцилла опаздывает. Хочет потрепать мне нервы.

— Сцилла никогда не опаздывает, — послышалось за скамейкой.

Оба так и подскочили.

Голос Сциллы доносился из глубокой тени.

— Я смотрел и слушал, как у вас бурчит в животах от страха. И надо сказать, мне было очень приятно.

— Выходи оттуда! — приказал широкоплечий.

— Не сказав пароля? — в голосе Сциллы прозвучало удивление. — Какое нарушение этикета! Где ваше уважение к традициям?

Широкоплечий сердито буркнул:

— Когда-то здесь купались. — Он указал рукой в сторону Гудзона. — А сейчас это опасно для жизни.

— Вы не поверите, — сказал Сцилла, — совершенно забыл, что мне положено ответить.

— Умереть можно как угодно. Говори: «Умереть можно как угодно». Ну вот и все, теперь выходи.

— Ладно, но если я не тот, кого вы ждете, сами виноваты. — Сцилла вдруг возник как будто ниоткуда.

— Твое поведение не нравится мне, я хочу, чтобы... — широкоплечий не закончил.

Сцилла перебил его:

— Не вам говорить о моем поведении после того дерьма, что вы понаделали.

— Ты прекрасно знаешь причину.

— У нас были деловые отношения, и только, а то, что вы творите, не имеет к делу никакого отношения.

— Вопрос стоял о доверии. — Широкоплечий сердито уставился на Сциллу. — Могу ли я тебе доверять?

— Вы никогда не доверяли, просто делали вид, а теперь еще и боитесь меня. Это ведь вы наняли Чена. Вы уже пытались убить меня, так что не стоит утруждать себя болтовней о доверии.

Широкоплечий смягчился.

— Естественно, я не могу тягаться с тобой, если уж Чен не смог... Я староват для выхода один на один. — Он замолчал и вытащил нож: болтать дальше не было смысла.

Чтобы вернуться от профессионального удара, много не нужно. Чтобы избежать хука Абдул-Джаббара, совсем ни к чему сбивать его с ног. Не нужно даже перехватывать его

руку. Всего лишь тычка в локоть достаточно. «Плащ» на мгновение вцепился Сцилле в руку, только на один миг.

Сцилла подумал, что недостаточно внимания уделил «плащу». Тот и не думал тягаться со Сциллой, он лишь задержал его руку. Но этого мига было вполне достаточно. Сцилла вырвался, и его огромные руки попытались защитить живот. Но слишком поздно. Слишком поздно. Нож уже достиг своей цели.

А нож ли? Сциллу уже не раз резали ножом, но еще ни разу таким лезвием, которое с ужасающей быстротой глубоко входит в тело. Он был, как кукла или фигура, слепленная из топленых сливок, а нож, или скальпель, или что там еще, зашел в него ниже пупка с такой легкостью и силой, что Сцилла только охнул и опустил руки в бессильном удивлении.

Потом сталь пошла вверх.

Сцилла никогда бы не подумал, что широкоплечий настолько силен: каким бы острым ни было оружие, резать плоть и хрящи очень нелегко.

Сцилла истекал кровью.

Широкоплечий убивал его в полной тишине.

Сцилла начал оседать.

Широкоплечий отступил назад. Он хорошо знал смерть и вытащил лезвие. Сцилла не успел рухнуть на землю, а тот уже уходил с «плащом» прочь из парка, зная, что великан или мертв, или вот-вот умрет.

— Нехорошо получилось, — сказал широкоплечий.

— Другого выхода не было, — успокоил его «плащ».

— Теперь все пойдет наперекосяк.

Сцилла лежал на земле. Он был знаком с анатомией достаточно хорошо, чтобы знать — с ним покончено. Смерти не избежать, осталось лишь выбрать — умирать у Гудзона или в другом месте.

Место было премерзкое: летом тут воняло, крысам, наверное, здесь вольготно, и от мысли, что твари доберутся до него, Сциллу передернуло. Держись на злости приказал он себе. Злись, злость поможет еще немного протянуть. Усилиями воли он заставил участки мозга сосредоточиться только на собственной тупости — позволить зайти себе за спину! Вот дойдет новость до Отдела: великого Сциллу прикончили старикан и мальчишка.

— Господи! — заорал Сцилла, и, пока ярость эхом отдавалась в нем, он приподнялся, встал на ноги. Руками обхватил свой живот и начал выбираться из парка. Будет тяжело. Может, и не получится. Нет. Все у него получится.

Он был Сцилла-скала, и надо оправдывать эпитет...

Бэйб шагал из угла в угол.

Комната маленькая, ноги у него длинные — не успев начать, он останавливался и поворачивал обратно. Больше всего Бэйбу сейчас хотелось пробежать до пруда в парке, рвануть и посчитать, сколько кругов он сможет сделать вокруг пруда, прежде чем свалится на холодную сентябрьскую траву.

Бэйб остановился, посмотрел на часы. До полуночи осталось недолго. Если Эльза и придет, то сейчас: скоро кончится сеанс в кинотеатре. Из ресторана она убежала полдевятого, заказ был на семь тридцать, а все веселье длилось не больше часа.

Бэйб вытащил сумку Дока, сложил туда все его вещи — идиотский поступок, конечно. И нога его не ступит на порог! Бэйб чувствовал себя ослом, но, когда в ванной он увидел туалетные принадлежности Дока, его передернуло, он похвтал все его вещи и запихал в эту чертову сумку.

Лучше, наверное, распаковать ее, решил он чуть позже. Все равно просто так шагает туда-сюда. Он открыл сумку, уставился в нее. Я все вытащу и положу на место, но кое-как, чтобы он понял: я не простил ему, но зла на него не держу.

Бэйб знал, как будет вести себя Док: он-де всего-навсего таким образом заботился о младшем брате. Так он будет говорить. И это правда. Док всегда о нем заботился с тех пор, как умер Г. В. Ему было десять, Доку — двадцать, и все последующие годы Доку приходилось залечивать его юношеские травмы. Бэйб вытащил рубашки Дока, запихал их обратно в шкаф, схватил бутылки с чертовым бургундским и несессер и собрался было рассовать все по местам, как вдруг зазвонил телефон.

Бэйб бросился к нему, схватил трубку.

— Эльза?

— Он не спросил меня, люблю ли я тебя. Я ждала, но он так и не спросил.

— Эльза, послушай, ничего не произошло, понятно тебе?

Ее голос прозвучал глухо:

— Что мы будем делать, Том?

— Забудь, я сказал тебе, нам не пужно все это вспоминать.

— Я ходила в кино. Два сеанса подряд сидела и думала. Мы ничего не забудем, мы слышали все это оба, и все это было правдой. Только вот он так и не спросил, как я отношусь к тебе.

— Давай я заеду к тебе? Я на такси, мигом.

— Я соврала про свой возраст, потому что ты казался ребенком, моложе своих лет, и я не хотела испугать тебя. Я не сказала, что я немка, потому что Леви — еврейская

фамилия, а сейчас еще многие евреи ненавидят нас. Мне было четыре года, когда Гитлер умер, но кое-кто считает, что блицкриг придумывали все немцы.

— Черт, да нет же, я не думаю так, давай я подскочу к тебе.

— Подожди. Он не обо всем спросил. Я была замужем и разведена. Я чуть не выкрикнула ему это в лицо, перед тем как убежать. Его единственная ошибка была в том, что он не спросил меня, люблю я тебя или нет. Я ничего ему не говорила, когда он прикасался ко мне, и выдавливала улыбку: он ведь твой старший брат. У него такой же вид, как у всех ваших дельцов — процветающих, самоуверенных. Это — мое, весь вид его говорит, и то — мое тоже, у меня куча денег, так что все, что видят мои глаза, — мое, и ты — моя. Да и вино такое крепкое было. Я не хотела устраивать сцену, только бы понравиться ему, только бы он одобрил твой выбор, он ведь твой брат, и ты любишь его. Знаешь, я бы хотела вырвать сегодняшний день из календаря и сжечь его.

— Ничего не произошло! — прокричал Бэйб. — Я уже тысячу раз прошу тебя забыть это.

— Нет, такое не забудешь, оно всегда будет висеть над нами. Ты хочешь знать о моем муже?

— По правде говоря — нет, — солгал Бэйб. — Зачем мне знать о нем? Если бы я сказал тебе, что был женат, ты что, умерла бы от этого? Я не был женат, ничего такого, черт, но если тебе станет от этого легче, можешь рассказать, я не буду уши затыкать. Ты, наверное, была еще девчонкой, да? А он — мужлан, и ревнивый, и тупой. Ты была еще совсем ребенком и не поняла, какой он проходимец, а как только поняла, то положила всему конец, так?

Бэйб помолчал, ему становилось отчего-то смешно.

— Он, наверное, был толкателем ядра, — продолжал он. — Вы, колбасники, — великие спортсмены в легкой атлетике, и он, наверное, хрюкал от усилия. Если толкатель ядра — американец, то он говорит: «У-уф!», — бросая свою штуку, а вы, немцы, говорите: «А-ах!»

— Ты и вправду невозможный, — Эльза, не выдержав, рассмеялась.

Черт возьми, получилось!

— Бэйб...

Док стоял на пороге, обхватив себя руками.

Бэйб повесил трубку.

— Бэйб!!! — крикнув, Док протянул руки к брату.

И его внутренности начали вываливаться на пол.

Док стал падать.

Бэйб подхватил его на лету, обнял обеими руками, прижал к себе изо всех сил, и скоро они оба будто плавали в крови. Док пытался шептать, Бэйб пытался услышать.

Прошло примерно пятьдесят секунд, прежде чем Док умер.

Легавые вели себя как-то странно. Но не сначала. И часу не прошло, как все вокруг пришло в движение.

Бэйб тихо сидел в углу. Может, они и сначала вели себя странно, а он и не заметил.

Он тогда не заметил многого.

Он вызвал полицию. Пришли двое, очень быстро, а потом еще трое. Все пятеро переговорили друг с другом вполголоса. Бэйб не особо слушал тогда. Он просто тихонько сидел себе в кресле. Руки висели плетью.

Он остался один. Последний. Когда-то их было четверо — мать, отец, Док и он. Мать погибла в автокатастрофе, когда ему было шесть лет, и Бэйб не помнил ее, видел только пару фотографий.

Но не автокатастрофа убила мать. Авария явилась воплощением людского зла — вот и врезался автомобиль, в котором она ехала. В дерево. Убило ее злословие, публичное унижение ее мужа, вот в чем было дело. Иногда Бэйб думал, что она вовсе и не погибла, а живет где-нибудь во Флориде вместе с Маккарти и Кеннеди. Если в стране случалась таинственная смерть, то всегда появлялись слухи, что человек этот вовсе не мертв, а живет во Флориде. Почему во Флориде, думал Бэйб, почему именно там? Кеннеди прозябает во Флориде, и Рузвельт, припертый к стене Сталиным и прочими красными, живет себе там спокойно, греется на солнышке. Иногда Бэйб размышлял о том, что это прекрасная тема для научной работы. Если ты немного параноик и любишь выяснять все до конца. Вот Бермудский треугольник, например. Просто здорово было бы написать об этом.

Отца он нашел точно так, как рассказал Бизенталю. И хотя уже прошло пятнадцать лет, все еще, когда он хотел поучить себя, он восклицал в сердцах: «Ты сам виноват, сам! Если бы ты принес ему эту дурацкую бумагу, он бы этого не сделал, ты бы успел, ты бы спас ему жизнь!»

Когда он рассказывал Бизенталю об этом, он не раскрыл правду до конца. Ему было тогда всего десять лет, и он слышал, как Г. В. ходил, спотыкаясь, по спальне, шепча проклятия и иногда падая, и он испугался, что если зайдет, отец ударит его. Не будь он трусом, отец бы не умер.

Док был в школе, когда прозвучал выстрел. Док всегда был рядом, если только не торчал в школе, где он блистал, не считая химии, которую ненавидел. Придя из школы и обнаружив отца мертвым, а Бэйба — в истерике, Док сказал: «Химия у нас была. И хотел же свинтить с этой мерзлятины. Если бы свинтил, он был бы жив».

Док обвинил в смерти отца себя, а Бэйб в это время думал: виноват я, и чертова бумага — тому доказательство.

Ничего не доставляло большего удовольствия, чем ясный

и четкий спор. И оба брата сходились лоб в лоб, разбивая доводы один другого вдребезги. Да, хорошие у них бывали времена, орали друг на друга до хрипоты в то славное времечко, когда Бэйб пытался справиться со своим переходным возрастом. Больше споров не будет.

Бэйб бросил взгляд на простыню, которой легавые укрыли его брата. Определенно, под ней кто-то был, но где гарантии, что там именно Док? Бэйб редко думал о своей собственной смерти, но обычно в таких мыслях рядом всегда был Док, он и хоронил его. Док был большой и сильный и никогда не болел. Случись на западном побережье, в Калифорнии, эпидемия гриппа, Бэйб грипповал бы в своем Нью-Йорке на востоке. Если бы Бэйб умер, Док обо всем бы позаботился, и не было бы никаких проколов, все было бы гладко, в общем, так, как надо.

Легавые опять забубнили; главный из них сказал, что непохоже это на ограбление: бумажник не тронут. Мотив... Бэйб призадумался. Вот они о чем бубнят.

Главный пошарил в бумажнике Дока и заспешил к телефону. Вот тут-то, подумал Бэйб, и начались странные дела.

Они ни о чем его не спрашивали. Так, несколько вопросов. Бэйб старался отвечать им вразумительно, хотя это и было нелегко. Он кивал или качал головой, не привередничал; хотелось сказать, что сейчас ему не до разговоров, но полицейские все понимали, вопросы сокращали до минимума, и вопросы были простенькие.

Главный легавый бормотал в телефонную трубку. Что — Бэйб не мог толком расслышать. Нет, надо постараться расслышать, убеждал он себя. О твоём брате говорят, слушай.

Он не мог сосредоточиться, пока не услышал голос Эльзы в прихожей. Один из легавых загородил ей дорогу; Бэйб встал, подошел к двери, выдал легавому: «Позвольте», — и вышел к Эльзе.

— Ты так неожиданно повесил трубку. Я не знала, что думать. Ждала, но ты не перезвонил. Я беспокоилась, вот и пришла.

— Док мертв, — сказал Бэйб. Ну вот, после стольких лет он выдал их секрет, сказал «Док», даже не осознав этого. Но теперь-то что. Для секрета нужны двое. — Мой брат мертв, убит.

Она не поверила. Покачала головой.

— Это так. Я ужасно устал, Эльза.

— Это точно?

Бэйб даже не заметил, как перешел на крик:

— Что точно?! Точно ли то, что он мой брат, или что он мертв? Да, и еще раз да!

— Извини, — сказала она, отступая назад. — Просто я беспокоилась о тебе. Я пойду.

Бэйб кивнул.

— Как такое могло случиться? Господи, какой ужасный город! Ограбление! Или машиной сбили?

— Нет, это мою мать — машиной.

Бэйб увидел смятение на ее прекрасном лице — и всего через полчаса после смерти брата рассмеялся. Совсем как женщина, о которой он слышал. У той в одночасье в двух, не связанных друг с другом, несчастных случаях, в разных штатах погибли муж и сын. Муж умер первым, и она чуть не потеряла рассудок, а когда пришло известие о гибели сына, она заметила, что смеется. Нет, он не был ей безразличен. Просто иногда нужно рассмеяться, чтобы не съехала крыша.

Когда он захохотал, Эльза ужаснулась, и это его еще больше рассмешило, и он смеялся до тех пор, пока по ее лицу стало ясно: она думает, что он свихнулся.

— Все в порядке, — сказал Бэйб.

Эльза кивнула.

— Я люблю тебя и буду любить потом, немного спустя, но не сейчас.

Эльза подошла к нему, тронула указательным пальцем сначала свои, потом его губы. Повернулась и заспешила вниз по лестнице.

Через пять минут появился первый тип в штатском

Главный легавый подошел к нему с почтительным видом.

Бэйб смотрел на все это со своего наеста в углу.

Тип в штатском подошел к Доку, приподнял простыню, взглянул на лицо, кивнул. Подошел к телефону, набрал номер и забубнил что-то.

Будь внимателен, говорил себе Бэйб. Слушай. Он старался, но услышал от типа в штатском только «да, сэр». несколько раз «коммандер»¹ и ничего более. На том разговор и закончился. Бэйб уставился на типа: лет около тридцати, в хорошей форме, мускулистый, но в глаза не бросается. Человек следит за собой, ничего особенного, один из многих.

Появился второй тип в штатском, этому около сорока, светлые волосы — слишком светлые для его профессии. Если не считать этой мелочи, его не отличишь от заурядного дельца.

Он встал на колени рядом с Доком и в отличие от первого типа в штатском, который только взглянул на лицо, долго изучал его.

— Он, видимо, попал в засаду, коммандер, — сказал первый тип в штатском. Бэйб узнал его голос: тот, что говорил по телефону.

— Или он знал их, — возразил блондин. У него в голосе были неприятные властные нотки от чувства собственной правоты.

¹ Коммандер — воинское звание в категории старших офицеров ВМС США и Великобритании, традиционно и у офицеров контрразведки.

— Что делать моим парням? — спросил главный легавый.

— Можете идти, — разрешил блондин.

— Тогда мы заберем его, — сказал легавый.

Бэйб удивился, что блондин приказывает легавым.

— Врачей! — потребовал блондин.

— Я уже отдал распоряжение, — ответил другой в штатском. — Машина внизу, позвать их?

— Давайте.

Первый тип зашел вниз по лестнице. Блондин окинул взглядом Бэйба и опять стал рассматривать Дока.

Дока понесли. Первый в штатском и двое санитаров. По их белой униформе трудно было понять, из какой они больницы.

Док покидает его.

Бэйб чувствовал, как внутри у него все обрывается.

— Мне подождать? — спросил черноволосый в штатском.

Блондин отрицательно покачал головой.

Первый тип ушел, закрыл дверь, теперь они остались вдвоем, Бэйб тупо смотрел в стену.

— Может, поговорим, ты не возражаешь? — сказал блондин.

Бэйб взглянул на него. Тот пододвинул к Бэйбу стул и уселся сам.

Бэйб пожал плечами. Он не захотел говорить с Эльзой, какого черта трепаться с этим наглым сукиным сыном?

— Я понимаю, насколько сейчас неподходящий момент...

— Совершенно верно, — оборвал его Бэйб.

— Я знаю, как близки вы были с братом...

— Да что вы говорите? Вы знаете? Откуда вам это знать, скажите, пожалуйста? Что вы вообще знаете?

— Нет-нет, извините. Просто я хотел понять что к чему.

— Что? Вообще какого черта? Чем вы там у себя командуете?

Блондин сразу пошел на попятную.

— Откуда вы знаете, что я команду чем-то?

— Тот тип в штатском назвал вас «коммандер», я слышал.

— О, это пустяки, флотское прошлое. Я был когда-то моряком, дослужился до коммандера, звание это вроде сенатора или вице-президента: даже в отставке их называют по-прежнему.

— Ерунда.

Повисло молчание. Потом этот тип сказал:

— О'кей, ты прав, не будем говорить ерунду. Слушай, у нас что-то не получается, а очень надо, чтобы получилось. Забудь про коммандера. Я объясню попозже. Меня зовут Питер Джанеуэй. — Он протянул руку и сверкнул улыбкой. — Но вообще-то друзья зовут меня Джейни.

— Я не ваш друг, — сказал Бэйб, не замечая протянутую ему руку.

— Сейчас это не важно. Важно только одно: мы с тобой должны поговорить. — Джанеуэй опустил руку, явно смущенный.

Надо было пожать ему руку, подумал Бэйб, не умер бы, быстренько пожать, и все, нетрудно ведь.

— А там, где вы, там все важно, да? Важно, чтобы поговорили, важно, чтоб мы поладили. Что там еще у вас важно, давайте сразу весь список.

— Перестань.

— А я еще и не начинал, — сказал Бэйб, и ему очень понравился этот ответ. Богарт бы тоже сказал что-нибудь в этом роде или другой стильный актер.

Джанеуэй вздохнул. Он изобразил руками, как открывают бутылку.

— Есть что-нибудь?

Бэйб пожал плечами, кивнул в сторону кухни.

Джанеуэй встал, нашел бутылку красного бургундского, открыл ее.

— Хочешь? — спросил он Бэйба, наливая вино в невытый бокал.

Бэйб покачал головой и удивился себе: почему я так паршиво веду себя с Джанеуэем? Вполне сносный мужик, тактичный, приличный. Он напоминал Бэйбу... Бэйб порылся в памяти, пока не вспомнил: Гэтсби¹. Сбросить бы Джанеуэю несколько лет и отрастить волосы, и был бы он двойником Гэтсби. А Гэтсби мне нравится, так зачем же хамить этому Джанеуэю? Дело не в самом Джанеуэе, понял он наконец, дело в его присутствии здесь и сейчас. Мне надо побыть одному, подумал Бэйб, дайте мне возможность оплакать брата.

Он был слишком мал тогда и не помнил мать, а когда пришла очередь Г. В., он и Док упрекали сами себя. «Надо мне было сразу войти, Док, сразу, с бумагой этой». — «Заткнись, ничего ты не понимаешь, это моя вина. Я, только я виноват, дурацкая химия». А потом они замолчали, потому что споры их не могли воскресить отца.

Не воскреснет и Док, сколько бы Бэйб ни проливал теперь слез.

Джанеуэй одним махом опрокинул в себя вино, налил еще. Потом подошел и сел рядом с Бэйбом.

¹ Герой романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби».

— Ну как, ты сможешь помочь нам?

Бэйб ничего не ответил.

— Слушай, я не хочу вступать в интеллектуально-логические игры с почти гениальным историком. Если хочешь доказать, что ты умнее меня, то уже доказал. Все, я сдаюсь, ты победил.

— Кто вам рассказал обо мне? Откуда вы знаете, чем я занимаюсь?

— Позже, позже я объясню все, но важно, чтобы сначала ты мне сказал кое-что, идет?

— Нет, не идет. Когда вы говорите, что вам важно поговорить, вы имеете в виду, что это важно для вас, но не для меня. Да, может, я и отмахиваюсь от вас, но только что убили моего брата, и мне что-то совсем не хочется болтать.

— Иди переоденься, — мягко сказал Джанеуэй, — под душ встань, если хочешь, а потом мы поговорим.

— Переодеться? — переспросил Бэйб, смутившись. — Да, конечно.

Он был все еще в той одежде, в которой встретил Дока: голубая рубашка и серые брюки, сплошь покрытые засохшей кровью. Бэйб тронул кровь пальцами. Надо будет сохранить эту рубашку. Заверну в нее пистолет Г. В. Пистолет и запасную обойму. Жаль, что ничего не осталось от матери. Бэйб заморгал. О чем это я? Ах да. Сохраню эту одежду.

— С тобой все в порядке? — спросил Джанеуэй.

Бэйб все еще моргал, чувствуя головокружение.

— Все прекрасно, — ответил он чересчур громко.

— Я ищу мотив, — пояснил Джанеуэй. — Поверь мне, я не меньше твоего заинтересован в поимке преступника.

— Довольно этих идиотских объяснений! Он был моим братом, почти отцом, он вырастил меня, а ваше имя я слышу в первый раз, так что заинтересован больше я, согласитесь.

Джанеуэй долго не отвечал.

— Да, конечно, — наконец согласился он.

Но каким-то странным тоном. Бэйб вопросительно взглянул на него.

— Видишь ли, довольно долгое время мы с твоим братом работали вместе и хорошо знали друг друга.

— Я не верю, что вы из нефтяного бизнеса.

— Мне все равно, чему ты веришь, а чему нет, — мне надо узнать, кто это сделал.

— Да бандит какой-нибудь. Это Нью-Йорк, бандюги режут прохожих каждый божий день. Какой-нибудь наркоман захотел забрать у него деньги, брат решил не отдавать их...

— Я думаю, все это не так, — возразил Джанеуэй. — Вероятно, тут пахнет политикой. Это предположение, на основе которого я буду работать, пока не докажу его или опровергну. И я хочу, чтобы ты помог мне.

— Политика? — Бэйб покачал головой. — Господи, почему?

— Потому что только это объясняет случившееся. Если учесть, чем занимался твой брат. И, конечно, твой отец.

— Что мой отец?

Джанеуэй отпил вина.

— Зачем ты все так усложняешь?

— Что мой отец?

— Твой отец, по имени Г. В. Леви, о Господи.

— Он был невиновен!

— Я ни в чем не обвинял его.

— Нет, обвинили, черт возьми, вы предположили, что...

— Ему ведь предъявили обвинение, его осудили, не так ли? Значит...

— Нет, его не осудили! — голос Бэйба дрожал и срывался. — Да знаете ли вы, что Маккарти за свои четыре года ни разу не дал никому возможности защититься по обвинению. Он был нацистом, сволочным наци, и заставил всю страну ходить под себя от страха. Мой отец был историком, великим историком. Он работал в Вашингтоне вместе с Шлезингером и Гэлбрейтом, тогда как раз и ударил Маккарти. Отец мой пострадал больше всех, его коллегу уперли за решетку, сейчас он жив, торгует недвижимостью. Отец пытался защищать себя сам, но этот сукин сын нацист не давал ему такой возможности. На слушании дела в Сенате отца громили каждый раз, когда он пытался выставить аргумент, Маккарти высмеивал его. Отец говорил длинными и бессвязными предложениями, а Маккарти все время издевался над ним. Маккарти уничтожил его, даже не имея на руках настоящих фактов. Он уничтожил его как личность. Когда вас зовут Г. В. Леви и мальчишки смеются над вами, это конец. Слушания проходили как раз в том году, тогда отец ушел из университета и стал писать книгу обо всем этом, чтобы оправдать себя и добиться справедливости. Но не написал: в следующем году умерла моя мать, и нас осталось трое — к тому времени отец уже сильно пил. Он дожил до пятидесяти восьми. Пять лет последних — с бутылкой и без работы. Я помню те годы, он был никем, пустым местом; много бы я отдал, чтобы знать, каким он был до этого. Я прочитал все книги, которые он написал; это великие книги, я прочитал все его речи, и они тоже были великими, но я не помню почти ничего, только обрывки... Так что можете оставить при себе все ваши выпренные фразы и намеки на моего отца. Погодите, вот я закончу свою работу, и тогда все встанет на свои места, в моей диссертации я докажу и... и...

И хватит, сказал себе Бэйб. Довольно. Ему наплевать.

— И? — спросил Джанеуэй. Он сидел молча, не выражая эмоций.

Почему в последнее время все таращатся на меня? Бизен-

таль, Эльза, теперь этот?.. Не начинается ли у меня паранойей? Надо потом посмотреть в учебнике, совпадают ли симптомы.

— И? — повторил Джанеуэй.

— Хватит тарашиться на меня!

— Извини. Это только потому, что мне интересно.

— Не верю.

— Тогда говори дальше.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты выпустил из себя все, что там у тебя накопело. Я упомянул твоего отца, задел какой-то нерв, что-то прорвало. И этот твой монолог — просто излияние. Нам никогда не дойти до важного, пока ты не выговоришься. Так что давай, договаривай про отца.

— Нечего больше договаривать.

— Прекрасно, — сказал Джанеуэй, — обсуждение вины временно прекращается, и мы переходим к другим вопросам. Бэйб не верил своим ушам.

— Да вы же не слышали ни слова из того, что я вам говорил. Не было никакой вины. Это основная тема моей диссертации, я добьюсь публикации всего текста, он у меня весь в голове, я перерыл гору материала, у меня ящиками выписки, заметки и факты, а не сплетни газетные, не мнение общественное; я оправдаю отца истиной и ничем иным, и этого будет достаточно, вот увидите, да... — Бэйб задышался. — Эй, а вы специально добивались, чтобы я сказал о публикации. Я уже закончил, а вы заставили меня говорить еще, так? Это и есть то, что у меня накопело?

Джанеуэй пожал плечами.

— Наверное.

— А вы, видимо, не такой уж и бестолковый, как я предполагал.

— Кто его знает, — Джанеуэй метнул в него белоснежную улыбку.

И зубы у него ровненькие, черт возьми, подумал Бэйб. В юности на лице, наверное, и прыщика не было.

Бэйб чувствовал, что теряет самообладание. Хоть бы этот тип ушел, думал он. Как можно быстрее. Он встал и налил себе вина.

Джанеуэй спросил:

— Я еще не нашел мотив. Чем сегодняшний вечер отличался от прочих?

Бэйб сел на свое место, думая, что Джанеуэй далеко не болван.

— Расскажи-ка мне про сегодняшний вечер.

— Я был дома. Он пришел. Он умер. Приехала полиция. Вы приехали. — Бэйб болтал вино в стакане.

Джанеуэй наклонился к нему.

— Это все? Может, ты что-нибудь забыл?

— Я не мастер запоминать детали.

— Ты хочешь сказать, что настала моя очередь объяснить кое-что, так?

— Думаю, что да.

Джанеуэй вздохнул.

— Ты даже не представляешь, как я боялся этой темы. У тебя есть полное право знать, но все равно... не хочется мне, но раз начал... — Он сделал глубокий вдох. — Ты ведь не думаешь, что твой брат действительно занимался нефтяным бизнесом?

— А чем же еще, как же он тогда зарабатывал деньги?

— Я давно знаю, как он зарабатывал монету, и поверь мне, отношение к нефтяному бизнесу он имел только через бензоколонки, когда заправлял машину. — Джанеуэй покачал головой. — Ты просто потрясающий человек. Он всегда говорил, что ты легковерный, но я не ожидал, что до такой степени, — Джанеуэй произнес это очень искренне.

— Он бы не стал обманывать меня. Мы никогда не обманывали друг друга. Ну, там приврать иногда немного, но не больше. Черт, время от времени все чуть-чуть загибают.

— Ладно, где он жил?

— В Вашингтоне.

— Центром чего является Вашингтон?

— Всего государства.

— Так. А знаешь ли ты, насколько одна часть правительства ненавидит другую? Например, у военных: армия терпеть не может флот, а флот ненавидит воздушные силы. Почему? Потому что когда-то армия была всем, а потом все поменялось и лидером стал флот. Потом раз! — еще перемены. Вот уже воздушные силы получают все, что им требуется, а адмиралы и армейские генералы стоят в стороне. Только представь, что там творится сейчас? Об этом телевидение говорит целыми днями, дразги вечные. ФБР ненавидит ЦРУ, а вместе они ненавидят Секретную службу. Они постоянно перебраниваются и скулят. Затянувшаяся междоусобица, края их соприкосновения остры, между ними есть расщелины. В этих расщелинах мы и живем. — Прозвучало это с подчеркнутой серьезностью. С таким же серьезным видом он отпил вина из стакана.

Вдохновенно врет, подумал Бэйб.

— Нас сформировали, когда расщелины стали чуть шире. Сразу после событий в заливе Свиней¹. Так вот, когда пропасть между тем, что ФБР может квалифицированно сделать, и тем, что Секретная служба, скажем, может вытерпеть, становится шире, обычно вступаем в дело мы.

— Кто — вы?

¹ Попытка кубинских эмигрантов вторгнуться на Кубу при поддержке ЦРУ.

— Вот это определить очень трудно. Я — выпускник Дармута. Стипендиат, а от всех этих кличек и паролей завывать можно. Мы — это Отдел. И все. Заглавная буква О.

— Чем вы занимаетесь?

— Оперативной работой. Я сам был оперативником, пока меня не повысили до контролера, а если я проживу достаточно долго и не буду бестолковым, то у меня есть много шансов на выигрыш. Найти убийцу твоего брата — дело моей чести. Он был оперативником, когда погиб.

— Какую оперативную работу он выполнял?

— Всякую, какая была необходима.

— Довольно неопределенно.

— Совершенно верно.

— Что вы имеете в виду, говоря «всякую»? Вы ведь не имеете в виду что-нибудь плохое?

— Разве не примитивно для историка рассматривать современную политическую борьбу за высшую власть таким образом? «Хорошие поступки. Плохие поступки. Злодеи».

— Он никогда бы и мухи не обидел. Я в этом уверен. А вам поверить не могу.

— Ты знаешь, кто такой был Сцилла?

— Естественно, но Сцилла был не «кто», а «что», огромная скала недалеко от побережья Италии.

— Сцилла — это была кличка твоего брата.

Бэйб потряс головой. Ему захотелось на свежий воздух. Док, подумал Бэйб, я хочу, чтобы ты был рядом.

— Можешь трясти головой сколько угодно, но так оно и есть.

— Вы утверждаете, что мой брат — шпион, простите — оперативник, а я и не подозревал об этом.

— Я утверждаю, что твой брат был первоклассным оперативником, потому что ты ничего не знал об этом. С тобой он пил вино, а обычно — шотландское виски. Не было такого оружия, которым бы он не владел, а с тобой — пугался при виде пистолета. Я думаю, больше всего он боялся, что в один прекрасный день ты обо всем догадаешься.

— Почему?

— Он боялся, что ты не одобришь его профессию.

— Почему! Я всю жизнь подражал ему. Если он употреблял какое-нибудь новое словечко, я тут же его перенимал, и его походку, мимику... Я был в восторге, когда мне приходилось носить его старые вещи... Я...

У Бэйба не было сил говорить дальше. Он устал, новости потрясли его, а он был утомлен еще до этого: монолог об отце отнял у него много сил.

— Извини, — вздохнул Джапеуэй.

— Теперь я знаю все?

— Ты не знаешь ничего. Обещаю тебе, в «Дейли пьюс»

ничего не будет о смерти Дэйва, мы уже позаботились об этом.

Удары сыпались на Бэйба со всех сторон, он не мог справиться с ними.

— Дэйв? Дэйв?..

— Мы все его так звали, он сам себя так назвал. Ты ведь знаешь, это среднее имя — Дэйвид, Генри Дэйвид Леви.

Бэйб закрыл глаза и откинулся на спинку.

— Всю жизнь я был с ним и ни разу не назвал его так. «Хэнк» на людях и «Док», когда никого не было рядом. Это из «Тайны», его любимого фильма. Он часто вспоминал Джека Рэгги и Дока. Сначала я называл его Рэгги, но он сказал: «Нет, я лучше буду Доком», так вот и получилось. А мое «Бэйб» — это из детства, был такой игрок, и я... в общем...

Джанеуэй встал и начал рассказывать по комнате.

— Обед, — сказал он, — начинай с него.

— Обед был просто шикарный. Нет, постойте, обед был гадкий и ужасный. Да, как давно это было... Сколько сейчас времени?

— Около часа. Итак, обед был ужасный, — напомнил Джанеуэй, — можно подробнее?

— Дело было в «Лютеше», там были я и Док, то есть я и Дэйв, как вы говорите, и моя подруга Эльза, вам нужно ее полное имя?

Джанеуэй кивнул.

— Эльза Опель, Сто тринадцатая Западная улица, четыреста одиннадцать, номер телефона четыреста двадцать семь сорок ноль один... Почему вы не записываете, если все это так важно?

— Потому что нас учат ничего не записывать, так безопаснее. — Джанеуэй отпил из стакана. — Уверю тебя, я слушаю очень внимательно. — Он отбарабанил: — Эльза Опель, Сто тринадцатая Западная улица, четыреста одиннадцать, телефон четыреста двадцать семь сорок ноль один... Давай дальше.

— Ну... первый час Док не мог оторвать от нее рук. Она была не против, а он лапал ее, как будто с ума сошел.

Джанеуэй сделал большой глоток.

— Потом оказалось, что он просто расслаблял ее, а когда она забыла об осторожности, заставил ее признаться во лжи. Она обманывала меня, сказала не тот возраст и место рождения и еще много всего. Она обиделась и убежала, а мы с Доком немного сцепились, потом я выскочил на улицу искать ее, не нашел и отправился домой, надеясь, что она позвонит сюда. Потом пришел Док... Остальное вы знаете.

— Ладно, давай-ка еще раз восстановим все в памяти. Попробуем воссоздать ситуацию: вся лестница в крови, значит, он очень хотел дойти до дома. Просто чтобы увидеть тебя? А может, была какая-то другая причина?

— Например?

— Он ничего важного здесь не оставил? Может, хранил что-нибудь?

— Нет, сэр. — Бэйб покачал головой. — Можете осмотреть его чемодан, но, по-моему, там только одежда, туалетные принадлежности. Осмотрите, если желаете.

— Я заберу его вещи с собой, если не возражаешь. Мы проверим все тщательно.

— Он неожиданно появился в двери, прислонился к косяку, произнес мое имя, потом громче и упал. Я подхватил его и не отпускал, пока он не умер.

— Я думаю, тот, кто убил Сциллу, не пошел бы на такой риск, если бы где-то не назревали какие-то события. Вероятно, они подозревали, что Сцилла что-то знал. А раз он жил здесь, когда бывал в Нью-Йорке, раз он умер здесь, они посчитают, что ты тоже что-то знаешь. Если бы я убил Сциллу, я бы непременно задал тебе несколько вопросов.

— Но я ничего не знаю! Я и понятия не имел о его работе, ни о чем!

— О твоём незнании они не догадываются. А теперь слушай, Том.

— Да, сэр.

— Сейчас я скажу тебе кое-что, и скажу по двум причинам. Во-первых, это вполне вероятно, а во-вторых, я хочу, чтобы ты наложил в штаны от страха и делал так, как я тебе скажу.

— Послушайте, мистер Джанеуэй, я все равно буду делать по-своему, я упрямый.

Джанеуэй начал собирать пожитки Дока.

— Отлично, я только хотел сказать тебе, что, по моему мнению, случится с тобой в ближайшем будущем.

— Я не хочу знать, что со мной будет в ближайшем будущем, — сказал Бэйб, но, помолчав, спросил: — Так что же, по вашему мнению, случится со мной?

— Я думаю, они поймут тебя, будут пытаться, потом убьют...

20

Джанеуэй закончил сборы в полной тишине.

— Ты еще слушаешь?

Бэйб кивнул.

— Это только предположение, но со временем начинаешь чувствовать, как работает чья-то мысль. В нашем деле, когда нанесен вред кому-нибудь из наших близких родственников, мы автоматически предполагаем, что это не случайность. Дэйв рассказал мне про нападение на вас в парке и что прибыл уговорить тебя уехать в столицу на время. — Джа-

неуэй принялся застегивать сумку. — Он еще что-то здесь оставлял, так, на случай?

— Не пытайтесь перехитрить меня: вы уже спрашивали об этом, и я ответил — нет.

— Да, все-таки ты достойный брат своего брата.

Бэйб подошел с Джанеуэем к двери.

— Я живу в «Карлайле». Мы, нефтяники, живем на широкую ногу. Заходи, если захочешь, мой телефон семьсот сорок четыре шестнадцать ноль-ноль, комната две тысячи один. — Джанеуэй взялся за ручку двери. — Теперь слушай: до утра нашего наблюдения за тобой не будет, потому что сейчас работает полиция, я не доверяю даже лучшему из них. Так что запрись и просиди всю ночь здесь, идет?

— Господи, наблюдение?

— Сиди и не выходи наружу, пока я не проверю личный состав.

— И что потом? Мне всю жизнь придется терпеть таскающегося по пятам сыщика-болвана?

— Для тебя в виде особой привилегии выберем только интеллектуалов и длинноволосых. Мы проработали с Дэйвом вместе много лет, были очень близки, поверь, когда мы встретимся в аду, мне будет в чем отчитываться, и я не хочу, чтобы он пилил меня еще и за то, что я плохо смотрел за тобой. В общем, сиди мирно.

— Если вы так заботитесь о моей безопасности, тогда почему оставляете одного?

Джанеуэй поставил сумку на пол.

— Я полагаю, что это очевидно. Как еще мы найдем убийц, если они сами не придут за тобой? Ты думаешь, мы имеем дело с недоумками? Ты думаешь, они ворвутся сюда и скажут: «Ах черт, он переехал», — а тут мы выпрыгнем из чулана и скажем: «Руки вверх, ребята»? Если тебя здесь не будет, они это узнают и не придут. Если ты будешь здесь, все равно они могут не прийти. Слишком рискованно, они понимают, что мы тоже не сидим без дела, они догадаются о наблюдении. Но если у них будет безнадежное положение, а я на это рассчитываю, они придут.

— Другими словами, вы хотите охранять меня, но еще и использовать как приманку?

В первый раз за все время Джанеуэй показался усталым.

— Я хочу поймать убийц. Других намерений у меня нет. Может, ты что придумашь? Если ты хочешь пойти со мной в «Карлайль», ради Бога, пошли. Я сниму тебе номер, я отвезу тебя в Вашингтон, мы спрячем тебя, пока все не успокоится. Все, что захочешь, будет сделано, только скажи.

Бэйб не размышлял ни минуты.

— Я не испугался, мистер Джанеуэй, клянусь. Теперь, когда я все знаю, я думаю — это здорово. Понимаете, историкам не часто выпадают приключения, профессия у меня малопо-

движная, вы понимаете? Сиднем торчишь целый день, читаешь, читаешь, читаешь. Да я и не собирался никуда идти до обеда. То, о чем вы меня просите, нетрудно сделать.

Джанеуэй пристально смотрел на Бэйба, пытаясь определить, говорит ли он правду. Бэйб же подумал о себе: храбрился бы я, если бы не умел стрелять и у меня не было бы заряженного пистолета в ящике письменного стола. Хотя бы Джанеуэй оказался прав, тогда можно быстро отомстить убийцам. Вот придут они, и он их пристрелит. Бэйб потрогал рукой кровь Дока, запекшуюся на его рубашке.

— Ладно, — сказал Джанеуэй. — Я уйду, ты остаешься. Как ты найдешь меня?

— «Карлайль», семьсот сорок четыре шестнадцать ноль-ноль, две тысячи один.

Джанеуэй искренне удивился.

— Я достойный брат своего брата, — похвастался Бэйб.

— Запри за мной дверь, — приказал Джанеуэй. Он взял сумку и ушел.

Бэйб запер за ним дверь.

Теперь все ушли.

И Док ушел.

Время траура.

Бэйб вернулся к своему креслу в углу и сел. Теперь никто не вмешается, не будет лезть в душу. Он сидел один, единственный, кто остался от союза Г. В. и Ребекки Леви.

Он действительно был теперь один. Какое это мертвящее слово «один». Не было старого семейного очага, куда можно было бы вернуться. Теперь страшенькая комната студента стала таким очагом, и одно это уже было поводом для отчаяния и траура. Старая конура, чулан с грязной раковой, ржавой водой, крохотной ванной без окна и почти незаметным, затерявшимся в углу окном с потрескавшейся рамой, через которое и воздуха-то толком не поступало, ни ветерка...

Бог ты мой! Окно... Проклятое окно! Оно ведь не заперто, а рядом пожарная лестница. Убийцы Дока проберутся к нему по пожарной лестнице, спрячутся в темноте, достанут свои винтовки с глушителями и ворвутся, будут его пытаться убьют и уйдут.

Бэйб метнулся к окну: конечно, закрыто.

Придурок, сказал он себе. Треплет себе нервы по пустякам вместо того, чтобы предаваться скорби.

Бэйб вернулся к своему креслу и сел. Попробовал предаться скорби. Не вышло.

— Док, — сказал он вслух, — придется тебе подождать до следующего раза.

За всю сознательную жизнь у Бэйба не было ни одного приключения, и радостное волнение охватило его.

Т. Бэйбингтон Леви был в опасности!!!

Фантастика!

Пусть теперь шпана попробует назвать меня Гусем, пусть кто угодно попробует. Возьму-ка я пистолет, суну его в карман, так, чтобы видно было, и пройду мимо крыльца со шпаной, пускай посмотрят на пушку, может, наложат в штаны. Главарь их, возможно, и наберется смелости спросить шепотом: «О, сэр, это что?.. Ну, вы понимаете?» А я, Леви, повернусь и отвечу: «Не знаю, зайдем за угол, посмотрим?» Нет, надо придумать ответ получше. Чтобы отбрить так отбрить. Ну-ка, ну-ка...

Можешь не мучиться, сказал он себе, Джанеуэй велел не высовываться до обеда.

А пошел он. Я уже не мальчик.

— Я уже не мальчик, — произнес Леви вслух.

Он историк, а у историков есть право выбора, если только они не марксисты: с ними Леви было не по пути. Он свободен, он мог уйти и прийти, когда ему вздумается, как он и делал все время, что живет в этой дыре.

Разве он не прожил здесь целое лето без единого несчастного случая, не считая парка, — здесь, на 95-й Западной улице Нью-Йорка? А если ты пережил лето на 95-й и если ты в августе без кондиционера, тебе не нужны никакие оперативники с их представлениями о безопасности.

Бэйб сидел совершенно спокойный, пока не услышал, как кто-то взламывает окно.

Он не ударился в панику, не завопил и не бросился бежать. Подскочил к столу, рванул на себя нижний ящик — и вот пистолет у него в руке. Он взвел курок и пошел к окну.

Естественно, там никого не было.

Просто что-то скрипнуло, как это всегда бывает в старых домах, а остальное дорисовало его воображение. Бэйб стоял неподвижно с пистолетом в руке и не чувствовал ни гордости, ни стыда.

Он чувствовал страх.

Он вспомнил мгновение, когда страх овладел им: когда он схватил оружие. Потому что пистолет был реальностью, реальностью были и убитый брат, и возможность самому стать жертвой.

Бэйб начал потеть.

Господи, воздуха бы глотнуть. Он двинулся было к окну, но остановился. За ним стояла только пыль. И вообще у пожарного выхода темно, там мог притаиться убийца.

Пот уже тек по нему в три ручья. Во рту было сухо. Очень захотелось чего-нибудь попить — прохладного и приятного. Молочного коктейля. Наверное, молочный бар за углом давно закрыт, а может, и нет, в такие жаркие ночи он открыт, пока есть посетители. Но даже если и закрыт, лучше прогуляться, чем стоять тут в тишине, дергаясь с пистолетом на каждый шорох. Тщательно упрятав пистолет в карман брюк, Бэйб взял бумажник, ключ и вышел из дома.

Сердце, черт его возьми, колотится как бешеное.

Юл Бриннер, к примеру, запросто пошел бы без оружия в молочный бар, или еще кто-нибудь из известных актеров. А вот он, съездившись от страха, крался по освещенной лестнице за смесью холодного молока, шоколада и тоника.

Бэйб медленно шел к главному выходу. Через каждые пять-шесть шагов он останавливался, оглядывался по сторонам, прислушиваясь и всматриваясь, чтобы убедиться, что никто не подкрался к нему сзади.

Так он и шел, останавливаясь и дергаясь, сжимая в кармане брюк рукоятку пистолета.

Господи, подумал Бэйб, страх-то какой.

А совсем недавно было предвкушение приключения...

Но не более того.

Он добрался до крыльца, остановился, выглядывая из-за двери на улицу и пытаясь высмотреть полицейских.

Никого не увидел.

Осторожно, с колотящимся сердцем, готовый к бою и бегству, Бэйб вышел в ночь. Бабье лето было в самом разгаре — ни ветерка, ничего, что помогло бы перенести жару.

— Эй, Мелендес, — сказал один из банды, — да это Гусь.

— Эй, Гусь, детское время давно кончилось, — услышал Бэйб. Он повернулся, с трудом преодолев желание навести на них пистолет: это всего лишь шпана с крыльца. Четверо стояли, пили пиво и курили. Пара девиц, одна довольно ничего. А курили, наверное, марихуану.

Тот, который напомнил о детском времени, их вожак Мелендес. Он сидел в распахнутой на груди рубашке, весь красный от духоты.

— Эй, Гусь, не боишься простудиться в одной рубашонке?! — крикнул он Бэйбу. — Хочешь, одолжу тебе свою куртяшку?

Его дружки рассмеялись.

Этот Мелендес умнее меня, подумал Бэйб. Эта мысль отвлекла его на некоторое время от идиотизма ситуации: поиск открытого молочного бара среди ночи с пистолетом в кармане. Шестнадцатилетний подросток не может превзойти меня в остроумии, решил Бэйб. Он постарался, чтобы его голос звучал как можно более непринужденно.

— Не знаешь, где тут ближайший молочный бар?

— В смысле открытый молочный бар, что ли? — уточнил Мелендес. — Ну, если тебе очень уж хочется, можешь взломать заведение вот тут за углом. Любители молочных коктейлей обычно так и делают.

Шайка опять заржала.

А Бэйб опять был оскорблен и унижен. Какой срам — терпеть поражение от какого-то неграмотного испанца! Бэйб взбежал по лестнице, заскочил к себе и надежно запер за собой дверь. Держа пистолет в кармане, он проверил, закры-

то ли окно и нет ли кого в ванной. Распахнул дверь чулана, убедился, что никто не прячется среди одежды. Опустился на колено и заглянул, не залез ли кто под его кровать. Подошел к телефону, набрал номер гостиницы, попросил комнату 2001. Услышал встревоженный голос Джанеуэя:

— В чем дело?

Бэйб смутился.

— Это я...

— Да, Том, что случилось?

— Ничего. Ничего такого.

— Том, но ты ведь позвонил мне. Что там у тебя на уме, выкладывай.

— Да... собрался вот принять душ и завалиться спать, да решил позвонить вам и сказать, что все в порядке.

— Врешь.

— После того, как вы ушли, я был очень возбужден. Я испугался, мистер Джанеуэй, и просто захотелось поговорить, вот и все. Неважно с кем. Это была шутка.

— Ты все еще боишься?

— Нет. Я бы не стал звонить, пока не взял бы себя в руки. Не очень хочется дураком выглядеть.

— Опять врешь.

— Мне уже лучше.

— Хочешь, я приду?

— Нет, сэр.

— Хочешь, я приду и заберу тебя с собой, сюда?

— Правда, нет.

— Это не одолжение, пойми.

— Я понимаю, сэр, но если вы придете сюда, они поймут, что я не один, а если уйду, увидят, что никого тут нет. Давайте оставим все как есть, это лучше всего.

— По всей видимости, они в эту ночь не будут ничего делать. Они не знают еще, что Сцилла мертв: они вернулись на место убийства и увидели, что его нет. Им придется выяснить, чем все кончилось, а на это уйдет время. Так что беды большой не будет, если ты побудешь здесь. Откровенно говоря, что-то мне не нравится твой голос.

— Может, оттого, что я немного беспокоюсь. Понимаете, я выходил наружу... Вообще-то я позвонил, чтобы сказать вам: на улице нет никакого наблюдения, мистер Джанеуэй. Полиция так и не появилась.

Джанеуэй молчал.

— Я проверил тщательно — это действительно так.

— Ты выходил из дома? — с тревогой спросил Джанеуэй, и Бэйб почувствовал его нарастающий гнев. — Единственное, о чем я просил тебя, ты не выполнил.

— Только на секунду, сэр, туда и обратно, и все.

— Леви?

— Да, сэр?

— Ты и не должен был заметить людей из наблюдения. Четверо из Отдела сменяют их утром. Ты что думаешь, когда они встанут на посты, на них будут майки с надписью: «Не мешайте. Веду наблюдение»?

— Не смейтесь надо мной. Просто у меня была информация, и я считал нужным поделиться ей с вами.

— Я не смеюсь, если бы я сейчас был у тебя, то дал бы тебе такого пинка, что ты запомнил бы на всю жизнь. Когда я уходил от тебя, там стоял легавый. Не в форме, но стоял; все как надо: и волосы длинные, и делал вид, что он статуя. Не правятся мне твои речи и поступки. Часов в шесть я буду у тебя. Поставь будильник на без четверти. Если я приду, а кофе не будет готов, твоя жизнь будет действительно в опасности.

— Спасибо, мистер Джанеуэй.

— Да чего там. Я был другом твоего брата.

Они повесили трубки. Бэйб начал раздеваться, снимать со своего худого тела окровавленную одежду. Потом вошел в ванную, открыл оба крана, подождал, пока сошла ржавая вода, помыл ванну, снова включил воду. Брать или не брать с собой на время купания пистолет? Нет, такой дерганый стал, еще отстрелит себе что-нибудь.

Бэйб засунул пистолет обратно в ящик стола, вернулся в ванную, закрыл воду. Зашлепал назад, поискал какое-нибудь чтиво. Бэйб часто работал в ванне: ничего нет лучше теплой воды, когда надо копаться в материале, делать пометки или перечитывать книги по истории. За какую бы взяться теперь? Бэйб оглядел квартиру. Освещение яркое, четыре голые лампы — одна у кровати, две освещают стол, еще одна у кресла для чтения в углу.

Бэйб остановил выбор на «1913» Каулз. Хотя она и не была известным историком, но выбрала год, который был интересный во всем мире. Там были факты и моменты, которые надо было хорошо понять, чтобы осмыслить не только войну, но и последовавшие затем двадцатые годы. Бэйб прихватил пижаму и пошел в ванную.

А дверь запирать?

Бэйб повесил пижаму на крючок и призадумался. Сердце снова забилося чаще. А зачем, собственно, запирать ее? Он никогда не делал этого. Хотя можно и запереть, это не значит, что он боится.

Бэйб полез в ванну, пробуя ногой воду: слишком горячая. Он открыл холодную воду, но кран сильно шумел — если кто-то проникнет к нему, он ничего не услышит за шумом воды. Шумом? Вот эту струйку холодной воды, падающую в ванну, он называет шумом? Бэйб ждал, пока температура воды не станет сносной. Забравшись в ванну, он большим пальцем ноги мастерски закрыл кран с холодной водой и

принялся листать книгу. Через некоторое время захлопнул ее и закрыл глаза.

Так он обычно приводил в порядок факты. Приказывал книге подчиниться ему. Прочитав и перечитав книгу, он крепко сжимал ее и приказывал фактам выстроиться в стройную систему в его голове. Лето в Лондоне было жаркое. Случаи смерти от перегрева. Карпентьер уложил Уэллса-Бомбардировщика в считанные секунды, француз одолел англичанина. Набирало силу движение за избирательные права женщин, и одна суфражистка бросилась под королевскую лошадь на скачках в Дерби, при этом погибла. Танго считалось неприличным танцем. Бэйб задумался на минуту: хотя сам он не занимался танцами, все же смутно помнил, что где-то есть исследование, посвященное связи танцев различных эпох и морали, морали, склонности к сексу, крови и...

...и щелк!

Господи, что бы это могло быть? Бэйб замер, только глаза не переставали моргать, потому что он слышал... Он слышал! Что слышал! Что это был за звук? Что за щелчок? Он раздался оттуда — из пустой комнаты, что там могло щелкать?

Ничего, ответил он себе. Это старый дом-калека скрипнул, вот и все!

Однако звук этот был совсем не таким. Напоминал щелчок выключателя лампы. Нет, не «напоминал», похоже, и впрямь щелкнули выключателем.

Бэйб высунулся из ванны и попробовал заглянуть в щелку под дверь, но ни черта не смог разглядеть. Ну и ладно, он достаточно взрослый, чтобы побороть в себе страх.

Назад в 1913-й!

Германии пришлось попотеть тогда, делая свои «цеппелины» пригодными для использования. У Бенца в руках процветающая автомобильная компания, а Круппы уже богаче всех, и не успела еще накалиться обстановка, не успело оружие стать товаром первой необходимости и главным продуктом или...

...щелк.

Бэйб буквально выпорхнул из ванны и запер дверь. Когда он снова оказался в воде, закрыл глаза, вслушиваясь.

Тишина.

Может, это перегорели две из его четырех ламп или просто было два скрипа. Бэйб сидел не шевелясь, и хотя мысли его были заняты только звуками, он с удовлетворением осознал, что страх его не растет. Более того, голова работала нормально, логика сохранилась, и она подсказала, что если бы в комнате были люди, то они бы отключили не две или три лампы, а весь свет, им нужна полная темнота. Не стоит волноваться, пока не раздастся последний четвертый щелчок. а если это случится, что ж, тогда...

...тогда щелк.

1913 год, скомандовал себе Бэйб, сжимая в руках книгу. Россия. Бэйб зажмурил глаза. Спящий гигант. Николай еще сам принимает решения, но Распутин уже подбирается к нему, с каждым месяцем все сильнее прибирая к рукам Александру, излечивая приступы гемофилии у ее сына, когда врачи беспомощно опустили руки. Ленин собирал вокруг себя силы. А в Америке? Деньги. Д-е-н-ь-г-и, и баста. Вандербильти устроили маленькую вечеринку, на которой не только сам Франц Легар дирижировал оркестром и не только Крайслер и Кальман пилили на своих скрипочках. В конце гостей улаждал своим тенором сам Карузо. Как вам это понравится? Мир понемногу катится к пропасти, а тут тебя за человека не будут считать, если старикан Карузо не напрягает свои легкие, чтобы потешить тебя и твоих друзей, сотни четыре друзей. Потрясающе! Как мы докатились до этого! Неудивительно, что в конце концов все взорвалось, и наконец...

...наконец шелк.

Бэйб был готов к этому. Он спокойно отложил книгу и сказал себе: будет и пятый шелчок. А если будет, то, значит, это были вовсе не шелчки, а скрипы, и все мои лампы горят, и все спокойно в королевстве датском.

Непременно будет пятый шелчок, уверял он себя.

Я в полной уверенности, что сейчас шелкнет еще раз — так подсказывала логика, а если я доверил свою жизнь логике, то не стоит прощаться с жизнью в первой же сомнительной ситуации.

Его ситуация, в общем, была очень простой — дожидаться пятого шелчка, услышав его, вернуться к своей книге.

А если не шелкнет?

Еще проще. Сидеть тут и ждать запертым. Когда строили этот дом, строили его довольно прочным, так что пусть налетчики ломятся в дверь. Пусть ломают себе ключицы. Если только они не гиганты. Великан запросто вынесет эту дверь. Может, они наняли специалиста, вышибалу, и если у них есть такой парень, то они будут здесь через несколько секунд.

— Помогите, — Бэйб попробовал голос, потому что раньше он никогда не произносил этого слова. Мальчишкой, правда, просил помощи, чтобы спасли от приставшей пчелы. Но так он не кричал: СПАСИТЕ МЕНЯ, СПАСИТЕ МОЮ ЖИЗНЬ!..

...шелк.

Бэйб опять улегся в ванной и поблагодарил Бога, что стены в доме толстые и ему не надо вылезать из ванной и, капая на пол, идти объяснять соседу, что он не кричал. Зачем ему кричать? Нет, решил Бэйб, это рассердит соседа, лучше сказать: «А, вы слышали крик о помощи. Я тоже слышал, это с улицы донеслось. Может, шпана с крыльца прижала кого? Погодите секунду, я оденусь, пойдем посмотрим». Вот так

нужно было бы сказать соседу, разбуженному посреди ночи, хотя, конечно, после пятого щелчка...

...теперь царап.

Бэйб затаил дыхание. Вот оно что, пятый щелчок был вовсе и не щелчком, а звуком, очень похожим на шорох, и вот опять...

...опять царап.

Царап.

Кто-то откручивал шурупы с петель двери в ванную.

— На помощь! — крикнул Бэйб, но не очень громко, горло перехватило, и он попробовал еще раз: — На помощь! — теперь уже во всю силу легких.

И вдруг он услышал нечто, что испугало его. Очень испугало.

Из его комнаты неслась рок-музыка, из радиоприемника, включенного во всю мощь, чтобы перекрыть самый громкий крик.

Царап.

Царап.

Царап.

Царап.

Бэйб выскочил из ванны и поискал что-нибудь для защиты. Они пришли за ним! Черт возьми, почему он пользуется электробритвой? У отца была опасная бритва, и Бэйб любил смотреть, как он брился, подравнивая бакенбарды. Ах, если бы он подражал Г. В. и в этом! Он бы встретил их с опасной бритвой в руках и спокойно выпустил бы из них дерьмо, а потом вызвал бы полицию. Это было бы просто здорово!..

Нет, хватит — у тебя нет опасной бритвы.

Но есть пистолет.

Но как добраться до него? Бэйб стоял в углу ванной, голый, отчаянно пытаясь сообразить, что ему делать, но додумался только до того, что надо одеться. Будет унинительно, если они увидят его голым. Трудно биться, если на тебе нет одежды: врагам легче целиться в тебя. Бэйб быстро надел пижаму.

Вот, подумал Бэйб, так-то лучше.

Лучше? Да ты осел, они до тебя хотят добраться, а ты рад, что напялил пижаму? Думай!

И он придумал.

— Спасите меня! — заорал он. — Спасите! На помощь, помогите!

Они же включили музыку еще громче, он на это и рассчитывал; все шло как надо, они должны думать, что он беспомощен и орет в надежде на помощь. Они меньше всего ожидают, что он нападет на них, распахнет дверь настежь и нырнет к столу, где схватит пистолет и начнет стрелять. Преимущество будет на его стороне: они окажутся в комнате с

вооруженным человеком, загнанным в угол и готовым убивать.

— Спасите! — крикнул Бэйб, подходя к двери. — Господи, да помогите же! — взвыл он, нащупывая пальцами задвижку. — Сделайте что-нибудь! — сорвался он на визг.

Обе руки были готовы, одна на ручке, другая на задвижке. Бэйб в последний раз крикнул: «Помогите-е-е-е!», дернул задвижку, рывком распахнул дверь, прыгнул и покатился к заветному столу.

Задумано ловко.

Хромой блокировал его прыжок, широкоплечий сел на него и запихнул обратно в ванную.

Господи, подумал Бэйб, сейчас они будут делать из меня котлету. Он попробовал слабо сопротивляться, но тщетно: широкоплечий давил на него сверху. В ванной выключился свет, грохотала музыка. Бэйб оказался в ванне, он брыкался и дергался, но голова его постепенно уходила под воду: на этот раз драки не будет, на этот раз его будут топить.

Нет воздуха. Даже звуки музыки куда-то пропали. Ничего вокруг, кроме огромных рук, которые крепко держали Бэйба. Он пинался, пытался вырваться и бился в поисках глотка воздуха.

Бэйб постепенно слабел, сопротивлялся вяло. Но воспоминание о Доке придало ему силы, и он смог высунуть голову из воды и еще на миг услышал грохот музыки.

Но только на миг. Огромные руки крепко держали его. От них никак не избавиться. Ничего не сделать. Так вот как умирают, подумал Бэйб. Он не открывал глаз под водой. Да не так уж это и ужасно, решил он, не так ужасно, как обычно представляют.

Но потом ему пришлось кашлянуть, рот открылся, и вода полилась внутрь... А огромные руки все не отпускали...

Нет, понял Бэйб. Он был не прав, считая, что умирать не так уж и ужасно. Не то слово: умирать — это...

21

Пришел в себя Бэйб в комнате — мокрый, опустошенный, в пижаме, привязанный к стулу и, эге, самое главное — живой.

Бэйб щурился, пытаясь разглядеть комнату, в которой он находился. Ничего особенного: маленькая, ярко освещенная, стены голые. Стул как стул, даже креслом можно назвать — с откидывающейся спинкой. Устроиться бы в нем поудобней, но вот только связан Бэйб слишком туго, чтобы говорить о каком-нибудь удобстве. Видимо, с момента нападения прошло какое-то время, но не слишком много: одежда была еще мокрая. В комнате не было окон, но Бэйб чувствовал, что

ночь еще не кончилась и сейчас около трех. Итак, он в плену, жертва безжалостных садистов.

Но какого черта скулить: он ведь пока дышит.

Бог ты мой, подумал Бэйб, недооцениваем мы эту способность, надо бы учредить ежегодную Национальную Неделю Дыхания, выбрать какое-нибудь подходящее время года — осень, например, когда воздух более или менее чистый, дать людям возможность просто гулять и дышать, пить озон. У Бэйба закружилась голова — это недостойно историка. Где бы сейчас был мир, если бы у Карлейля кружилась во время работы голова? Но ничего Бэйб с собой поделать не мог, он сидел на стуле, земля вращалась, и он вместе с нею.

Голос за спиной произнес:

— Он пришел в себя.

Хромой встал перед Бэйбом. С другой стороны кресла появился широкоплечий. В руках у него была кипа чистых белых полотенец, аккуратно сложенная.

— Дай мне, — сказал Хромой, и полотенца переключали из рук в руки.

— Держи его голову неподвижно, крепко — это самое главное, — Хромой внезапно перешел на шепот, потому что сзади слышались быстрые шаги.

Бэйб видел, как оба напряглись, почти так же, как напряглись легавые, когда Джанеуэй появился на сцене в первый раз.

Но это был не Джанеуэй. Совершенно лысый атлет, ярко-голубые глаза — ярче даже, чем у Бизенталя. Бэйб слишком много видел таких в университете: этот человек очень умен. В одной руке у него было свернутое полотенце, в другой — черный кожаный чемоданчик. Знаком он приказал поднести лампу поближе к креслу. Хромой поспешно выполнил этот приказ, и лысый спросил:

— Это не опасно?

— Что? — не понял Бэйб.

— Это не опасно?

— Что?

— Это не опасно?

— Что не опасно?

Лысый был терпелив:

— Это не опасно?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Лысый сохранял ровный тон:

— Это не опасно?

Бэйб повысил голос:

— Я не могу сказать вам, опасно это или нет, пока не пойму, о чем вы спрашиваете, так что спрашивайте конкретно, и я отвечу, если смогу.

— Это не опасно? — Лысый был упорен.

— Я не могу ответить.

— Это не опасно?

— Вы что, не слышите меня? Не знаю я, что такое ваше «это»!

— Это не опасно? — как машина, твердил лысый.

Все это становилось похоже на китайскую пытку водой.

— Да, — сказал Бэйб. — Это очень опасно. Вы даже не поверите, как опасно. Ну вот, теперь вы знаете.

— Это не опасно?

— Если вам не нравится «да», то я скажу: нет, совершенно безопасно. Совсем. Можете расслабиться.

Все с той же безграничной терпеливостью:

— Это не опасно?

Бэйб спокойно ответил:

— Я действительно не понимаю, что вы хотите от меня.

Лысый кивнул широкоплечему, и Бэйб тотчас почувствовал, как его голову сжали с двух сторон огромные руки, держа ее крепко и неподвижно. Хромой еще ближе пододвинул лампу.

Лысый поставил на пол свой чемоданчик и расстелил на нем полотенце, на котором Бэйб заметил блеснувшие тонкие инструменты. В комнате было жарко, и, пока лысый выбирал инструмент, он слегка вспотел — хромой молча вытер чистым полотенцем его лоб. Огромные руки широкоплечего заставили Бэйба открыть рот. Лысый достал изогнутое стоматологическое зеркало, потом еще одну шутовину с загнутым концом. Сосредоточившись так, что даже глаза перестали мигать, он приступил к работе.

Господи, подумал Бэйб, он вычищает мой зуб.

Ерунда какая-то. Тип быстро что-то делал инструментами у Бэйба во рту; легонько постучал здесь, осторожно потрогал там, все очень аккуратно. А может, спросить его, как ему мои зубы, подумал Бэйб. Потом он подумал о расценках этого типа. Черт побери, раз уж на то пошло, может, он поставит пломбу за пару долларов? Бэйбу даже захотелось рассмеяться.

Только, конечно, смешного ничего не было. Все это навредило страх. Дантистов боятся, сколько бы музыки у них в приемных ни было, сколько бы уколов новокаина они ни обещали. Там все понятно. Но здесь было нечто большее, чем страх.

Зубной врач ассоциируется у нас со страхом боли. Нельзя предугадать, что произойдет в следующий момент.

Господи, да я же испуган, подумал Бэйб, надо очень постараться скрыть страх от этих людей. Бэйб смотрел в голубые глаза лысого, думая: может, он и причинит мне боль, но он хорошо поработал с моими зубами.

Теперь уже в его руках был другой инструмент, но все делалось с такой осторожностью, что боли вообще не чувствовалось. Бэйб был замечательным пациентом, обычно он

переносил все эти манипуляции без новокаина, потому что терпеть не мог игл. Лысый все делал без боли, осторожно убирал из полости гниль.

Сидя на этом безумном зубном randevу, Бэйб не знал многого, но в одном был уверен: лысый — настоящий мастер своего дела. Пальцы у него сильные и быстрые, они двигались без малейшей заминки все время, пока лысый вычищал дупло. Бэйб, связанный, мог только наблюдать за голубыми глазами. Они даже не моргнули ни разу, ничто не отвлекало их.

Лысый достал новый инструмент, задумчиво посмотрел в ротовую полость.

— Это не опасно? — спросил он ровно и спокойно: казалось, он готов ждать нужного ответа целую вечность.

Бэйб сказал:

— Я уже говорил вам и повторяю еще раз: клянусь, я не знаю, о чем вы говорите.

Лысый взял зонд с длинной иглой на конце и ткнул им в живой нерв.

Верхняя часть головы у Бэйба взорвалась.

Он еще ни разу не испытывал такой неожиданной и резкой боли и закричал, но лысый быстро вытащил зонд, а широкоплечий проворно закрыл Бэйбу рот своей лапищей.

— Это не опасно? — спросил лысый мягко.

В глазах Бэйба стояли слезы, помимо его воли, он не мог их остановить, просто реакция организма, они уже текли по щекам.

— Я не... — начал было он, но его прервали, широкоплечий раскрыл ему рот, а лысый снова вставил зонд, еще глубже, в нерв.

Бэйб начал терять сознание, но зонд был тут же извлечен — так, чтобы он не успел отключиться. Лысый внимательно смотрел на него, в его голубых глазах читалась даже забота. Он хорошо знал боль, этот тип, знал, когда и как можно нажимать и когда вытаскивать. Он потянулся к полотенцу, и в его руках оказалась бутылочка.

— Гвоздичное масло, — сказал он, первый раз внеся в свою речь разнообразие. Он капнул масло себе на палец, широкоплечий снова открыл рот Бэйбу, и лысый приложил палец к зубу.

Господи, подумал Бэйб, сукин сын доконает меня.

Ничего подобного.

Лысый легонько потер пальцем полость, и боль как по волшебству стала проходить.

— Разве не замечательно? — сказал лысый. — Всего лишь гвоздичное масло, а какие удивительные результаты.

Бэйб лизнул языком зуб. Дантист улыбнулся, капнул на палец еще масла, потер зуб — умело, осторожно, — и боль исчезла.

— Жизнь может быть, если мы только захотим, очень простой, — сказал дантист. Он поднял бутылочку с маслом: — Облегчение. — Потом поднял зонд: — Страдание. — Лысый взял у Хромого полотенце, промокнул пот на лице Бэйба. — Вы ведь неглупый молодой человек, способный отличить свет от темноты, жару от холода. Несомненно, вы предпочтете что угодно моему орудию пытки. Так вот я спрашиваю вас, и, пожалуйста, подумайте, прежде чем ответить: это не опасно?

— Господи, посл...

— Вы не подумали, поторопились. Повторять вопрос я не буду. Вы уже знаете, что может произойти. Когда будете готовы — отвечайте.

Помедлив, Бэйб произнес:

— Я...

Голубые глаза ждали.

Бэйб покачал головой.

— ...не могу удовлетворить ваше желание... потому что... я не... — а потом быстро заговорил: — Не надо, пожалуйста, не надо.

Широкоплечий опять раскрыл ему рот, а лысый стал подносить свой остроконечный зонд к зубу. Господи, думал Бэйб, он сейчас проткнет мои мозги! Наконец его сознание сдалось, и он обмяк; в полусознательном состоянии чувствовал, как его развязали, слышал, как дантист отдавал приказания:

— Карл, отнеси его в пустую комнату, возьми масло и соль какую-нибудь нюхательную — приведи его в чувство, побыстрей.

— Вы думаете, он знает? — спросил Хромой.

— Конечно, знает, — ответил дантист. — Но упрямится.

Некоторое время они молчали. Потом Бэйб услышал самые страшные в его жизни слова:

— В следующий раз, боюсь, придется сделать ему по-настоящему больно.

Широкоплечий Карл поднял его на руки, Бэйб морщился, пока он нес его из ярко освещенной комнаты в узкий и длинный коридор, похожий на проход в железнодорожном вагоне. В конце коридора Карл распахнул ногой дверь, положил Бэйба на кровать в углу, сунул ему под нос какую-то соль. Бэйб заморгал, зачихал и закашлялся, попытался отвернуться, но Карл не позволил ему. Некуда было деться от этой вонючей соли. Карл капнул Бэйбу на палец гвоздичного масла. Бэйб засунул палец в рот, стараясь побыстрее избавиться от боли, он лихорадочно полизал зубы, потом протянул палец Карлу, тот капнул на него еще немного масла. Бэйб успел прогнать через свои мозги единственную мысль. Мысль эта была о жизни, ведь всего несколько минут назад он услышал самые страшные слова. Агония, которую он только что пережил, была лишь разминкой, прелюдией, детской забавой...

И теперь вот, минуту спустя после мрачных дум, Бэйб наслаждался самым великолепным за всю свою жизнь зрением: за спиной Карла медленно, беззвучно пробирался в полураскрытую дверь Джанеуэй, сжимая в руке замечательнейший нож...

Бэйб понял, что ему нельзя смотреть не только на Джанеуэя, но и на Карла: если великан увидит его глаза, то поймет, что в десяти футах за спиной что-то происходит. Если он повернется, Джанеуэю конец; хотя у него есть нож, Карла это не остановит.

— Пожалуйста, еще... — пробормотал Бэйб, уставившись на матрас, — еще... — и он протянул дрожащий палец за порцией масла.

Вместо этого Карл ткнул ему прямо в лицо соль, и от неожиданности и острого запаха Бэйб упал на матрас навзничь, опять задыхаясь и кашляя. Было мерзко, ничего не скажешь, но Бэйб смог взглянуть на Джанеуэя, увидеть, как он идет его спасать.

Еще восемь футов. Может, семь.

Джанеуэй двигался бесшумно.

Отвернись! — скомандовал себе Бэйб и отвернулся. Опершись на локоть, он приподнялся.

— Другое... пожалуйста... не это... от боли.

На этот раз Карл капнул ему на палец масло, и Бэйб быстро начал втирать масло в зуб. Что бы там ни было в этом масле, оно оказалось чудесным: боль в зубе быстро исчезла, но эту новость надо было скрыть от Карла, не то он потащит его обратно в кресло. Однако где же Джанеуэй, что он там тянет?

Бэйб поднял глаза: Джанеуэй был еще далеко для точного удара, но уже успел бесшумно пройти большую часть пути. Видимо, он наполовину индеец, решил Бэйб, если сумел пройти половину комнаты бесшумно. Бэйб опустил глаза и принялся тереть зуб и испускать тихие довольные звуки.

Осталось три фута.

Еще меньше и еще меньше.

— Еще, пожалуйста, дайте, — попросил Бэйб.

То ли слишком быстро он это сказал, то ли слишком громко, а может, то и другое в сочетании со взглядом, который он бросил на Джанеуэя, но Карл резко обернулся, готовый раздаться с Джанеуэем.

Бэйб никогда не видел, чтобы кто-нибудь двигался так быстро, как Джанеуэй: в одно мгновение он оказался перед гигантом, схватил его за шею и оторвал от земли, используя бедро. Простое лицо Карла исказилось, когда правая

рука Джанеуэя достигла цели. Карл вскрикнул как ребенок и рухнул на пол. Нож Джанеуэя торчал из его спины.

Джанеуэй взвалил Бэйба на себя и выскочил из комнаты в узкий вагонный коридор. В конце коридора он высветил ступеньку вниз, к земле, и крикнул Бэйбу:

— Пошел!

В дальнем конце коридора с пистолетом в руке появился Хромой. Но Джанеуэй опередил его, выхватив свой пистолет, он выстрелил два раза.

Бэйб тем временем спускался по неудобным ступенькам, крепко держась за перила обеими руками. Он услышал крики Хромого, они продолжались до тех пор, пока Джанеуэй не выстрелил в третий раз.

Джанеуэй сбежал вниз за Бэйбом, догнал его. На улице было темно и безлюдно. Бэйб никак не мог сообразить, где они. Джанеуэй шел быстро, не обращая внимания, что Бэйб спотыкается, потом он распахнул дверцу автомобиля и заорал:

— Залезай сзади и ложись на пол!

Бэйб полез в машину, но слишком медленно, и Джанеуэй захихал его внутрь.

— На пол, на пол ложись! — Он захлопнул дверь, включил зажигание и на полном газу рванул с места в непроглядную ночь.

Бэйб спросил:

— Сколько времени? Где мы? Что происходит? Вы спасли мне жизнь, я очень благодарен вам...

— Не знаю, насколько серьезно они занялись тобой. Чем дольше твоя голова не будет видна, тем дольше она будет сидеть на твоих плечах. Находимся мы на Западных Пятидесятих улицах, вблизи Гудзона, вокруг склады; сейчас около четырех ночи. Да, я спас тебя и в ответ хочу получить не твою благодарность, а молчание.

— Ясно, сэр, — ответил Бэйб, лежа на полу, согнувшись почти пополам. Не такой уж и плохой этот Джанеуэй, взял да и спас Бэйба от мучений и смерти.

Джанеуэй свернул за угол дома, по-видимому, на двух колесах, если судить по визгу и скрежету покрышек об асфальт.

— Ну так вот. Этот огромный Франц Карл — обыкновенная гадина, это лучшее, что можно о нем сказать. Он всегда любил мучить людей, специализировался на женщинах. Ему бы в тюрьме южного штата работать: терпеть не мог черных. Там бы для него был сущий рай — попивай себе целый день пиво и поколачивай негров, как скучно станет. Да ладно. Бог ему судья. Тот, которого я пристрелил, — Петер Эрхард. Кузен и босс Карла. Такая же гнида, чуть повыше классом. Вагончик не принадлежал им, но они там жили,

потому что так было приказано. Они следовали простым правилам и служили определенной цели.

— Какой?

— Ты слышал что-нибудь о Йозефе Менгеле и Кристиане Сцеле?

— Менгеле и Сцеле? Нет.

— Боже мой! — взорвался Джанеуэй. — А я-то думал, ты на самом деле всезнающий историк, за которого себя выдаешь. Ты что, не слышал ни об одном немце, кроме Гитлера? Ты знаешь Гитлера?

— Мартин Борман? — попробовал Бэйб.

— Борман уже мертв, наверняка мертв. В газетах вечно пишут, что он на свободе в Боготе или занялся подпольным бизнесом, но большинство главных охотников за нацистами считают его мертвым. А вот Сцель и Менгеле... Все уверены, что эти еще среди живых. Они командовали экспериментальным блоком в Освенциме. Это самые крупные нацистские фигуры. Они до сих пор живы.

Бэйб попытался устроиться поудобнее, но пол был слишком твердый, к тому же зуб начал напоминать о себе. Каждый раз, когда машину чуть встряхивало, Бэйб получал будто кулаком в челюсть.

— Причина, почему они выжили, очень проста: они были умнее других. Их всегда называли ангелочками-близнецами. Менгеле звали Ангелом Смерти, а Сцеля Белым Ангелом — из-за его прекрасных седых волос. Менгеле был доктором философии и еще доктором медицины, но мозгом дуэта считался Сцель.

Машина на большой скорости попала колесом на канализационный люк и подскочила — Бэйб непроизвольно вскрикнул.

— Что?

— Ничего-ничего, продолжайте. Значит, вы говорите, что эти двое, которых вы только что убили, работали на «близнецов?»

— Нет, только на Сцеля. И они были лишь частицей системы. Ты знаешь, как богаты были главные наци?

— Нет, миллионеры?

— Я думаю, их спокойно можно назвать миллионерами. В августе сорок четвертого, когда они поняли, что дело плохо, несколько главарей скинулись и заплатили Аргентине пятьсот миллионов за паспорта. Эти типы обворовали целый континент. Когда Геринг совершил самоубийство в сорок пятом — ты ведь знаешь, он отнимал у евреев картины, — его коллекция оценивалась в двести миллионов долларов. Это тогда — двести миллионов. Теперь прикинь, какие произошли перемены на рынке картин и в курсе доллара. Сегодня можно спокойно говорить о миллиарде.

Машину тряхнуло на очередной яме.

— Черт! — ругнулся Бэйб от боли.

— Это действительно уму непостижимо, — продолжал Джанеуэй. — Менгеле родился в богатой семье, а Сцелю пришлось самому делать состояние. Он был протеже Менгеля, отчасти по причине своего блестящего ума, а также из-за внешнего вида. Менгеле ненавидел свою внешность: он считал, что похож на еврея или цыгана. Вообще-то так оно и было. Он занимался экспериментами на людях, я думаю, потому, что страстно хотел изменить свое лицо, но зачем он приращивал мужчинам груди или пытался вырастить руки на спине, никому не известно.

— Не сделал он этого, — возразил Бэйб.

— Не сделал, тут ты прав, но что пробовал — это точно. Ну ладно, хватит о Менгеле, для нас главное — Сцель. Начинал он с золота, но затем по Освенциму прошел слух, что от него можно откупиться, что можно устроить побег, хорошо заплатив Кристиану Сцелю. Он и в самом деле выпустил несколько человек, но только для того, чтобы поддержать слух. А эти придурки евреи, они уж постарались сохранить кое-что из своих драгоценностей, спрятав их в заднице, как всегда делают заключенные. И вот они приходили к Сцелю — он пускал только самых богатых — и торговались с ним; он же, получив бриллианты, убивал их владельцев.

И он, и Менгеле распоряжались жизнью и смертью в своем экспериментальном блоке; если вспомнить, что Менгеле делал с заключенными, то трудно осуждать кого-либо за доверие Сцелю. Им приходилось рисковать, а что еще делать, когда рядом рыщет проклятый Менгеле, убежденный, что сможет вывести голубоглазых людей. — Джанеуэй сделал глубокий вдох. — Ну вот, Том, почти вся предыстория. Все понятно?

— Более или менее. Только как все это касается меня?

— Отец Сцеля погиб недели две назад.

— И?

— В начале сорок пятого Сцель ухитрился переправить из Западной Германии своего отца, и старик поселился здесь.

— В Америке?

— В Нью-Йорке. У него в Йорквилле жила сестра, а сам он обосновался под чужим именем. Она умерла, а он так и остался здесь. Он остался — и они остались.

— Они?

— Бриллианты Сцеля. Он отдал их отцу все до единого, оставил только себе на жизнь. Он жил в Аргентине, пока Перон не пришел к власти, а потом удрал в Парагвай. Бриллианты остались здесь. Сцель рассчитывал, если его поймут, то он с помощью состояния выкупит себе свободу. Его отец хранил бриллианты в сейфе банка, и когда Сцелю требовались деньги, он давал знать старику; у них действовала система курьеров. Бриллианты неизменно поставлялись на тот рынок, где были самые высокие цены — когда в Швейцарию, когда в Западную Германию. Сцель обменивал выручку на парагвай-

скую валюту и жил спокойно, пока эти деньги не кончались. Все было прекрасно, пока старик не погиб в катастрофе. Понимаешь, каждый может завести себе сейф в банке, но не каждый может пользоваться им: только вкладчик и доверенное лицо, а доверенное лицо допускается к сейфу только в одном случае — непредвиденной смерти вкладчика. Сцель был доверенным лицом своего отца, и теперь происходит вот что: его подручные пытаются вычислить, насколько опасно Сцелю появляться в Нью-Йорке. Я думаю, ему придется приехать: выхода нет, не бросит же он свое богатство.

— Вы сказали, что Сцель начал с золота.

— Сцель знаменит тем, что выдергивал зубы у евреев — в печах Освенцима никогда не находили золота. Сцель был зубным врачом.

Бэйб опять ударился головой о заднее сиденье.

— Он не придет в Америку, мистер Джанеуэй. Он уже приехал. Он здесь.

— Нет, — возразил Джанеуэй, — мы бы знали что-нибудь. А почему ты так думаешь?

— Потому что не Карл и Эрхард чуть не убили меня, а зубной врач.

— Говори дальше, — в голосе Джанеуэя почувствовалось волнение.

— Он все время твердил и твердил одно и то же: «Это не опасно? Это не опасно?»

— Как он выглядел? Глаза голубые? А волосы седые?

— О Господи, да, глаза невероятно голубые, но он лысый, совершенно лысый, кроме того...

— Кроме того, это ни черта не значит: он мог запросто все сбрить! Дальше.

— Он большой мастер. Он действовал очень умело, когда начал мучить меня: в точности знал, когда я потеряю сознание, знал заранее, что я сделаю в следующую секунду, раньше меня самого знал...

— Тогда его фраза «Это не опасно?» значила: опасно ли мне, Кристиану Сцелю, приехавшему в Америку, пойти в банк? Дело в том, что как только он выйдет со своими бриллиантами на улицу, любой грабитель может сорвать кучу денег, пятьдесят миллионов, а может, и пять раз по пятьдесят миллионов, и налогов платить не надо. Сукин сын, приехал сюда, выродок, и наложил в штаны — боится нос высунуть на улицу! Да, испугаешься тут. Как только он выйдет из банка, он беспомощен: ведь и в полицию не сможет заявить, что его ограбили.

— Все равно не понимаю, при чем тут я.

— Да яснее ясного. Этот сукин сын считает, что твой брат кое-что рассказал тебе перед смертью.

— Вы хотите сказать, что Док был связан с Сцелем?

— В нашей работе приходится делать многое — иногда мы

продаем другим странам государственные секреты. Не для наживы, а потому, что точно знаем: они уже завладели этим секретом. Сцель жил тем, что доносил на других наци. Когда же готовилась облава на него, он узнавал заранее и убирался вовремя. Около тысячи наци предстали перед судом после войны; я думаю, в сорока-пятидесяти случаях это было заслугой Сцеля. Твой брат был связным Сцеля. Эрхард брал бриллианты у старика и передавал твоему брату, он доставлял их в Европу в одну из своих поездок. В Эдинбург. Там жил некий антиквар, который специализировался на торговле бриллиантами. Годами ходили слухи, что он грабит Сцеля, продавая за полмиллиона и отдавая четыреста пятьдесят тысяч. Но это были только слухи. После продажи он передавал деньги курьеру, и тот вез их в Парагвай к Сцелю. Том, я хочу спросить тебя... мне нужна только правда, какой бы тяжелой она ни была.

— Все что угодно.

— Перестань защищать своего брата. Мне понятны твои чувства, но он должен был умереть от такой раны, тело я осматривал тщательно. Ему очень нужно было видеть тебя, он жил последние минуты ради одного: что-то тебе сказать, что-то очень важное. Он бы не стал себя мучить ради того, чтобы крикнуть «Бэйб» и умереть. Так что говори, это очень важно, что он тебе сказал?

Бэйб смиренно лежал на полу около заднего сиденья.

— Клянусь, я сказал вам все как было.

— Может быть, что-то несущественное? Пойми, он мертв, ему не нужна твоя защита. Ничто, сказанное тобою, не потрясет меня. В нашем деле люди говорят ужасные вещи, я слышал и о том, как он жесток, и то, что он двойной агент, и что он вор, активный гомосексуалист... Но сейчас мы имеем дело с этим фашистом. В той крови, что он пролил, можно плыть и не доплыть до другого берега. Говори же ради Бога, что он сказал тебе?

— Ничего...

— Поганец! — Джанеуэй резко нажал на тормоз, и машина остановилась.

Бэйб высунул голову.

Они стояли там, откуда уехали, у вагончика — Карл и Эрхард поджидали их.

— Я не смог его разговорить. — Джанеуэй вышел из машины. — Теперь он ваш.

— Нет! — закричал Бэйб. — Вы убили их!

— Ты слишком доверчив, — сказал Джанеуэй, — и когда-нибудь хлебнешь из-за этого горя. Добро пожаловать в когда-нибудь.

Карл открыл дверь машины и потянулся за Бэйбом. У того не было сил сопротивляться. Через три минуты он был привязан к знакомому креслу.

СМЕРТЬ МАРАФОНЦА

23

— Быстренько, — велел Джанеуэй Карлу и Эрхарду. Они привязывали Бэйба к креслу, — пусть один из вас сходит за Сцедем.

Карл покосился на Джанеуэя.

— Ты не можешь мне приказывать. Да ладно, времени у нас спорить нет. — Карл и Эрхард вышли.

— Это все было враньем, да? Что вы были первейшим другом Дока? — Бэйб, разглядывая Джанеуэя, уже не мог найти в нем сходства с Гэтсби. Он был похож на никсоповского адвоката Дина — его называли «рыбой-лоцманом». Этакая мелкая пакость, которая держится рядом с большими акулами власти.

— Сцилла был сентиментальным глупцом, это и убило его. Он вечно старался подавить предметы своей любви накалом страсти. Все его предметы любви были неверны ему. Он никогда не был слишком откровенен со мной — прежде всего дело, так ведь говорят? Кто, ты думаешь, свел его со Сцедем?

Послышались шаги в коридоре. Джанеуэй напрягся и замолчал.

— Я покидаю вас, — сказал Джанеуэй.

Бэйб остался наедине со Сцедем. Все было таким же, как в прошлый раз: яркие лампы, чистые полотенца, черный кожаный чемоданчик.

Сцель стоял у раковины, мыл руки. Потом встряхнул их, вытер полотенцем. Поднял к яркой лампе и тщательно осмотрел. Видимо, что-то не понравилось ему, и он начал мыть руки заново. Помыв и вытерев, он подставил их под свет лампы и заговорил:

— Вы должны извинить меня, я ужасно брезглив. Там, где я живу прачка стирает каждый божий день. Так, значит, вы — брат Сциллы.

Бэйб не ответил.

— Сейчас время разговора — боль будет чисто душевная, и поверьте, физическая от нас никуда не денется. Но я думаю, нам лучше сначала поговорить. Хотите знать, каким образом вас обманули? Выстрелы были холостые, нож — со склада-ваущимся лезвием.

Бэйб молчал.

— Томас Бэйбингтон, как сказал Джанеуэй. Конечно, в честь великого британского историка. Как вас называют знакомые? Том, я полагаю.

Бэйб закрыл глаза.

— Я понимаю, вы испытываете определенное отвращение ко мне, но видите ли, я хочу поговорить, и команду здесь я, но я никогда не стал бы навязываться тому, кто не хочет смотреть на меня. Вы не хотите говорить со мной? Как будет угодно. Но если я захочу поглубже просверлить ваш зуб...

Бэйб быстро открыл глаза.

— Почему у вас такой слабый акцент? Я кое-что понимаю в языках, очень трудно скрыть немецкий акцент.

Сцель едва заметно улыбнулся.

— Джанеуэй предупреждал меня, что вы умны, но я все равно не ожидал такого атакующего дебюта. «Что вы собираетесь делать со мной?» — вот что я ожидал от вас. Или вы могли бы спросить о брате. Но вы с первого выстрела угадали мою гордость, так что примите поздравления.

— Я всего лишь интересуюсь языками, это часть общей истории, — объяснил Бэйб. — Что вы собираетесь делать со мной?

— Неприятные вещи, — пообещал Сцель и без всякого перехода сказал: — В детстве я переболел алексией, это такая болезнь...

— Я знаю алексию, это когда не понимаешь написанную речь.

— Ваши знания впечатляют, — заметил Сцель.

— Я много читаю, филологию и психологию я затронул в том объеме, в каком они имеют отношение к истории. Какие неприятные вещи, не могли бы вы сказать прямо? Вряд ли теперь меня можно чем-то удивить...

— Мы говорили об алексии и моем детстве, а я никогда не уклоняюсь от темы; не забывайте, вы задали мне вопрос. Во время разговора ваш страх постепенно увеличивается, вы уже предчувствуете боль, и я думаю, что зуб ваш болит сильнее, чем две минуты назад.

— Да, сильнее, — подтвердил Бэйб.

— Я не ожидаю сочувствия от еврея, но вы можете догадаться, что мое детство было не особо радостным. Я был способным, я знал, что я способный, совершенно определенно знал, но все относилось ко мне как к слабоумному. Я всегда терпеть не мог письменное слово, мое чистописанное все еще на уровне каракулей, я презираю этимологию, филологию, но нахожу восхитительной морфологию. Полагаю, вы знаете, что это такое.

Бэйб кивнул.

— Я люблю просторечие. Плюс еще кое-что.

— Что?

— Я провел последнюю четверть века в Южной Америке, а там совершенно нечего делать. Если вы не революционер, там очень скучно. Так что я, естественно, говорю на немецком, естественно, на испанском, а также на французском, британском и американском английском. В настоящее время учу итальян-

ский, и, к сожалению, я уже слишком стар, чтобы принимать-ся за китайский.

— Есть еще русский, — сказал Бэйб.

— Как историку, вам еще нужно заполнить много пробелов. После всего что мы сделали русским, я с тем же успехом могу приняться за иврит. Я был окружен сумасшедшими. — Сцель взглянул на Бэйба и рассмеялся. — Это, наверное, покажется вам смешным, потому что, я уверен, вы считаете меня сумасшедшим.

— Да нет же, — сказал Бэйб, — у каждого есть свои маленькие странности. Вы говорите, что вы невинны, для меня этого достаточно.

— Я потерял невинность в двенадцать лет, с горничной. Это было... Я не утверждал, что я невиновен. Я просто сказал, что у меня никогда не было безумных идей. Всякий испытуемый, попадавший под мою опеку, имел на то веские, серьезные причины.

— Испытуемый?

— Так мы их называли в нашем экспериментальном блоке. Как ваш зуб, сильно болит?

Бэйб кивнул.

— Вы надеетесь, что кто-нибудь спасет вас?

Бэйб снова кивнул.

— Возможно, но маловероятно. Никогда не теряйте надежды. Это жилище принадлежало моему отцу, единственные обитатели — Карл и Эрхард. Соседний склад пустует. Не теряйте надежды, ради Бога. Без нее боль становится острее. Как только человек перестает надеяться, он становится инертным. Из такого человека очень трудно выжать правду.

— Но я уже сказал правду, — запинаясь, проговорил Бэйб, — и вам, и Джанеуэю. Сто раз. Я ничего не знаю.

— Я очень хорошо платил твоему брату, самые высокие коммиссионные за доставку бриллиантов в Шотландию. В этом я ему доверял; когда дело касается денег, только евреям и можно доверять. У вас могут быть иные соображения. Сцилла работал на меня много лет, но, когда умер мой отец, все переменялось. Я думаю, ваш брат собирался убить меня у выхода из банка и забрать бриллианты. Что вы на это скажете?

— Я ничего не знаю.

— Я не верю вам. Вашему брату можно было доверять, потому что он любил деньги. В конце концов он был американцем, а это у вас вроде как национальная черта. Сцилла был моим курьером, и неплохим: осторожным, ловким, сильным — его невозможно было ограбить. Он получал за свою службу много денег. Он очень заботился о вас и умер у вас на руках. Он мог вам что-то сказать, может быть, совсем немного, может быть, очень много, а может, и все. Планировал ли он, к примеру, что-нибудь, а если да, то в одиночку или

нет, если нет, то с кем? Так как его больше нет с нами, план остается в действии? Будет ли кто-нибудь грабить меня после выхода из банка? Может, вы прольете свет на некоторые из этих пунктов?

Зуб уже болел не переставая. Бэйб чувствовал, что разговор скоро закончится.

— Я не знаю.

— В последний раз спрашиваю: опасно ли мне идти за бриллиантами?

Бэйб ничего не мог сказать.

Сцель открыл черный кожаный чемоданчик и вытащил портативное сверло.

— Наверное, вы думали, — сказал Сцель, занимаясь своим оборудованием, — что вам не повезло: у вас был больной зуб как раз для меня. Думать так было бы совершенно неразумно. Но если вы и предположили такое, позвольте мне разуверить вас: все обстоит как раз наоборот, вам повезло.

Сердце Бэйба было готово выпрыгнуть из груди. Он вспомнил птицу, которую видел однажды в детстве. Она так разволновалась при виде приближающейся кошки, так трепетала и кричала в своей клетке, что вдруг свалилась замертво: крошечное сердце не выдержало напряжения.

Бэйб подумал о своем сердце, потому что опасность нарастала и приближалась. Сцель вставил в аппарат сверло, включил его, проверяя, выключил, убедившись, что дрель работает. Он наклонился к черному чемоданчику и достал нечто напоминающее большой гвоздь. Вставил гвоздь в дрель, щелкнул застеежкой и позвал Карла.

— Держи голову, — негромко приказал Сцель, когда Карл вошел в комнату и закрыл за собой дверь. — Очень крепко. На этот раз, Карл, она должна быть совершенно неподвижна. Никаких движений, понял?

Карл сжал голову Бэйба ладонями и напряг свои мощные мышцы. Бэйб был беспомощен. Его сознание теперь контролировалось не им. Он мог только смотреть на дрель.

Сцель обратил внимание на его завороченный взгляд.

— Портативная дрель, продается в любом приличном магазине инструментов, и обыкновенный бриллиант, совершенно заурядный стоматологический инструмент. Вся прелесть заключается как раз в этой легкодоступности. Там, в лагере, я пытался внедрить идею, но Менгеле был так одержим своей мыслью выведения голубоглазой расы, что пропускал мимо ушей все прочее. Я ведь уже говорил, что он был безумен, чего еще от таких ожидать? Но, видите ли, пойманный шпион всегда считался ценным лишь в том случае, если он говорил правду, и вы знаете, что всегда применялись пытки, но они были недостаточно эффективны. Человек чувствует себя прекрасно, потом он в агонии, а если мучители останавливаются — боль проходит. Все было бы очень просто, если бы Мен-

геле послушал меня. Видите ли, каждый в состоянии сделать вам то же самое, что собираюсь сделать я. Достаточно будет нескольких дней тренировки. Если бы Менгеле слушал меня, то не было бы пленных, способных что-то скрывать от нас, потому что здоровый, нетронутый нерв гораздо чувствительней того, который я обнажил в вашем зубе, тот нерв уже отмирал, когда я добрался до него.

— Вы собираетесь резать нерв?

— Да, живой нерв, здоровый. Я всего лишь просверлю здоровый зуб и достану пульпу.

Пульпа. Бэйб отметил это слово.

— Внутренняя ткань зуба, — пояснил Сцель. — У такого молодого человека, как вы, пульпу достать легко. Уйдет не больше минуты. Сверлить здоровый зуб — это не так уж и страшно, разве что сверло будет сильно нагреваться. Это, конечно, неприятно, но пока сверло не дойдет до пульпы, боль еще будет терпимой. Пульпа там, где нервы. Это сеть кровеносных сосудов и нервных волокон, артерий, вен и лимфатической ткани. Не бойтесь, крови почти не будет.

Сцель принялся сверлить Бэйбу верхний левый резец.

Бэйб терпел.

Сцель сверлил.

Вот уже сверло начало греться.

Разогрелось еще сильнее.

Бэйб сдерживал крик: он не хотел доставлять удовольствие Сцелю.

Сцель не отступал.

Бэйб закричал.

— Я говорил вам, что нагрев сверла причинит некоторое неудобство, — объяснил Сцель. — Еще несколько секунд, и мы выйдем на пульпу.

— Я не знаю, что вы хотите! Господи, разве стал бы я скрывать, если бы знал?

— Ваш брат был очень сильный человек. Сила — наследуемое качество. Ивините, но боюсь, что мы не узнаем степень вашей осведомленности, пока хорошенько не посверлим пульпу. Тогда вы все скажете.

— Я уже сказал все.

— Может быть. — Сцель снова принялся сверлить.

Бэйб уже приготовился закричать, но на этот раз было не так больно; нагрев не достиг точки, когда терпеть невозможно, к тому же Сцель выключил дрель.

— Мы подошли к границе пульпы, — объявил он. — Вы сказали, что не любите сюрпризы, так что я сначала все вам объяснил. Сейчас вы узнаете, насколько я был прав, говоря, что нерв в пораженном зубе менее чувствителен, чем живой.

И Сцель стал сверлить пульпу.

Бэйб заплакал. Он ничего не мог поделать с собой. От бо-

ли слезы сами катились из глаз, а Сцель, казалось, и не удивился, только кивнул.

Бэйб был в полубессознательном состоянии, когда Сцель остановился.

— Хочешь взглянуть на нерв? — спросил он Карла. — Ничего, ему надо передохнуть, отпусти его голову.

Карл убрал руки, голова бессильно свесилась. Сцель раскрыл Бэйбу рот.

— Вот это красное — это нерв. А ты не знал?

Карл отрицательно покачал головой.

Без сверла боль была значительно меньше. Надо скрыть это от Сцеля.

Но Сцель все прекрасно понимал. Через минуту он сказал:

— Ладно, поехали дальше.

И опять Карл зафиксировал голову, и опять Сцель сверлил, и опять Бэйб плакал.

— Как... как... вы... можете делать такое?..

— Как? Дать вам ответ одного старого еврея? Мудрый старик. Он сказал: «Мы для них не такие, как все». Вы для меня не совсем человек.

После третьего подхода Сцеля Бэйб попросил:

— Убейте меня...

— Еврей не может умереть по собственному желанию, он умрет, когда этого захотим мы, — ответил Сцель и продолжил пытку.

После седьмого подхода Сцель позвал Джанеуэя и Эрхарда.

— Он не знает ничего, если бы знал, сказал бы обязательно, зря только время тратили, избавьтесь от него.

Бэйб, еле живой, почти без сознания, лежал в кресле.

— Убить его, да? — спросил Карл для уверенности.

— Как прикажете это сделать? — спросил Эрхард.

— Сделайте хоть раз что-то без меня! — раздраженно бросил Сцель.

24

Не успел Сцель захлопнуть за собой дверь, как они начали препираться.

— Развяжите его, — сказал Джанеуэй.

Эрхард, хромая, подошел к креслу и принялся за дело, но Карл не пошевелился. Он зло посмотрел на Джанеуэя.

— Я уже говорил тебе и в третий раз повторять не буду: придержи свои приказы.

Джанеуэй ответил Карлу таким же взглядом.

— Поднимай его, и нечего таращиться на меня.

— Да перестаньте же, — сказал Эрхард, снимая последние веревки. — Карл, ты самый сильный, ты и бери мальчишку,

для тебя-то это пара пустяков.

Карл любил, когда хвалили его за силу, он схватил руку Бэйба, обвил ею свою толстую шею, вытащил мальчишку из кресла. Тот не шевелился.

— Сам иди! — велел Карл, и Бэйб попытался переставить ноги.

Эрхард похромал по коридору и открыл дверь, которая вела к ступенькам. Когда Бэйба довели до них, он уже мог идти сам, но ступеньки оказались для него слишком трудным препятствием. Он споткнулся и упал бы, если бы Карл не подхватил его.

Наконец все четверо оказались на улице.

— Давайте поедem на моей машине, — сказал Эрхард и захромал впереди. Он это любит, отметил про себя Джанеуэй, вести за собой. Куда бы они ни шли, Эрхард всегда шел первым. «Пошли, пошли», — приговаривал он всегда, и Джанеуэй никогда не возражал: пусть Эрхард хоть чуточку покомандует, никому от этого вреда не будет.

А Карл был совсем другой; там, в вагончике, замечание Эрхарда о силе Карла уязвило Джанеуэя. Даже в простом поднятии тяжестей Карл не победил бы его. В темной аллее против Джанеуэя Карл не продержался бы и полминуты. Ну, может, и продержался бы секунд пятьдесят, не больше. Почему он терпеть не может Карла? Наверное, просто считает его низшей формой жизни...

Они завернули за угол и перешли на неосвещенную сторону улицы.

— Пошли, пошли, — позвал Эрхард.

— Господи, ты что, в Джерси машину оставил? — спросил Джанеуэй, злясь, что пришлось идти так далеко. Конечно, эти два урода смогли бы прикончить мальчишку и сами. Сцель, наверное, взбесился от того, что его метод не работал, иначе он бы не стал унижать Джанеуэя таким пустяковым заданием.

— Осталось совсем немного, пошли-пошли.

— Теперь ты бери его, твоя очередь, — сказал Карл. Джанеуэй проигнорировал его приказ. Карл пробормотал «педераст» по-немецки. Джанеуэй сделал вид, что не слышал. Раздражение Карла росло, он толкнул Бэйба.

— Иди сам.

Бэйб споткнулся, сделал несколько шажков, пошатываясь, пошел сам.

— Вот и пришли, — сказал Эрхард. — Машина — старый «форд». — Достав из кармана связку ключей, он принялся искать ключ от машины.

— Ты запер эту штуковину? — недовольно спросил Джанеуэй.

— Здесь ужасное место, — пытался объяснить Эрхард, —

воруют все подряд. А машина эта замечательная, никаких поломок вот уже двенадцать лет.

— Если она такая замечательная, почему ты до сих пор не можешь ее открыть?

Напрасно. Невозможно вывести из себя такого кретина, как Эрхард. Зато Карла легко завести, пожалуйста, вот он стоит тупо у капота машины, на котором растянулся Бэйб.

— Сейчас открою, — Эрхард лихорадочно тыкал ключом в замок дверцы.

— Не нажимай, — посоветовал Карл, — помнишь, ты нажал на ключ чемодана и сломал.

— Никто и не нажимает, — огрызнулся Эрхард. — Черт возьми, никак!

Джанеуэй раздраженно двинулся к нему.

— Дай мне, я мигом открою.

— Ты не знаешь этой машины, — возразил Карл. — Я ездил на ней, я знаю, как ее открыть. — Он выхватил у Эрхарда ключи.

А в это время Бэйб скатился по капоту и, шатаясь, пошел прочь. Джанеуэй зло бросил Карлу:

— Тебя оставили с мальчишкой, иди за ним.

Карл покачал головой:

— Я занимаюсь ключами, а от тебя приказов не принимаю.

Тогда Эрхард сказал:

— Ладно, занимайся, только открой дверь. — Он похромал за Бэйбом.

Обойденный на прямой хромым, подумал Бэйб, шатаясь как пьяный на темной улице. Вот это финиш, достойный марафонца. Да, прекрасная эпитафия: «Здесь лежит Томас Бэйбингтон Леви, пойманный калекой».

Естественно, у Эрхарда не осталось бы ни шанса, будь Леви в форме, но он давно не спал... А то, что сделал ему Сцель... Бэйб неуверенно продвигался вперед, боль не покидала его: каждый раз, когда он пытался глубже вздохнуть, ночной воздух проникал в отверстия в зубах и терзал оголенные нервы. Тротуар из острого щебня был невыносим для босых ног. Бэйб все еще в пижаме действительно беспомощный гусь, как его называла шайка с крыльца. Он брел вперед, настигаемый калекой; в ногу что-то вонзилось и причинило такую боль, что даже забылась боль оголенных нервов. Бэйб надеялся, что это не стекло, а острый камешек, который хоть и помучает, но не раскроит ногу. Попробуй догнать меня, стиснул он зубы, не догнать калеке марафонца, хотя какой я марафонец, какой марафонец будет бегать босиком?

Бикила!

Абебе Бикила, великий эфиопский бегун, который выступал на Олимпиаде в Японии. Фаворитами были русские с их врачами, с их помощью и диетами, да и немцы были хороши, ни-

кто и внимания не обратил на черного бегуна. Те же, кто обратил, смеялись, потому что он не только был один, но еще и без обуви. Он собирался пробежать эти чертовы 26 миль и 385 ярдов босиком, босиком в XX веке, подумать только. Забег начался, и русские были хороши, но и немцы не лыком шиты. Где-то через десять миль немцы решили рвануть вперед, но русские были не просто крутыми парнями, они были очень крутыми, и немцы отстали. Русские остались одни, им нужно было только отрежиссировать, кто придет первым, кто вторым. В этом деле русские большие мастера: ты вкладываешь в дело годы и получаешь победу, и если даже молодой спортсмен сильнее, то его время еще придет. Вдруг лидер русских услышал оживление зрителей, не очень громкое, потому что на марафонском забеге большие толпы не собираются, на старте — да, на финише — да, но на дистанции болельщиков мало, смотрят, как эти дурни бегуны потеют, потому что только дурни могут так мучить свое тело. И вот на пятнадцатой миле третий русский вдруг почувствовал: что-то неладное творится за спиной. Он обернулся — их нагоняет этот худой черный парень без обуви. Третий русский увеличивает скорость, все трое русских устраивают что-то вроде совещания на бегу, увеличивают скорость, бегут вразнобой, они это умеют, они всему научены, они бегали так, как надо, и ели то, что надо, врачи делали им то, что надо, и если им надо было задавить тебя, то они давили, но на двадцатой миле босоногий обошел третьего русского и перед ним остались только двое, русским надо было что-то делать, и они припустили вовсю. Оставалось еще шесть миль, они включили все резервы, и кто бы там за ними ни бежал, он должен был отстать или сжечь себя, так и случилось со всеми бегунами, кроме чернокожего, у которого не было даже обуви. То, что сделал он, когда русские припустили вовсю, не делал еще никто до него — он припустил еще быстрее, а русские, можно сказать, просто стояли на месте, они даже не были улитками, потому что этот босой парень, над которым все они смеялись два часа назад, неудержимо летел вперед. Когда он вбежал на финишный круг стадиона, толпа начала визжать так, как не визжала на марафоне со времен Нурми, и теперь на пантеоне было двое, две легенды, Нурми и босоногий гений из Эфиопии, великий Бикила и... и... А вот вам, подумал Бэйб, не поймает меня калека. Ну и что из того, что ногам больно и зуб горит? Если ты настоящий марафонец, ты сделаешь то, что требуется.

Ценой огромных усилий Бэйб чуть-чуть увеличил скорость.

За спиной Эрхард закричал:

— Я не могу догнать его!

Джанеуэй оторвался от машины: мальчишка бежал уже к реке.

— Ты, — закричал он Карлу, — бросай эти идиотские ключи и беги за ним!

Слова Джанеуэя эхом разнеслись по ночной улице, и Бэйб понял, что теперь за ним погонится великан Карл. Карл, конечно, силен, как были сильны русские, но Бикила одолел русских, и Бэйб знал, что если только зуб перестанет терзать его, он легко убежит от Карла, вся сила Карла — в руках, и плечи широкие, и грудная клетка, — но не в ногах, тут он слаб, и затяжной забег не выдержит. Бэйб притронулся к подбородку: если защитить открытые нервы от холодного ночного воздуха, то боль уменьшится...

...не годится...

...Бэйб тут же потерял равновесие. Он добивался устойчивости во время бега многолетними тренировками. Основа бега в том, чтобы найти динамичное равновесие, не уставать, научиться оберегать тело от усталости, используя равномерно все мышцы, а положение рук — ключ к верному равновесию; когда он поднес руку ко рту, равновесие полетело к черту, другой руке нечего стало уравнивать, нечем поддерживать нужный ритм, и Бэйб уже слышал тяжелый наступающий топот Карла...

Карл нагонял его.

Забудь про зуб, подумал Бэйб и прикрыл его языком, уняв немного боль. Мерно заработав руками, Бэйб оторвался от Карла.

Он еще чуть-чуть прибавил скорость, и топот Карла стал отдаленнее.

— На помощь! — закричал Карл, задыхаясь.

— Дерьмо собачье, — выругался Джанеуэй и побежал.

А бегать он умел.

Бэйб понял, что самое главное только начинается. Конечно, у него есть преимущество, но сможет ли он удержать его?

Впереди был Гудзон, Бэйб остановился на углу и стал соображать, куда бежать дальше: вниз по течению, к центру города, или вверх? Где спасение?

Бэйб решил бежать вверх по течению, в жилые кварталы, там находился въезд на Уэст-сайд-хайвэй, а это крутой подъем, холм, Бэйб хорошо брал подъемы, и если только Джанеуэй не догонит его до подъема, то Бэйб сможет оторваться. В колледже Бэйб очень хорошо бегал кроссы, особенно с подъемами. На ровном месте особых результатов не было, скорость Бэйба была невелика, но многие обычно ударяются в панику, только заведя подъем.

Но не Бэйб.

Джанеуэй уже сильно сократил разрыв. Бэйб оглянулся: Карл успел обогнать Эрхарда, но Джанеуэй обогнал их обоих, так они втроем и бежали, триединая угроза.

Джанеуэй уже наступал ему на пятки. Он бежал быстрее Бэйба, но сможет ли Джанеуэй продержаться на большой

дистанций? Вытерпит ли, когда его легкие начнут гореть огнем? Не похож он на марафонца, похож на спринтера, который обставит тебя на какое-то время, но если ты его протянешь за собой, пока не появится боль, ты «сделал» его.

До начала подъема оставалось около квартала. Джанеуэй был позади примерно в половине этого расстояния, и тут Бэйб увидел, как на него смотрит великий Нурми и укоризненно качает головой. Но это было несправедливо, нельзя судить о Бэйбе по его сегодняшним результатам. Когда он в форме, он побежит с кем угодно... И Бикила бежал босиком рядом с Нурми, и он тоже качал головой и смеялся, а это уже совсем было несправедливо. Кому, как не Бикиле, знать, что такое унижение, над ним ведь самым смеялись в Токио, и он всем им показал. Ну ладно, черт, смейся, думал Бэйб, смейся, я покажу тебе. И Бэйб увеличил скорость насколько мог, а потом еще чуть-чуть...

Но не смог оторваться от Джанеуэя.

Где он там? Восемьдесят футов? Шестьдесят? До подъема еще далеко. Он слишком быстр для меня, не смогу я с ним справиться... И тут Бикила поравнялся с Бэйбом и подбодрил: «Конечно, сможешь». А Бэйб ответил: «Не надо было тебе смеяться надо мной». Бикила, помолчав, сказал: «Никогда я бы не стал смеяться над марафонцем, я смеялся над ними, они думают, что могут одолеть нас. Спринтом нас не возьмешь».

Услышав это, Бэйб почувствовал себя сразу лучше, но не настолько, чтобы не дать приблизиться Джанеуэю. И вот наступил переломный момент для сердца, обычно Бэйб легко переносил его, но не теперь, не с такой болью. Бэйб изо всех сил старался держать Джанеуэя на прежнем расстоянии от себя. Тут Нурми поравнялся с Бэйбом, они с Бикилой бежали по обе стороны от него, и Нурми сказал: «Однажды в Финляндии на забеге я сломал ногу, но не сдался, хотя чуть не умер от боли. Никто не знает, что у тебя на сердце, только ты сам: сердце и голова — вот чем мы сражаемся со Временем». И Бэйб ответил: «Я не могу думать, от воздуха адская боль, не знаю, что делать». А Нурми сказал: «Ну-ка сбавь скорость, оставь ритм». Бэйб замедлил бег, а потом Нурми подтолкнул его в бок: «Пошел!» И Бэйб рванул как мог, а Бикила сказал: «Мозг не знает, что ты делаешь, у спринтеров нет мозгов; Бог дал им скорость, но думать они не умеют; как только ты заставишь мозги думать — им крышка». Может быть, это и было правдой: наконец-то шаги Джанеуэя стали отдаляться. И Бэйб сказал: «Я победил его, победил». Но Нурми возразил: «Еще нет, он сейчас попробует сделать спурт, он выложится весь, до конца». А Бикила добавил: «Если ты не дашь ему догнать себя сейчас, то ему конец, но тут мы не можем помочь тебе, ты должен сделать это сам». Бэйб спросил: «Но вы хотя бы будете рядом?» Бикила улыба-

нул: «Конечно, ведь мы, марафонцы, знаем, что такое боль». Нурми подкасал: «Он приближается!»

Джанеуэй приближался, и Бэйб сказал: «Простите, ради Бога, оставьте меня, я больше не могу». И тут Бикила прокричал ему: «Он уже шатается. Держись, держись!» Но Бэйб простонал: «Очень больно, у меня все горит внутри». Это рассердило Нурми: «Конечно, у тебя все горит внутри, так и должно быть, а ты держись, ты пройди через болевой барьер, я это делал, вот потому я — величайший бегун». Бэйб сказал: «Я бы победил тебя, честное слово; если бы у меня был шанс пожить еще, я бы непременно перегнал тебя...»

...И тут Джанеуэй настиг Бэйба.

Последним отчаянным рывком в самом начале подъема он бросился вперед и, упав, задел ногу Бэйба. Однако этого хватило, чтобы Бэйб покатился по тротуару.

«Вставай, старик! — закричал Бикила. — Вставай, да побыстрее, он спринтер и на большее не способен, ему конец, ты сделал его, ему тебя не поймать, если только ты опять побежишь».

А Бэйб стоял на четвереньках.

Нурми говорил: «Я-то думал, что ты хорош на подъемах; ну что ж, вот перед тобой подъем, беги, или тебе нравится стоять тут и слушать его дыхание?..»

...И правда, Джанеуэй тяжело дышал, шумно втягивая в легкие ночной воздух и пытаясь встать на ноги.

Бэйб, качаясь, поднялся. Лодыжка горела огнем, лицо было все расцарапано об асфальт, но Бэйб знал, что такое побежденный бегун, и сейчас перед его глазами был побежденный, загнанный, с сорванным дыханием бегун. Подъем крут, Бэйб забегал на холмы раза в два круче. За его спиной Джанеуэй закричал:

— Машину! Заводите машину!

Но к тому времени Бэйб уже пробежал половину крутого склона и наращивал скорость — факт, который с удовлетворением отметили Нурми и Бикила. Это и Бэйба окрылило, я — марафонец, радовался он, настоящий бегун, и со мной лучше не связываться.

Господи, вдруг подумал Бэйб, да они же догонят меня на автомобиле. Они взлетят по склону на скорости девяносто миль в час, и какого черта мне останется делать?

Бэйб бежал по правой обочине Уэст-сайд-хайвэя в сторону жилых кварталов, пытаясь придумать, как ускользнуть от преследователей. На машине они достанут меня. Сделай что-нибудь, сделай!

И в конце концов то, что сделал Бэйб, оказалось почти гениальным.

Не столь гениальным, как плоды размышлений Эйнштейна, сэра Исаака Ньютона, Оруэлла, но все же, если учесть, в ка-

ких условиях мыслил Бэйб, он не уступил ни в чем вышеназванным господам.

А сделал он вот что: просто пересек висящий над землей хайвэй, перешагнул через футовый разделительный барьер и побежал в другую сторону — в деловую часть города.

Он забежал на хайвэй на 57-й улице, а первый съезд к деловой части был на 56-й улице, очень близко и удобно, удобнее и не придумаешь.

Через три минуты Джанеуэй и остальные въехали на хайвэй и направились в сторону жилых кварталов. Бэйб следил за ними со съезда на 56-й, спрятавшись в глубокой тени.

Бэйб прикинул, что первым съездом с хайвэя, где они смогут развернуться, будут 72-я или 79-я улицы.

Съезд был на 72-й улице, но к тому времени, когда они проезжали 66-ю улицу, Джанеуэй понял, что сделал Бэйб. Ему не оставалось ничего, как ругаться до тех пор, пока они не доехали до 7-й улицы. Там они свернули с хайвэя, ведущего из центра, сделали несколько крутых поворотов и снова заехали на тот же хайвэй, но уже с другой стороны, направляясь к центру. Они мчались по нему, пока не доехали до съезда на 56-й улице, на которую, по их предположению, свернул Бэйб. Они свернули туда же.

Но к тому времени Бэйб был уже вне опасности. Пот лил по нему ручьем, зуб болел, лодыжка саднила, но он победил.

Он был достойным братом своего брата.

25

После седьмого гудка она взяла трубку.

— Да?

— Эльза...

— Кто это?

— Слушай...

— Том?..

— Да, выслушай меня, я очень спешу...

— С тобой все в порядке? Скажи мне хотя бы...

— Да, все в порядке, я понимаю, что еще нет и пяти и я разбудил тебя, но тебе придется сделать кое-что для меня. Эльза, ты нужна мне, больше у меня никого нет.

— Да, конечно.

— Найди машину.

— Ты имеешь в виду автомобиль? Ехать куда-то?

— Эльза, да проснись ты, пожалуйста! Да, автомобиль, да, ехать. Куда — пока не знаю. Но мне надо выиграть немного времени, мне надо обдумать кое-что, мне тужо, я попал в беду и хочу побыть где-нибудь, где мне будет спокойно.

— Хорошо. А как я найду тебя?

Бэйб посмотрел в дальний конец комнаты. Появился Би-

зенталь в просторном халате, он держал поднос с двумя дымящимися чашками кофе.

— Есть такая круглосуточная аптека «Кауфманз» на перекрестке Лексингтона и Сорок девятой. Сейчас еще темно, так что держи дверцы машины на запоре, не хватало еще, чтобы кто-нибудь на тебя напал. В шесть часов. В запасе час. Все ясно?

— «Кауфманз». Лекс и Сорок девятая. Шесть часов. Ты любишь меня?

— Что? — Бизенталь стоял рядом и смотрел на него.

— Когда я приходила к тебе в прошлый раз, ты сказал, что не любишь. Ну и как? Если любишь, говори, я пойду искать машину.

— Я люблю, люблю тебя. Пока. — Бэйб повесил трубку. — Прошу прощения за эти сантименты, — сказал он, подошел к Бизенталю и взял с подноса кофе.

Бизенталь сел на диван с чашкой кофе.

— Человек моего положения нечасто сталкивается с проявлением чужих сантиментов, так что в небольших дозах я считаю их вполне приемлемыми, можешь не смущаться.

— Папа?

Бэйб повернулся.

Очаровательная принцесса стояла в дверях, изящная, в халате, с большими глазами, смугловатой кожей и длинными черными волосами.

— Все в порядке?

— Ты хочешь спросить, не грозит ли мне опасность? Не думаю, что Том собирается напасть на меня. — Бизенталь встал, коротко представил их друг другу. — Моя дочь Мелисса — Том Леви.

— Отец говорил о вас, — сказала Мелисса. — Извините. — Она ушла.

— Она умница, учится в Барнарде. Хочет стать археологом. В Брин Мор мечтала поехать, но я не допустил этого: пусть займется чем-нибудь другим, а не копается в костях.

Леви не слушал. Все менялось слишком быстро. Когда-то он разразился бы цветистым приветствием такой девушке, а теперь и кивнуть не удосужился. Когда-то он задохнулся бы от восторга: ну как же, Бизенталь говорил о нем в своей семье! Теперь же он лишь потянулся к своей чашке и отпил кофе — горячая жидкость заполнила отверстия в зубах, ударила по оголенным нервам, Бэйб вскрикнул, дернулся, но все-таки поставил чашку на поднос, не пролив кофе. Закрыв зуб языком, пытаясь унять боль.

— Извините, — наконец пробормотал он.

— Так ты не скажешь мне, чем я могу тебе помочь? У тебя ведь какие-то неприятности...

— А я не говорил, что у меня неприятности, вообще ни про какие неприятности я не говорил.

Бизенталь поставил чашку на столик и принялся расхаживать по комнате.

— Ну полноте, сэр, мы с вами не маленькие, все понимаем, поэтому я склонен думать, что ты сделаешь мне такую милость и расскажешь о своей беде, коли уж разбудил в пять утра. Сам подумай: меня будит жена, ее разбудил ночной сторож, которого, надо полагать, ты стуком в дверь выдернул из сна. Что просят передать? Какой-то паренек, одетый только в пижаму, не может заплатить за такси — не окажу ли я содействие? Я интересуюсь, какое имя у этого лунатика, нахожу, что это мой студент, а также сын очень близкого друга. И вот, поставленный перед таким фактом, я иду вниз, плачу таксисту, мы поднимаемся ко мне, я интересуюсь, что же в конце концов произошло, а ты отвечаешь: ничего, можно воспользоваться вашим телефоном? Пожалуйста. Заметь, Леви, я всегда отдаю должное там, где следует, ты не забыл сказать «пожалуйста».

— Извините, сэр, я сюда пришел с определенной целью, но рассказывать о своем положении не входило в мои планы. Не входило в мои планы и брать деньги у вас, но мне надо было расплатиться с парнем: он полусонный курсировал по Двадцать второй авеню у доков, и если бы я не выбежал перед его машиной на дорогу, он ни за что бы не остановился. Не знаю, верит ли он в привидения, но меня принял за одно из них и все время повторял: «Да, сэр, да, сэр», выслушал ваш адрес и мигом привез сюда. По некоторым причинам я смог приехать только к вам, но это просто здорово, как вы ко мне отнеслись, большое вам спасибо.

— Что еще я могу сделать для тебя?

— Одолжите немного денег — долларов двадцать, если можно.

— Бумажник у меня еще при себе. — Бизенталь достал из кармана халата бумажник и протянул Леви двадцатку. Тот кивнул благодарно.

— Теперь все? — спросил профессор.

— Нет. Мне бы не помешал какой-нибудь старый плащ: я чувствую себя просто идиотом, шатаюсь в этой пижаме.

— В шкафу фойе висит плащ, заберешь, когда будешь уходить. Теперь все?

— Да, сэр.

— Ну ладно, а теперь говори, зачем пришел сюда?

— Зачем я пришел сюда? — мягко повторил Леви и пожал плечами.

— Представь себе, что это твой устный экзамен, — сказал Бизенталь, — представь, что нужно рассказать что-то из истории.

— Хорошо, сэр. — Леви встал, подошел к окну, взглянул на Риверсайд-парк. — У вас отсюда великолепный вид.

:

— Особенно после восхода солнца, — ответил Бизенталь. Леви рывком повернулся к нему.

— Я действительно способный, профессор, может, у вас не будет возможности проверить это, и я знаю, что выгляжу сейчас идиотом, но верьте мне, у вас еще не было такого ученика, как я, особенно в том, что касается книг... То, что я скажу, покажется вам бессмысленным, но когда чувствуешь, что у тебя есть кое-какие мозги, очень раздражает, если не можешь выстроить простую логическую цепь. До смерти отца я был в семье дурачком. Мне было только десять, но я чувствовал: все мои учителя знают, что мне очень далеко до Дока...

— Дока?

— Генри Дэвид — мой брат, первые три года в Йеле он учился лучше всех на курсе, ни у кого не было в семестре столько отличных оценок, сколько у него. Док был очень умный, он хотел стать важным великим юристом-адвокатом, эдаким защитником униженных, чтобы поражать тиранов. Доку было двадцать, когда умер отец. В его выпускной год у него все пошло прахом: это ведь дерьмово, если твой отец вдруг убивает себя. Как-то незаметно я стал защитником обиженных, а он — денежным мешком. Мы по-разному реагировали на одно и то же событие — на выстрел. А этот тип, который знал Дока, сказал мне сегодня: «Твой отец ведь был виновен». Тогда я ему выдал все. Сполна, можете мне поверить. Но теперь понимаю, что это так сказал Док: видимо, так считал и сам Док. Из-за этого он и пошел своей дорогой, а я своей... Теперь мне надо, чтобы вы мне сказали: мой старик, он был виновен?

Бизенталь закрыл глаза.

— Вина все еще живет. Знаешь, экологи говорят, что пластмасса разлагается полностью только через тысячи лет. Так вот, я считаю это пустяком по сравнению с виной. Она передается через поколения, как неистребимый ген. Но это не ответ на твой вопрос. Ты хочешь знать, был ли твой отец, вышеупомянутый Г.-В. Леви, коммунистически-красно-радикально-мерзко-большевиком-бомбометателем? Он был совершенным простаком, вот и все, умнее, чем позволено быть человеку; он казался нетерпимым и был нетерпимым, он так и не научился терпеть дураков, он хотел всех взять под крыло, и никто не понимал, что он просто таким образом прикрывает свою беззащитность. Он возглавлял исторический факультет в университете, и его приглашала в Вашингтон оппозиционная партия, и имя у него было забавное, и был он евреем. Как там об этом сказал Китс: он вообще-то имел в виду Кортеса, когда тот в первый раз увидел Тихий океан. Твой отец был виновен в том, что ему вменяли, в такой же степени, в какой Кортес — в существовании Тихого океана до того, как он открыл его. Этого достаточно?

Бэйб кивнул и пошел в фойе искать плащ. Тот был маловат, но не настолько, чтобы от Бэйба стали шарахаться прохожие.

Бизенталь поплелся за ним.

— Пожалуйста, позволь мне помочь тебе.

— Вы ведь уже помогли.

— Тогда позвони в полицию. Если не хочешь, давай я позвоню.

— Полиция?.. — Бэйб зажмурил глаза. — Зачем я буду звонить в полицию? Какая польза мне от этого? — Он застегнул плащ. — Мне не надо правосудия, пошли они все; правосудие — это уже пройденный этап, остается только кровь...

Около дома Бизенталь Бэйб поймал такси, доехал до угла Амстердам и 96-й улицы. Скрываясь в глубокой тени, пошел к 95-й улице. Там было темно, до самого Колумбуса, слишком много подростков в округе, и уличные фонари долго не жили. Бэйб осторожно подбирался к своему дому. Как только он забывал прикрывать свой зуб, ночной воздух ножом резал по нервам, и Бэйб чуть не вскрикивал. Но он терпел и неслышно пробирался вперед. Непременно надо было попасть домой, хотя бы на минуту, все зависело от этого, но слишком уж очевидна была монументальная глупость этого поступка. Нью-Йорк — огромный город, здесь уйма мест, где можно скрыться, а единственное место, на которое выйдет Джанеуэй, — это его квартира. Так что, если Джанеуэй и поджидает его где-нибудь, так это в квартире, надеясь, что Бэйб по глупости вернется туда, но бывают такие случаи, когда риск необходим, насколько глупым бы он ни был. А-а, ч-ч-черт!..

Невдалеке от его дома у тротуара припаркован автомобиль. Пустой? А может, в нем пьяный испанец, который так и не смог доехать до постели и вырубился прямо за рулем?

Ради Бога, пусть пьяный испанец, думал Бэйб, осторожно приближаясь. Он никогда бы не поверил, что умеет двигаться совершенно бесшумно, но трудно наделать много шума, если идешь босиком. Он крался по 95-й улице.

Бэйб прижался к зданию, пытаясь разглядеть, есть ли кто-нибудь в машине. Да, внутри кто-то сидел. И этот кто-то не вырубился — он сидел прямо. Кто-то крупный. Такого же роста, как Карл.

А если это Карл, то он не один. Джанеуэй не позволит, чтобы дело такой важности было поручено одному Карлу, значит, Эрхард тоже где-то здесь. Сквозь остро вспыхнувшую боль Бэйб будто услышал раздраженный окрик Сцеля: «Сделайте хоть раз что-то без меня!»

Так что и Джанеуэй, видимо, здесь, все трое притаились в разных местах в темноте и ждут.

Бэйб крался вперед. Еще чуть-чуть. Еще чуть-чуть.

Он остановился, дальше идти уже не смел; выждал, пока глаза привыкнут к освещению; в Нью-Йорке тысячи здоровяков, кабанов типа Карла, бродят, рычат друг другу «привет», пробираясь сквозь толпы простых смертных каждое утро в подземке.

Так что это не Карл. Слишком мала вероятность.

Бэйб напряженно всматривался. Он замер и сосредоточил все внимание на автомобиле.

В нем сидел Карл.

Ждал.

Не раздумывая, Бэйб двинулся к соседнему дому, бесшумно скользнул по ступенькам в подъезд и начал звонить в дверь к Мелендесам, долго и терпеливо. Сначала все было тихо, никто не отвечал, и Бэйб давил и давил на кнопку...

Наконец он услышал, как испанка визжит на него по интеркому.

— Послушайте, — прошептал Бэйб, — я не могу говорить громко, но если вы миссис Мелендес, то извините меня, пожалуйста, за беспокойство...

Визг не прекращался.

— Мне нужен ваш мальчик, ваш сын. — Испанский Бэйб знал неважно, и никогда еще он об этом так не сожалел. — Ребенок, молодой человек, ну как еще, какого же черта еще сказать: отпрыск, дитя, пострел?

Интерком выключился.

Бэйб снова нажал на кнопку звонка. Он давил и отпускал кнопку звонка Мелендесов без конца.

На этот раз дама разошлась не на шутку, голосила во всю мощь. Призывы «Поймите меня, пожалуйста» и «Ради Бога, простите, но это очень важно» не могли пробиться сквозь шумовую завесу. Пока интерком не выключился, Бэйб нажал на кнопку звонка и не отпускал ее. Вдруг он услышал голос, перекрывающий визг женщины. Крылечный атаман говорил в интерком:

— Жми-жми, шас пальцы пообрываю.

— Это я, — прошептал Бэйб, быстро убрав палец, — я, ну помнишь...

— Звякни еще раз, оторву к черту!..

— Мелендес, — сказал Бэйб громче, чем намеревался, — ты что, не узнал меня, послушай ради Бога, это я, Гусь.

— Гусь, это ты?!

— Ну да.

— Что надо?

— Поговорить.

— Валяй.

— Наедине, — сказал Бэйб.

Мелендес открыл дверь, и они встретились на площадке первого этажа, у квартиры Мелендесов.

— Что скажешь?

Бэйб сделал глубокий вдох.

— Я хочу, чтобы ты ограбил мою квартиру.

Мелендес с усмешкой взглянул на него.

— Надо прямо сейчас. Если не можешь сейчас, то не надо вообще. Чем больше наберешь своих, тем лучше. Если у кого-то из вас есть оружие, прихватите с собой.

— Ты шутишь. У кого нет оружия? А зачем?

— Это вообще-то трудноато объяснить, не вдаваясь в подробности, но меня преследует группа людей, и если я пойду домой сам, то они возьмут меня, а с вами, я думаю, они не станут связываться.

Мелендес не удержался от улыбки.

— Шикарный у тебя плащ, Гусь. Не великоват? Э-э, да это никак пижама, — он захохотал.

— Говори «да» или «нет», дерьмо свое попридержи.

Смех оборвался.

— А мне-то какая выгода?

— У меня есть радио, и черно-белый телевизор, и тонна книг, которые у тебя охотно купят в лавке букиниста за углом или около университета, там берут по неплохой цене, и, конечно, одежда, какая понравится. И вообще мне плевать — уноси все, что унесешь, а если тебя поймают легавые, я им скажу, что сам разрешил тебе забрать все, так что и это не проблема.

— Огромное облегчение, — сказал Мелендес, — я просто рад, что с легавыми не будет проблем. А что нужно тебе?

— Ну, во-первых, мои кроссовки «Адидас», они валяются на полу...

Мелендес снова засмеялся.

Бэйб сказал, что еще нужно для него вынести из квартиры.

Мелендес долго молчал.

— Дверь, видимо, будет заперта, — сказал Бэйб, — я пытался найти отмычку...

— Двери — не проблема, — заверил Мелендес. — В чем подвох?

— В том, что это опасно.

— Это не подвох, — сказал Мелендес, — это прикол.

Карл улыбался редко. Окружающие думали, это оттого, что у него нет чувства юмора. Они ошибались, просто многие вещи не казались ему смешными. Чаще всего он ощущал беспокойство. Выглядел Карл внушительно, у него были огромные мускулистые руки, но только действия, поступки помогали ему сохранить относительно приличное состояние духа. Ему нравились небольшие задания, точнее, их нагромождения.

Это было приятно.

Сидеть и ждать — неприятно.

Карл сидел в машине, положив руки на рулевое колесо, сидел неподвижно, только взгляд переводил из зеркала заднего вида на лобовое стекло. Такого распоряжение Джанеуэя, и Карл намерен выполнить его, потому что связываться с Джанеуэем опасно: если Карл совершит ошибку, Джанеуэй донесет.

Улица скрылась в кромешной тьме: бесполезно было что-либо разглядывать. Когда полдюжины негритосов неожиданно появились сзади, Карл удивился — насколько он вообще мог удивляться.

Нет. Не негритосы, понял он, испашки. Полдюжины или больше, наверное, семеро, одетые странно, совсем почти не одетые, все как один без носков, двигались группой за вожаком.

Хорошо бы они шли ко мне, подумал Карл. Может, увидят человека, сидящего в машине, и попытаются ограбить. Карл взглянул на двери, убедился, что ни одна из них не заперта. У него был с собой только нож, но он сомневался, что нож ему понадобится для испашек. Схватить первого за руку, шарахнуть им по остальным и продолжать в том же духе, пока хруст ломающихся костей не обратит их в панику и бегство.

Группка остановилась перед домом этого еврея. Какое-то время Карл раздумывал, не выйти ли ему из машины. Напугать их как следует. Увидят его, такого огромного, да в темноте — сразу разбегутся.

Джанеуэй таких указаний, конечно, не давал. Он велел ждать Леви, и если тот появится, взять его. Я так и сделаю, решил Карл. А пока пусть Эрхард занимается испашками.

Эрхард со своего места в глубине подъезда увидел, как шайка остановилась у входной двери, и ему стало страшно. Будучи хромым, он неохотно вступал в драку.

Шайка тем временем уже собралась у двери подъезда. Эрхард отступил в глубь коридора в подъезде. Наверное, надо как-то предупредить Джанеуэя, но они не договорились о сигналах на такой случай. Кто мог подумать о такой ситуации. Да и пока не о чем говорить Джанеуэю. Кучка каких-то испанских подростков у подъезда, может, они живут здесь, у пуэрториканцев всегда много детей...

Один из парней взламывал дверь подъезда.

Надо сказать Джанеуэю, подумал Эрхард. Но как? Чтобы сходить к нему, надо пройти к лестнице, а она начинается как раз у двери подъезда. А если они откроют дверь? Он же окажется беззащитным перед этими испанцами, они же растерзают его.

Это не мое дело, успокоил себя Эрхард. Мое дело — стоять тут тихоно и следить за пожарным ходом. Если Леви попытается проникнуть в свое жилище этим путем, вот тогда надо будет действовать, убить его, если потребуется. Эрхард стре-

лял плохо, к тому же пистолет производит слишком много шума, а шума он терпеть не мог. С близкого расстояния он, конечно, попадет в Леви. Если надо, еврея он всегда убьет. Это понравится Сцелю. Довольный, Сцель раздавал награды; недовольный, мог распять...

Дверь подъезда открылась.

О Господи, ужаснулся Эрхард. А если они пришли за мной? Я могу застрелить нескольких. Но не всех. А что потом остальные сделают со мной? Он боялся пуэрторианцев, когда по вечерам ехал один в подземке. Одна только мысль о них, пинающих его изувеченное тело, была мучительна для него. Джанеуэй. Джанеуэй. Это имя заполнило его сознание. Теперь это дело Джанеуэя, он-то знает, как поступить.

Шайка бесшумно пошла вверх по лестнице.

Эрхард вытер с лица неожиданно выступивший пот, прислушался к звукам шагов. Слава Богу, теперь решать и действовать не ему. Теперь это проблема Джанеуэя.

Джанеуэй стоял во мраке дальнего угла лестничной площадки, напротив двери Леви. Услышав шаги, он решил, что это полиция, но не огорчился. Леви, наверное, ведет полицию, но это не тревожило его. Во-первых, он работал в Отделе и легко мог это доказать. Во-вторых, их человека убили вчера вечером на этом самом месте, так почему бы ему не быть здесь, в засаде, выслеживая, делая все, что ему, черт возьми, положено по работе. Он хочет отомстить за смерть коллеги, и полицейские всегда поступают точно так же. А если Леви начнет предьявлять мелодраматичные обвинения — что ж, парень прошел через ад, брат умер у него на руках, кто будет утверждать, что сможет перенести такую ночь и остаться в здравом рассудке?

Шаги приближались.

Шестеро, прислушавшись, подсчитал Джанеуэй. Потом он внес поправку: семеро. И ясно, что не полицейские. Полицейские не могли бы двигаться так тихо.

Тогда кто же?

Стало как-то не по себе, но Джанеуэй соображал быстро, особенно в экстренных ситуациях, никто в Отделе не умел так быстро реагировать на изменение ситуации, как Джанеуэй.

Семеро, всего на этаж ниже его.

Поднимаются.

Все это чертовски раздражало, злость Джанеуэя была скорее от бессилия, чем от приближения опасности. В конце концов это не то положение, которое он обдумывал бы целый год. Больше нигде искать этого Леви. Логика подсказывала, что он должен прийти сюда за каким-нибудь хламом. Не самое лучшее решение, но не противоречит логике. Вообще Леви сейчас в плохом состоянии — избитый и порезанный, так что от него нельзя ждать разумных решений.

Семеро... кто они, черт возьми?!

Джанеуэй от удивления открыл рот, когда они поднялись на площадку.

Семеро мальчишек?

Джанеуэй присмотрелся. Нет, не мальчишки, постарше, но маленькие, по-видимому, от четырнадцати до восемнадцати, пуэрториканцы, шайка пуэрториканцев. Какого черта им тут надо?!

Вожак как бы в ответ на его вопрос принялся взламывать дверь в квартиру Леви.

Джанеуэй стремительно шагнул к ним, надеясь ошеломить их внезапно, припугнуть и прогнать.

— Нормально, — сказал он и достал пистолет, чтобы они могли хорошенько рассмотреть его, — а теперь пошли отсюда, быстро!

Подростки повернулись к нему, все, кроме вожака. Именно на него смотрел Джанеуэй: дави лидеров, толпа разбежится сама.

Вожак медленно повернулся к нему, оторвавшись от своей работы. Он взглянул на Джанеуэя, на его пистолет.

— Сунь его себе в зад, козел, — сказал вожак.

Джанеуэй подумал, что к таким репликам не готовят в школах оперработы. Вожак вновь принялся за работу.

Двое из взломщиков уже держали в руках оружие. Нет, не настоящее, конечно, не такое, как у Джанеуэя, но, по-видимому, сейчас им трудно что-нибудь доказать. Численное преимущество — семеро на одного — в их пользу, и они не боятся его, совсем не боятся. Тут вожак открыл дверь, и они все проскользнули в квартиру Леви.

Джанеуэй шмыгнул мимо открытой двери вниз по лестнице. Ясно, что оставаться здесь дальше — пустая трата времени. Придется кончить Леви на озере. Не идеальная ситуация, конечно, потому что к тому времени уже рассветет, а убивать всегда легче в темноте. Но, однако ж, оставалось только это, он уже опробовал все возможное. Так что остается только озеро. Теперь дело за Эльзой привести его туда.

26

Бэйб в нерешительности стоял перед входом в «Кауфманз». Должно быть, теперь где-то около шести, только-только начало рассветать. Бэйб взглянул вдоль 49-й улицы, потом вдоль Лексингтон-авеню, убеждаясь, что он еще в безопасности.

Параноик!

А как еще назвать человека, который крадется по городу на рассвете в коротком плаще и кроссовках? Да никто не собирается нападать на тебя в «Кауфманзе». Это известное место, людей не похищают из круглосуточных аптек. Бэйб сделал глубокий вдох — и воздух ножом резанул по оголен-

ному нерву. Да нет, он не параноик, просто измотался совсем. Толком и не спал с тех пор, как пришел Док, а когда это было, и было ли вообще?..

Бог ты мой, неужели только двадцать четыре часа назад его брат появился из темноты со словами: «Не убивай меня, Бэйб»? Неужто прошло только шесть часов после его смерти?

Стрелки часов в витрине «Кауфманза» показывали 5.51, самое время зайти, купить гвоздичное масло, потом ждать Эльзу. Бэйб зашел в аптеку и замер на полпути к отделу.

А что, если на гвоздичное масло потребуется рецепт?

Бэйб стоял у продуктового отдела, который простирался вдоль одной стены аптеки. Опять приступ паранойи? Да нет, что бы там ни было такое в этом гвоздичном масле, то, что так успокаивало боль, явно было наркотиком, а любой наркотик дают только по рецепту. Гвоздичное масло — неслабая штука, если оно так легко заглушает боль, тут ясно как день, что дело не с аспирином имеешь.

Надо бы сообразить что-нибудь основательное, ну-ка, ну-ка... У меня же был рецепт, но я забыл его дома, в бумажнике.

Не годится. «Сходи за бумажником» — вот что скажет аптекарь.

Ладно, меня ограбили! Вот. Потрясающе! Был у меня рецепт, наркоманы напали на меня по пути сюда и отняли рецепт вместе с цветным телевизором и печатной машинкой.

Ну вот, это уже лучше. Только не надо усердствовать, забудь о телевизоре и о машинке. Тебя ограбили, и все. Черт, я и сам бы поверил такому рассказу, а ведь выдумал на ходу.

Чувствуя уверенность, Бэйб пошел к фармацевтическому отделу и был уже почти у цели, когда понял, что аптекарь не поверит ему. Бэйб приближался к прилавку и видел, что продавец поджидает его с ухмылкой, которую можно было назвать странной, а потом веселый продавец пошел ему навстречу, и Бэйб запоздало заметил, что тот хромает.

Человеком, ждавшим его за прилавком, был Эрхард.

Бэйб крутанулся, бросился было к двери, но на его пути возник Карл, вышедший из-за книжных стеллажей.

Все кончено. Все. Бэйб обмяк, прислонился к прилавку.

— Чем-то помочь? — спросил Эрхард.

Бэйб поднял глаза. Голос был не Эрхарда, потому что продавец был вовсе не Эрхардом, мало ли хромых в городе. Бэйб повернулся к книжным полкам, туда, где ему преградил путь Карл. Какой-то старый толстяк рылся в книгах. Да, крупный, но похож на Карла не больше, чем балерина Павлова на Мерилин Монро. Да, я действительно становлюсь параноиком, подумал Бэйб. Нет, не становлюсь, уже стал, приехали.

Бэйб сделал вдох, пропуская воздух через зубы, и резкая

боль вернула ему ясность мышления. Боль усиливалась, и Бэйб несколько мгновений пытался привыкнуть к ней.

— Мне нужно немного гвоздичного масла.

— Гвоздичное масло, гвоздичное масло... — пробормотал продавец, — а позвольте узнать, зачем вам понадобилось это никудышное маслишко?

— Зуб, — ответил Бэйб.

— Я понимаю, что вы не собираетесь красить им свое биде, голушь вы мой, я имею в виду, что есть лекарства гораздо лучше.

— Пожалуйста, дайте мне гвоздичное масло, — сказал Бэйб. Уже было 5.56 утра.

Аптекарь захромал назад за прилавок.

— А теперь я перед вами кладу зубные капли «Красный Крест». — На прилавке появилась упаковка капель. — Гораздо лучшее средство, по мнению вашего покорного слуги.

— Пожалуйста, дайте мне гвоздичного масла, — повторил Бэйб.

— Понимаете ли, это лекарство содержит гвоздичное масло, плюс многие другие чудесные добавки, плюс ватные тампончики и зубочистки, так что вам лишь остается насадить тампончик на палочку, макнуть его в эликсир, прижать к зубу — и все, вашу боль как рукой снимет!

— Пожалуйста, дайте мне гвоздичного масла, — произнес Бэйб в отчаянье.

— Так, значит, вы все же настаиваете на гвоздичном масле? — спросил аптекарь. — Да, некоторые люди просто помещаны на нем, — тут аптекарь выставил на прилавок бутылочку с маслом.

Бэйб заплатил, взял бутылочку, вышел из аптеки и посмотрел по сторонам.

Эльза припарковалась на автобусной остановке через дорогу и не выключала двигатель. На ней был тот же самый черный блестящий плащ, что и во время их знакомства.

Бэйб открыл бутылочку, капнул масла на указательный палец и принялся растирать зуб, капнул еще и снова растер. Когда действие лекарства началось, он закрыл бутылочку, засунул ее в карман и пошел к машине. Эльза заметила его, протянула через открытое окно руки. Он обнял ее, стоя снаружи, потом обежал машину, сел рядом с Эльзой, и тут они долго обнимались. Пока не засигналил подошедший сзади автобус. Эльза неохотно высвободилась, положила руки на руль, машина тронулась.

— Пододвинься ближе, — сказала она, отдыхай.

Бэйб положил голову ей на плечо и закрыл глаза.

— Устал я.

— Ничего, усталость пройдет, и, я уверена, мы будем счастливы.

— Было бы неплохо получить кусочек этого счастья прямо сейчас.

— Тебе нравится эта машина? Я чуть было не продала из-за нее свое тело.

— Очень даже милая, — сказал Бэйб, с трудом открывая глаза.

— Мой сосед сверху считает меня очень привлекательной. После твоего звонка я поднялась к нему, разбудила и попросила дать мне машину.

— И что он хотел за свое одолжение?

— Сам знаешь что. Ты мне сказал по телефону, что хочешь поехать в какое-нибудь спокойное место, где можно будет посидеть и подумать, а у этого соседа, у которого машина, у него как раз есть такое местечко, мы могли бы поехать туда, это около озера.

— Около озера?

— Да, у него маленький домик в часе езды отсюда. Там всего несколько домов и пристань и очень красиво. Он меня как-то приглашал туда на выходные, и мы жили как в вагоне метро: на озере целыми днями ревели моторные лодки с лыжниками, но то было лето. В сентябре уже пусто. На выходные, правда, приезжают несколько человек, но посреди недели, как сегодня, там никого нет. Ну что, едем?

— Да, — выдавил из себя Бэйб, сонно моргая.

— Спи, — прошептала Эльза.

Опустив голову на ее плечо, Бэйб закрыл глаза и подумал, что мог бы выбрать более подходящее время, уединенное место для скорби и траура... И тут у него ручьями потекли слезы.

Затем, так же неожиданно, как началось, все кончилось одним вдохом, как напоминание о том, что все это было. Было. Он оплакал брата.

Эльза смотрела на него почти со страхом.

— С тобой все в порядке?

Он кивнул.

— Устал я.

Она обняла Бэйба, прижала к себе.

— Скоро озеро. Там все будет чудесно...

И правда, место было чудесное. Они приехали уже после семи, и солнце высоко стояло над водой. Пока они объезжали вокруг виллы, Бэйб убедился, какое это спокойное место. Никаких признаков жизни. Только пыль клубится по дороге за ними. Бэйб опустил стекло со своей стороны. С воздухом в салон потекли звуки природы — давненько он не слышал их, уже несколько месяцев как безвылазно сидит на Манхэттене.

Эльза остановила машину в конце аллеи.

— По-моему, дом вот этот, — сказала она, выйдя из машины. — Надеюсь, что этот. Я знаю, где он хранит ключи, —

Она подошла к крыльцу, наклонилась к водосточной трубе. — Половина домовладельцев прячут ключи в водосточных трубах. — Немного повозившись, она открыла дверь, зашла внутрь, быстро вышла назад. — Сыро.

— Оставь дверь открытой, пусть проветрится, — сказал Бэйб. — Давай пройдемся до озера.

Эльза кивнула, сошла с крыльца, протянула ему руку, и они зашагали к воде. Яркое светило солнце. Утренний ветерок утих. Они вышли к маленькой пристани. Бэйб показал на дом:

— Сцеля? — спросил он.

— Зельца? — переспросила она, будто не расслышала.

— Да ладно тебе. Ты с ними заодно. Не могу понять, что ты у них делаешь, но ты из их компании.

Эльза покачала головой, улыбнулась.

— Ты все делала как следует, никаких ошибок или промахов, но Джанеуэй как-то сказал: «А потом вырабатывается чутье на действия противника, чутье на образ его мышления».

И на этот раз она переспросила:

— Джанеуэй?

— Я говорю, — выкрикнул Бэйб, — о двух больших знаменитостях, о Джордже Сцеле и Элизабет Джанеуэй, так что прекрати изображать из себя дуру.

— Прости, — сказала она и крепко сжала его руку, с любовью глядя на него.

— Ты очень уставший и смешной, я беспокоюсь за тебя.

— Брат любил меня и беспокоился обо мне.

— Знаю. Ты прошел через кошмар.

— Он действительно очень любил меня. Мы заботились друг о друге, а после того, как ты сорвалась из «Лютеша», знаешь что он сказал? Он велел мне забыть тебя, потому что меня ты не любишь, а просто используешь для чего-то. Я сказал: «Чушь, откуда тебе знать?» И он ответил, что ты слишком хороша для меня, значит, я тебе нужен для чего-то. Можешь представить, как мне было обидно. Я понимаю, что не красавец, но ты прикинь, каково тебе будет, когда человек, любящий тебя, говорит такое? Это выбило меня из колеи, я решил, что ошибался, что он не любит меня, потому что, если любишь человека, никогда не скажешь ему такое... А потом, когда он умер, когда истек кровью у меня на руках, я понял, что он был прав. И я тогда припомнил все эти странности, как ты скрыла, что ты немка, и Сцель тоже немец, и то, как вдруг встала там, в парке, перед избиением, и как сразу нашла соседа с машиной и уединенную виллу. Все это, конечно, ничего не значит, и в суде не признают уликами, но ты во всем замешана, я знаю, и Док знал, поэтому я спрашиваю тебя еще раз: это дом Сцеля или нет?

— Киноактера Джорджа Сцеля? Не думаю. Я бы обязательно об этом что-нибудь слышала.

— Что ты делала для Сцеля?

Эльза вздохнула.

— Том, это уже не смешно, хватит.

— Где Джанеуэй?

Эльза горестно покачала головой.

— Так что, раньше это был дом Сцеля?

— Том, поверь мне, я не могу сказать тебе того, чего не знаю.

— Когда они приедут сюда?

Эльза пожала плечами.

— Что ты делала для Сцеля?

— Ничего.

— Во сколько они должны подъехать?

Видимо, она поняла, что это будет продолжаться до бесконечности, потому что тихо ответила:

— Скоро.

— Я так и думал, — сказал Бэйб.

Они стояли рядом на крохотной пристани, а солнце припекло все жарче, и правда уже была сказана, хотя не вся, конечно. Бэйб не мог думать ни о чем другом, как о Гэтсби, как он попал в дом к Дэйзи, перед тем когда они отправились в роковое путешествие. Дэйзи тогда сказала: «О, вы кажетесь таким холодным, вы всегда такой холодный». Том не знал, что она любит Гэтсби, и его мучительный вояж из Шафтера на голубую лужайку был напрасен.

Они медленно зашагали к пустому дому с открытой дверью. Дому, полному привидений.

— Это был дом его сестры, — Эльза кивнула в сторону дома. — Когда сестра умерла, отец Сцеля сам присматривал за домом, приезжал сюда на выходные, он и озера напоминали ему родину.

— Почему они задерживаются, как ты думаешь?

Эльза пожала плечами.

— Просто проверяют, нет ли за тобой полиции.

Бэйб не мог удержаться от улыбки. Никто не мог понять, что ему требовалось только одно: заключительная встреча «друзей». Он хотел совершить свой поступок, не думая о том, чем все это закончится.

— Не будет полиции, — сказал он.

Они подошли к дому.

— Что ты делала для него?

— В основном курьерская работа. Бриллианты шли из банка в столицу, оттуда — в Шотландию, а там антиквар их продавал. Я отвозила деньги в Парагвай, там меняла валюту и отдавала деньги Кристиану.

— Хорошая, наверное, работка, не напрягаться, много путешествовать.

— Так было нужно.

— Моего брата убил Сцель?

Она ничего не ответила.

Они вошли в дом, проследовали в гостиную, выглянули в окно. Издалека донесся гул машины.

— Они? — спросил Бэйб.

— Я думаю, да.

Звук двигателя постепенно нарастал.

У Бэйба заболели зубы. Резкая, острая боль. Он пошарил в карманах плаща. В левом — коробка патронов, в правом — заряженный отцовский пистолет, а стрелок он неплохой, просто отличный стрелок. Верный Глаз с отцовским пистолетом, а как же, черт возьми! Сколько времени он угрохал на тренировки, стрелял и стрелял, надеясь отомстить за отца.

А теперь вот месть близилась: по дороге к вилле ехал Кристиан Сцель, и через некоторое время он должен умереть. Сцель убил их обоих: и Г. В., и Дока. Да, он убил Г. В., хотя их разделяли годы и континенты, но наци всегда остается наци. И это он убил Дока. Не могли же его убить эти недоумки, Карл и Эрхард: Док бы справился с ними одной левой. Бэйб стоял не шевелясь, наблюдая за приближающимся автомобилем, думая, что наконец сбываются все его мечты, и вот в такой-то замечательный момент он почувствовал, что ему страшно.

Бэйб был бессилен, он разваливался, рассыпался.

Он слышал, как бешено колотится его сердце. Да, он большой мастер стрелять, он попадает в любую цель с любого расстояния, но он никогда прежде не стрелял в плоть. Неужели он опять свалит дурака, покажет, какой он трус? Если бы он не был трусом, если бы зашел тогда в комнату с этой чертовой бумагой, Г. В. был бы жив до сих пор... Господи, Господи, Господи! Всего один только раз, не позволяй мне думать слишком много, я охочусь за зверями, дай мне тоже стать зверем, я никогда не просил такого раньше, у меня больше не будет такой возможности, только один раз, только сейчас, пожалуйста...

Зуб разболелся невыносимо. Бэйб нашарил в кармане бутылочку с гвоздичным маслом и разбил ее вдребезги о стену.

Эльза испугалась звука разбитого стекла.

— Болеутоляющее, — начал было объяснять Бэйб, но подумал: не спеши, пусть она считает тебя психом, забудь о ней, только вдыхай, вдыхай.

Он со свистом набрал воздуха, пропуская его через оголенные нервы. В комнате было слышно только его прерывистое дыхание. Бэйб вдыхал и вдыхал воздух. О, черт! Какая боль! Боже мой! Но так надо.

Автомобиль ехал на малой скорости.

Эльза пристально смотрела на испуганное лицо Бэйба.

Автомобиль остановился около машины Эльзы. Вышли Карл, Эрхард, Джанеуэй. Бэйб резко повернулся к Эльзе, схватил за плечи:

— Где Сцель? Их только трое, где он?

Эльза пожала плечами.

Бэйб смотрел на машину, моля Бога, чтобы появился Сцель, но автомобиль был пуст. И все теперь было напрасно. Сцель не приехал, но где он может быть? Не бриллианты же сейчас забирает: ни один банк в такое время еще не работает. Все равно, не получится у него забрать эти чертовы камешки. Если владелец вклада умер, то вклад опечатывается до тех пор, пока суд не разберется, что там лежит и кому что причитается. Они с Доком прошли через все это, когда умер Г. В., не могли добраться до его вклада, долгое время было запрещено трогать его, хотя трогать-то там особо было нечего.

— Может, Сцель ждет у банка? У какого банка?

— Я ничего не знаю.

Бэйб вытащил пистолет и наставил на нее.

— Я не боюсь, — сказала Эльза.

— Посмотрим, — сказал Бэйб и жестом велел выйти на крыльцо.

Она подчинилась, Бэйб пошел за ней, рука с пистолетом была уже влажной.

— Привет! — окликнул их Джанеуэй. Он стоял между Карлом и Эрхардом и улыбался ослепительнее, чем когда-либо. — Может, нам стоит зайти в дом, поговорить, — предложил Джанеуэй, а у Бэйба из головы никак не шел Гэтсби, и все вокруг казалось той вечеринкой на вилле, смех и веселье, чай с сэндвичами... пока не подошло время...

— Он вооружен, — сообщила Эльза. — У него пистолет.

— Да, сегодня без оружия никак нельзя, — сказал Джанеуэй все с той же ослепительной улыбкой.

— Ну еще скажи «дружище», ну, что же ты? — усмехнулся Бэйб.

Джанеуэй двинулся к крыльцу.

— Мой любимый роман и твой тоже «Великий Гэтсби», — сказал он. Карл и Эрхард устремились за ним.

Бэйб дал им подойти поближе, потом сказал:

— Стоять!

Джанеуэй подчинился, его спутники — тоже.

Бэйб медлил.

— Мы ожидаем дальнейших указаний. Что нам делать теперь? — Джанеуэй еще раз включил свою улыбку.

Бэйб не знал, что ему делать, он был не в своей тарелке. не знал правил игры. Можно начать стрелять, достать одного, но тогда останутся еще двое... У него была заложница, и это, наверное, хорошо, но что с ней делать? Может, попробовать ее использовать? Как? Да и клонут ли они на это?

— Наверняка есть более полезные способы провести время, — заметил Джанеуэй.

— Мне нравится ждать, — сказал Бэйб, но это было неправдой: он терпеть не мог ждать. Однако что-то беспокоило Джанеуэя, ему не хотелось торчать тут, так что имеет смысл выждать.

— Скажи Карлу, нервничать не надо, — насмешливо произнес Бэйб. — Они будут здесь через пять минут. — И прежде чем они успели спросить, кто такие «они», Бэйб добавил: — Легавые.

Бэйб был доволен этой выдумкой. Троица боялась появления полиции, почему бы не дать ей немного поволноваться?

— Он сказал, что полиции не будет, — сообщила Эльза.

— Вполне возможно, — кивнул Бэйб.

Эрхард повернулся, чтобы взглянуть на дорогу. Карл что-то забормотал, но Джанеуэй отмахнулся от него.

— У меня нет часов, кто-нибудь знает точное время? — спросил Бэйб.

— Я не верю, что приедет полиция, — заявил Джанеуэй.

— Кое о чем мы думаем одинаково. Я тоже не верю. — Бэйб улынулся Джанеуэю, как он считал, ослепительно.

Это было решающее мгновение. Потому что Джанеуэй сразу предложил:

— Ну ладно, сколько? Может, обсудим условия в доме?

Джанеуэй развел руки в стороны, демонстрируя свое миролюбие. Карл и Эрхард последовали его примеру.

— Это, по идее, должно вызвать мое доверие к вам? — поинтересовался Бэйб.

— Совершенно верно.

Бэйб махнул пистолетом и попятился назад, увлекая за собой Эльзу. Он пятился до тех пор, пока не уперся спиной в угол. Первым в комнату зашел Джанеуэй со все еще разведенными руками. За ним — Карл, а Эрхард закрыл дверь.

— Ты понимаешь, конечно, — начал Джанеуэй, — что я уполномочен назвать ограниченную сумму, только Сцель может дать...

— Ну хватит, какие там условия: вам нужно было зайти в дом, чтобы легче меня прикончить, — сказал Бэйб.

— Так зачем же ты впустил нас? — спросил Джанеуэй.

— Теперь вы все у меня на убойном расстоянии. — Бэйб оттолкнул от себя Эльзу.

Джанеуэй оценивающе разглядывал его.

— Ты не годишься для этой роли, у меня на твой счет большие сомнения.

— Я всегда попадал в цель, — сказал Бэйб. С руки, сжимавшей пистолет, пот уже почти лился. Сердце снова бешено заколотилось, и Бэйб побледнел. — Да, всегда, — сказал он, но слишком громко, чтобы убедить кого-нибудь.

— Полиция не придет, — сказал Джанеуэй, — иначе не было бы такой паники.

— Нет, придет, — сказал Бэйб, — и я посмотрю на вас, сукиных детей, когда они заберут вас всех, а потом и Сцеля, всех до единого. — Бэйб задышался от этих слов.

Джанеуэй сделал маленький шагок в сторону.

— Ну вот мы тут и подождем, — сказал он очень мягко, — и никто не будет ничего предпринимать, не так ли, Карл? Потому что нам этого не надо, так ведь, Эрхард? Будем смотреть и ждать, и ты, Эльза, отодвинься немного, пожалуйста, а то парню и вздохнуть просто негде.

Высокий, кожа да кости, Бэйб прислонился к стене. Положение, конечно, ужасное, но он еще не все потерял: у него есть пистолет, он его крепко держит; но все, кроме пистолета, ускользало из его рук. И он, и они понимали это. Немного было секретов у них друг от друга.

— Я вам скажу свои условия, — проговорил Бэйб, но не так громко, как в прошлый раз.

— Да, конечно, мы слушаем тебя. — Взгляд голубых глаз Джанеуэя полоснул по Бэйбу.

Он понимает, догадался Бэйб. Он знает разницу между выстрелом по мишени и выстрелом в человека, он знает, как разрывается плоть, как ломаются кости. Он знает, как кричат и как умирают. И он понимает, что я этого всего не знаю.

— Мое главное условие — Сцель. Он мне нужен. Скажите, когда и где он будет забирать свои бриллианты, и дайте мне час форы.

— О, мы согласны, — тут же ответил Джанеуэй. — Вполне приемлемые условия, только вот я не знаю, как насчет форы, как нам это сделать. Что, если ты уедешь в одной машине и продырявишь колеса у другой? Если так случится, мы будем отставать от тебя примерно на час, и тогда мы все будем довольны и счастливы. Как ты думаешь?

— Я думаю... — начал было Бэйб.

Вдруг Джанеуэй пронзительно крикнул: «Нет!» Карлу надоело стоять, и он решил взять Леви, тогда победа будет принадлежать ему одному, а не Джанеуэю с его разговорами, не Эрхарду с его скулежом. Карл, вытянув свои огромные лапы, неся к худошавой фигуре в углу, которая пыталась вжаться в стену. Пальцы Карла растопырились, а когда до цели оставалось с полметра, Бэйб прострелил ему глаз. Карл взвыл и, споткнувшись, врезался в стену. Бэйб перекатился в сторону, потому что Джанеуэй начал доставать свое оружие. Угловатое тело Бэйба двигалось теперь с какой-то легкостью. Он это чувствовал и удивлялся, он больше не казался себе гусем, теперь он был смертельной опасностью, смерть была у него в руках, враги — вокруг него...

Эрхард повернулся в сторону двери. Бэйб выстрелил, и Эрхард закричал, как Карл, и упал. А Джанеуэй был уже в

броске, пистолет, готовый к выстрелу, в руке, еще не наведенный. Что тут делать? В сердце или в руку метить или выбить пистолет, как диверсанты в фильмах?.. Из-за этой нерешительности Бэйб выстрелил не целясь и попал в живот. Этим нельзя было остановить Джанеуэя, поэтому он выстрелил еще раз, и теперь Джанеуэй упал, пистолет его заскользил по полу, но Джанеуэй был еще жив. Бэйб даже удивился, что же надо сделать, чтобы остановить его? Он выстрелил опять, когда заметил, что Эрхард шевелится. Только бы не промазать, подумал Бэйб.

Эльза решила подобрать пистолет Джанеуэя, и Бэйбу пришлось ударом сбить ее с ног. Нужно было перезарядить пистолет, а времени не хватало, она опережала его, только она была девушкой, а он — марафонцем, и его ноги перенесли его к оружию быстрее. Он отбросил пистолет в сторону, потом прыгнул за ним, схватил его и направил дуло в лицо Эльзе. Палец на спусковом крючке напрягся... И она закричала:

— Нет, Господи, нет!

Бэйб спросил:

— Банк, банк Сцеля?!

Она ответила:

— Я не знаю.

Эрхард стонал и стонал, его искалеченная нога дергалась, из Джанеуэя рекой текла кровь...

Бэйб прокричал:

— Ты лживая сука, ты знаешь, ты знаешь и скажешь мне, не то я убью тебя!

— Все равно ты убьешь меня.

— Это точно, гадина, я убью тебя, но ты все расскажешь мне...

Теперь ее лицо уже не было красивым, оно перекосилось от страха, но она сумела выдать:

— Мэдисон... угол Мэдисон и Девяносто первой.

Для Бэйба такое известие было бы радостным, новость была бы просто восхитительной, но не теперь, потому что Джанеуэй не умер, он вдруг схватил Бэйба за ноги. Бэйб почувствовал, что теряет равновесие, и начал стрелять и стрелять в тело Джанеуэя. Тут он увидел, что Эрхард тоже подползает к нему... Бэйб продолжал стрелять, но все тела двигались на него, и Бэйб удивился, где же Док и Г. В. — один с окровавленным виском, другой с выпотрошенными внутренностями. Почему они тоже не тянутся к нему? Вселенная истекала кровью, вся Вселенная истекала кровью и тянула к нему руки, стаскивая его вниз...

Он и понятия не имел, что такое место, как бриллиантовый рынок, существует где-то в мире, но оно существовало, во всем своем этническом величии, простиралось от Пятой до Шестой авеню по Сорок седьмой улице. Сцель стоял с чемоданчиком в руке на тротуаре.

Даже банк на углу Сорок седьмой улицы и Пятой авеню был Государственным банком Израиля. Вполне логично, подумал Сцель, его поставили здесь для того, чтобы Избранный Народ мог жить тут и дальше, тратя дни свои на отчаянные торги.

А вывески, Бог ты мой, вывески! Тут тебе и Биржа Бриллиантов, и Ювелирная Биржа, и Биржа Ювелиров, и Бриллиантовый Центр, и Бриллиантовая Башня, и Бриллиантовая Галерея, и Бриллиантовая Подкова. Каждое из заведений — обыкновенный склад, заставленный крохотными прилавками, вокруг которых толпятся евреи, налетая, пытаясь надуть, перехитрить продавцов. А среди этих больших ювелирных магазинов — маленькие, но очень дорогие частные лавочки. Сцель присматривался к ним: потом нужно будет зайти потолковать, он должен кое-что узнать. Проходя мимо этих магазинчиков, Сцель заметил, что все они заперты, а чтобы войти, надо позвонить в специальный звонок у входа — постоянное «дзинь-дзинь» было неотъемлемой частью Сорок седьмой улицы, столь же характерное, как и тонкий запах салями, молодые люди в круглых шапочках и бородатые старики.

Решив непременно вернуться сюда, Сцель вышел на Шестую авеню и взял такси, чтобы доехать до своего банка. Он знал, что банк открыт, хотя и не собирался заходить в него по двум причинам. Первая: его самолет в Южную Америку улетал только в семь вечера, и чем дольше он будет находиться на улице с бриллиантами, тем больше риск.

Все из-за Сциллы.

Он был второй причиной. Хотел ли Сцилла ограбить его, и осуществляется ли еще этот план ограбления? Поменяйся они местами, он непременно бы ограбил Сциллу? Кто бы удержался от соблазна завладеть одним из крупнейших в мире состояний, да еще зная, что жертва не побежит жаловаться в полицию?

Насколько это опасно?

Через Центральный парк такси выехало к Девяностой улице. У резервуара Сцель велел водителю свернуть на Мэдисон-авеню, где находился банк, краснокирпичный и прекрасный.

Тут Сцель сосредоточился.

Он обладал феноменальной памятью на шахматные комбинации, конфигурации резцов, на носы, руки, цвет волос и велел водителю кружить в районе банка, а сам замечал все детали на этом участке Девяносто первой улицы. После восьми

Сцель совершил еще один объезд и теперь сравнивал, проверял и перепроверял все увиденное: а действительно ли эти двое швейцары — слишком неестественно они держатся, а те почтальоны — не слишком ли суетливы? Сцель никогда ничего не упускал и изменять привычке не собирался.

Он закончил инспекцию прилегающей к банку территории и решил, что, в общем, все нормально. Потом расплатился с таксистом на углу Лексингтон-авеню и Девяносто третьей улицы, вышел и, после того как первое такси скрылось из виду, поймал еще одно и отправился назад — к центру торговли бриллиантами.

Возможно, считая свой вклад в банке крупнейшим в мире состоянием, он был прав, но знать это наверняка не мог.

Сцель не имел ни малейшего понятия о цене бриллиантов.

Когда-то он, конечно, знал цены хорошо, но то было в другой жизни, в другом месте. Узнать хотя бы приблизительно что почем, перед тем как увидит свое сокровище. Остаток его жизни, уровень этого остатка зависит от того, как хорошо он будет разбираться в ценах. Вот почему Сцель возвращался на Сорок седьмую улицу. У него были вопросы, на которые он хотел получить ответы, и, вновь оказавшись на рынке бриллиантов, он заплатил таксисту с гораздо большим удовольствием, чем он это делал прежде.

Сцель шел по Пятой авеню, легко помахивая своим саквояжем, к тем магазинчикам, что заметил заранее. Он решил начать с небольших камней — выяснить цену камня в один карат: если начнет интересоваться стоимостью великанов, это привлечет к нему внимание более пристальное, нежели он хотел бы. Сцель толкнул дверь магазина «Кац» — она оказалась запертой. Над кнопкой звонка виднелась надпись «Нажать». Сцель нажал. Звонок зазвенел. Дверь открылась.

И эти люди считают Германию ужасной страной!

— Я хотел бы, если можно, взглянуть на камень в один карат, — сказал Сцель крошечному человечку, который ходил как привязанный вокруг прилавка.

Человечек удивил его вопросом:

— А почему?

— Потому что... — начал было Сцель, но вышло у него чересчур по-немецки — «паттаму штто», — а здесь это было ошибкой. Сцель насторожился: заметил ли маленький продавец?..

— Потому что, если вы просто пришли взглянуть, ступайте к витринам на улице, но если вы действительно заинтересованы, если вы хотите купить лучший камень в этом квартале, то я к вашим услугам.

— Сколько это будет стоить? — спросил Сцель, кивая, потому что все камни в витрине были бриллиантами чистой воды, высшего качества.

— Прежде чем я отвечу, мы сходим к одному независимо-

му оценщику, и если он вам не скажет, что я просто даром вам отдаю камень, я съем свои уши.

— Пожалуйста, — сказал Сцель, — не назовете ли вы мне стоимость камня в один карат?

— Погодите, погодите, сначала вы говорите, что пришли посмотреть, теперь вы хотите знать: сколько? Деньги — это мусор, я продаю ценность, и после того, как мы спросим оценщика, вы поймете, что я ваш человек, а не надуватель какой-нибудь. Идет?

Сцель усилием воли сдержал себя: больше тридцати лет его приказы беспрекословно исполнялись, а наглость этого жида была просто непереносима. Ему задают вопрос, а он не отвечает.

Сцель молча повернулся, вышел из магазина и направился дальше.

Толчок.

Дзинь.

Открыто.

Заведение было окрашено в синие тона. В нем было двое мужчин: один спиной к Сцелю, потеющий толстяк, но тот, который подошел к Сцелю, был, несомненно, джентльменом — усы ниточкой, одет в тон стенам.

— Да, сэр?

Сцель стал британцем.

— Меня интересует стоимость бриллианта в один карат.

Усатый улыбнулся.

— Это все равно, что вы спросили бы меня о стоимости картины. Цены колеблются.

— Мы с женой женаты уже двадцать пять лет, понимаете ли, она обожает бриллианты, так что я куплю ей один и подарю, пока не исполнится шестьдесят, хотя не уверен, что мы доживем до таких лет. Так что решил вот сделать сюрприз.

— Я могу сказать вам пределы, сэр. Камень в один карат на этой улице вы найдете самое меньшее за триста пятьдесят. У меня есть один за четыре тысячи. Решайте сами.

— Четыре тысячи, — ответил Сцель снисходительно, потому что никогда не связывался с такой мелочью.

Продавец перегнулся через прилавок.

— Вы очень проницательны, сэр: покупать надо всегда лучшее. Бриллианты — лучшее помещение капитала, цена на них постоянно повышается, особенно на хорошие камни, их всегда не хватает, а спрос не перестает расти. Вот, например, хороший бриллиант в три карата легко пойдет сегодня за восемнадцать тысяч, хотя в следующем году цена приблизится к двадцати пяти.

Сцель кивал, стараясь точно запомнить цифры, это было не так легко, потому что толстяк все громче и громче говорил по телефону:

— Арни, я понимаю. Арни, Бог мой, мы знаем друг друга уже двадцать лет. Арни, ради Бога, я знаю, что она еврейка; понятно, ей нужен был камень, только скажи мне, сколько ты можешь дать? Двенадцать? Дашь двенадцать? Потому что за двенадцать я тебе дам такой камень, она просто пальчики оближет, когда узнает, что за двенадцать. Позвони мне сегодня, Арни.

Когда толстяк повесил трубку и повернулся, Сцель ахнул: Боже мой, я знаю этого еврея, я работал с ним!

Толстяк встал, выпрямился, взглянул на Сцеля.

Тогда он наверняка был сильный человек — и не такой толстый, иначе не выжил бы. Благодаря своей силе он и работал, видимо, у Круппа и Фарбена. Господи, сколько обитателей этой улицы прошло через его руки?

Теперь и толстяк уставился на него.

Сцель понял, что ему надо бежать, но не мог, просто не мог сдвинуться с места. Больше всего он боялся такой встречи: среди белого дня со своей жертвой.

— По-моему, я знаю вас, — нахмурился толстяк, — ваше лицо мне знакомо.

— Может быть, — ответил Сцель, стараясь непринужденно говорить по-британски. — Я обожаю неожиданности. — Сцель протянул ему руку: — Гессе, к вашим услугам. — Он обменялся рукопожатием с толстяком. Потом протянул руку усатому: — Гессе, к вашим услугам. Кристофер Гессе, может, заходили в наш магазинчик в Лондоне, мой и моей жены.

— Это был не Лондон, — сказал толстяк.

— Ну, мы живем там с середины тридцатых... Гитлер, видите ли... Мы евреи и не уезжали, пока могли. Друзья сочли нас паникерами, но мы все же уехали, открыли маленькую забегаловку около Айлингтона, сейчас это популярное место, не как в то время, когда мы там поселились. Не хочу хвастаться, но можно сказать, что мы преуспели.

Сцель был даже горд собой: подозрительный взгляд толстяка смягчился.

— Давно хотел побывать в Лондоне, — сказал усатый.

— Побывайте непременно, — посоветовал Сцель, — и обязательно зайдите к нам.

— Хорошо, — пообещал усатый. — Хотите посмотреть что-нибудь?

— Пожалуй. Вот только хозяйку сейчас прошу осторожно, посмотрю, какотреагирует. Четыре тысячи — подходящая сумма.

— Так я придержу этот камень?

— Да, конечно.

Сцель взял свой саквояж и вышел из магазина.

Он шел мимо мужчин в шапочках, пожилых ученых мужей, торговцев вразнос. Улица была забита битком. Становилось жарко. Сцель взглянул на часы и увидел, что уже больше

одиннадцати. Он собирался заехать в банк как можно позже. У него было в запасе несколько часов, чтобы побродить, посмотреть достопримечательности, получше запомнить Манхэттен. Надо отдать американцам должное: место это необычное, везде высота, маленькие узкие улицы, остроконечные здания...

Он так засмотрелся, что когда услышал слово «Энгель», то не понял, откуда оно донеслось: то ли из музыкального магазина, то ли просто крутится у него в голове. Но, услышав его во второй раз, Сцель понял, что кричат не просто «Энгель», а «дер Энгель», и почувствовал, как учащается пульс.

Женский голос, переходя в истошный крик, продолжал надрываться:

— Дер вайссер Энгель¹.

К Сцелю так не обращались со времен Освенцима. Он увидел кричавшую, прямо напротив него, на другой стороне Сорок седьмой улицы, древнюю согбенную ведьму, которая одной рукой указывала на него, а другой схватила за сердце и кричала, кричала:

— Дер вайссер Энгель!

На какое-то время Сцель прирос к месту, но окружающие уже начали прислушиваться. Проходивший мимо испанец шел себе дальше, и негр тоже: какое им дело до того, что старая сошла с ума и что-то кричит. И молодые евреи тоже не остановились...

Но тут бородатый старик обернулся на крики.

— Сцель? Сцель здесь?..

Потом другой старик спросил:

— Где Сцель?..

А потом женщина-великанша с низким глубоким голосом сказала:

— Он мертв, Сцель мертв, их никого больше нет...

— Нет! Нет! — кричала ведьма, растопырив пальцы. — Нет!

И тут Сорок седьмая улица начала волноваться.

Медленно, как можно медленнее, с трудом заставляя себя не спешить, Сцель пошел по направлению к Шестой авеню. Если он побежит, все будет кончено, если он побежит, все поймут, что на то есть причина, а причина в том, что он — тот, кто он и есть, — великий Кристиан Сцель. Причин для паники нет, перехитрить надо каких-то там евреев, которые к тому же не знают его в лицо. Знают немногие — толстяк из ювелирной лавки и ведьма старая, что все еще визжит. Но таких немного. Ну, имя, естественно, они знают. Но кто посмотрит сейчас на него, с его-то лысиной?

Если только он не побежит.

Спокойно, спокойно, скомандовал себе Сцель.

До Шестой авеню оставалось совсем немного. За его спи-

¹ Белый ангел (нем.).

ной крики принимали устрашающую силу, его имя повторяли по всей длине бриллиантовой улицы. Евреи вдруг замирали от страха, но потом приходили в себя, гадали, а правда ли это, разве Сцель еще жив, разве он может быть здесь, в Америке, и вдруг именно им удастся поймать его.

Медленней, скомандовал себе Сцель. Ты — турист, ты в безопасности, к чему спешка?

— Он уходит! — заверещала старуха. — Видите?! Видите?!

Все окна и двери лавок открывались, Сцель замечал их краем глаза на ходу, люди интересовались, что за шум стоит.

Сцель широко улыбнулся крупной даме, которая стояла у дверей очередной ювелирной лавки.

— А денек-то, а!

— Что за шум? — спросила крупная дама.

Сцель пожал плечами.

— Сумасшедший народ.

Дама ему улыбнулась.

Нормально, подумал Сцель, пока все нормально. Так, медленно. Медленно.

— Я остановлю его! — закричала ведьма.

Неожиданно для себя Сцель повернул лысую голову: если они собираются устраивать на него охоту, это меняет дело. Ведьма уже переходила проезжую часть, крича на водителей:

— Дорогу, дайте мне дорогу!

Она была старая и шла слишком медленно, автомобили останавливались и пропускали ее, но один не сумел, завизжали тормоза, крик перешел в истеричный визг, автомобиль все же задел ее, вреда, видимо, не причинил, но она все же упала на дорогу.

— Дурак! Дурак! Кто теперь остановит его?! — кричала она водителю, который вышел из машины и пытался помочь ей подняться на ноги.

Сцель шел дальше, пока наконец не достиг Шестой авеню. С чувством облегчения он повернул к деловой части города. Истерика и крики Сорок седьмой улицы остались за его спиной, в его прошлом, но кто знает, может, они позовут полицию, а те обязательно выслушают рассказ старушечки, а потом, может, и поверят ей.

Главное — не терять самообладания. И обязательно совершать неожиданные поступки.

Они подумают, что у него есть оружие, но у него оружия не было и не будет. Он ведь зубной врач, зачем ему пистолет? Он как-то пробовал стрелять, но стрелял весьма скверно. Пистолет дергался в руке. Он ни разу не попал. То, что у него нет пистолета, не значит, конечно, что он безоружен.

В конце концов, у него есть резак.

Его резак, хотя сам он ничего нового не изобрел: ножи, на-верное, существуют с тех пор, как люди выбрались на сушу.

Нет, он его несколько усовершенствовал. Его резак был постоянно прикреплен у предплечья и при необходимости быстро оттуда извлекался. Ручка была толстая, лезвие тонкое и острое, но только с одной стороны. От владельца требовалось сильно ударить или полоснуть — и живот или горло противника оказывались пораженными. Сцель любил бесшумность своего резака, особенно если сравнить с мерзкими звуками выстрелов.

Они думают, что у него есть пистолет. И что он побежит.

С удивительным спокойствием, вдруг охватившим его, Сцель решил никуда не уходить. Они решат, что он при первой возможности бросится ловить такси, искать станцию метро, все что угодно, только бы убраться подальше от этого места. Но Шестая авеню слишком уж непривлекательная, высокие здания совсем не пропускают солнечный свет, поэтому Сцель свернул назад, к Пятой авеню. На полпути к ней он заметил маленькую площадь, купающуюся в лучах солнца, и направился туда, а там раскрыл рот в неподдельном удивлении, глядя, как в этот жаркий день на превосходном льду раскалывают фигуристы. Сцель подошел к перилам и стал смотреть.

Невероятно!

И это самое прекрасное в Америке. Здесь, в джунглях непроходимого города, в полуденную жару люди вели себя как зимой. Дети смеялись и падали, старушки скользили в парах со старичками, держась за руки, а посреди катка веселились трюкачи, видимо, профессионалы. Они кружились и прыгали раздельно и вместе, как угодно, и Сцель заметил, что у этих мастеров было очень похожее телосложение — толстые ноги, ноги танцоров балета, только еще крепче, и тонкие, стройные торсы, совсем не такие, как у толстяка из второго ювелирного магазина, который вдруг положил ему руку на плечо, развернул к себе и, тяжело дыша, сказал:

— Я знал, что ты не англичанин, сукин сын, убийца.

Сцель, поворачиваясь, выдернул резак. Одно быстрое, почти незаметное движение — и горло толстяка оказалось перерезанным. Толстяк начал падать, хватаясь за шею; Сцель закричал:

— Человеку плохо! Позовите врача, скорее врача!

Толстяк без сознания упал на перила. Вокруг него собралась толпа. Он уже больше не держался за горло, и из горла полилась кровь. Кто-то кричал, но Сцеля в толпе уже не было, он бежал к свободному такси. К черту неожиданные поступки, над ним собирались грозовые тучи. Неприятности случаются подряд три раза. Старушечья — раз, толстяк на перилах — два... Сцель не собирался дожидаться, пока третья поступит по его плечу. Скорее в банк за бриллиантами! Он сказал таксисту куда ехать, по дороге открыл свой саквояж и, загораживая крышкой, начисто вытер платком резак.

В половине двенадцатого Сцель был снова на углу 91-й улицы и Мэдисон-авеню. Он не обнаружил ничего необычного, но это еще ни о чем не говорило. Если они дожидаются, когда он выйдет, если заговор существует, какая у него альтернатива? Да, деньги можно оставить здесь, но тогда к Рождеству у него не будет средств к существованию, да еще придется скрываться от правосудия. Незавидное положение.

Сцель отпустил такси и зашел в банк.

Ключ от банковского сейфа лежал у него в кармане, а номер сейфа геральдическим девизом был высечен в его сердце. Сцель быстро прошел к вывеске «Депозитные сейфы» и отправился дальше по стрелке — вниз по ступенькам, где увидел большие запертые ворота. За воротами шагал охранник. Сцель подошел к женщине, сидевшей за столиком у ворот. Средних лет, полная, но довольно милая негритянка.

— Мой ящик, — сказал Сцель и вытащил ключ.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Я думала, что знаю вас всех, но смотрю, новые люди подходят каждый день. Как вас зовут?

Сцель стал превращаться в немца. Если она опытная, работает давно, то должна знать его отца, у которого не было способностей к языкам — он не смог избавиться от немецкого акцента до самой смерти.

— Кристофер Гессе. Я доверенное лицо. Мой отец, — Сцель произнес «отесс», — депосит написан на его фаммилia. — Он улыбнулся негритянке.

— А, старый масса Гессе, — негритянка произнесла фамилию именно так. — Так вы его парень. Ни разу вас не видела. Это необычно — посылать доверенное лицо после стольких лет. — Она все еще смотрела на него с подозрением.

Почему у него так колотится сердце? Что она знает?

— Он умер, — объяснил Сцель.

— Бог ты мой, какая печальная весть. — Негритянка выпрямилась на своем стуле.

— Да, это ессть ошень пешально.

— Да нет, я о другом, — сказала она, — понятно, я тоже сожалею, но видите ли, у нас существует закон, по которому в случае смерти вкладчика вклад опечатывается до того, как он будет осмотрен адвокатами.

Сцель стоял и моргал.

— Так что, поймите, я не могу впустить вас.

Да, неприятности действительно приходят по три подряд.

— Да вы присядьте, мистер Гессе.

— Пошалуста, — выдал Сцель и начал плакать, слезы полились по лицу.

— Я не могу ничем помочь, мистер Гессе, закон дурацкий, но он существует, и я обязана исполнять его.

— Пошалуста, фы говорить слишком быстро, — Сцель уста-

ло опустился в кресло, закрыл лицо руками. — Только еще три недели...

— Я не могу понять вас, мистер Гессе.

Сцель взглянул на нее влажными голубыми глазами.

— Только еще три нетели, и мой отесс умер. Врачи так сказаь. Рак, они говорить. Я прошу. Пошалуста. Пошалуста. Только он оставаться в мой семья, дайте ему жить еще, пошалуста, больше чем три нетели.

— О, так это совсем другое дело, — сказала негрityнка. — Если он только болен, то, конечно, вам можно зайти. — Она быстро оформила ему пропуск и велела охраннику: — Джордж, проводи молодого мистера Гессе к его сейфу. — Сцель она сказала: — Дайте Джорджу ваш ключ, мистер Гессе, что же вы.

— Спасипо, — отчеканил Сцель, протянув сквозь решетку ключ. После многочисленных замочных щелчков ворота наконец открылись, и Сцель прошел вслед за охранником в зону сейфов.

— Желаете отдельную комнату? — спросил охранник.

— Пошалуста.

Охранник вставил ключ в замок, достал другой, вставил его во второй замок, провернул их по очереди, вытащил большую коробку. Потом Сцель прошел за охранником в комнату. Охранник поставил коробку на пол. Сцель поблагодарил его. Тот кивнул и вышел.

Как ребенок на Рождество, Сцель осторожно поднял и встряхнул коробку в предвкушении приятной тяжести.

Коробка оказалась легкой как пушинка.

Сцель откинул крышку.

В коробке ничего не было, кроме кофейной банки. Одна большая банка кофе «Мелитта», и все. В ярости Сцель рванул крышку с этой чертовой банки.

И посыпались бриллианты.

Сцель решил, что ему лучше сесть. Банка была заполнена доверху. Сколько их там? Сцель высыпал содержимое банки на дно коробки.

Звук получился громче, чем он рассчитывал, поэтому Сцель быстро закрыл коробку крышкой, на случай, если вбежит охранник. Успокоившись, он открыл коробку и стал разбирать бриллианты. Меньшие были размером с резинку на карандаше, и Сцель задумался, по сколько же они карат? Видимо, каждый больше трех. Еще несколько дюжин камней были размером с ноготь большого пальца.

Потом шли большие камни.

Много — размеры с орех-пекан, несколько — с грецкий орех. А этот размером с кулачок ребенка.

Сцель не мог выпустить их из рук. Он вдруг вспомнил лицо давно умершей хорошенькой женщины, хрупкой и молодой,

кузины, как она сказала, Ротшильдов. «А этого хватит, — спросила она, — этого достаточно?»

Да, моя дорогая, конечно. Больше чем достаточно.

Сердце Сцеля опять сильно забилося. Он осознал, что перед глазами — сокровище, о котором он и не мечтал. Я могу купить весь Парагвай, если захочу...

Сцель принялся собирать бриллианты, оставив замыслы о покупке страны. Он — владелец одного из величайших состояний, но какая от него польза, если приходится прятаться по всяким тропическим джунглям. Говорят, в Турции есть врачи, искусные хирурги, которые творят чудеса: и лицо изменить могут, а если выдержишь боль, даже укоротят тебя. Видимо, ничего иного не остается, как отдать себя этим людям. Пусть грабят. Если они основательно изменяют внешность, тогда можно попивать шампанское на континенте, пока подагра не свалит с ног в семьдесят пять лет.

Руки Сцеля дрожали, но он смог всыпать бриллианты обратно в банку и засунуть банку в саквож. Потом позвал охранника и вручил ему пустую коробку.

Сцель проследил за процедурой запирания, прошел за охранником к главным воротам, где негритянка сказала:

— Передайте привет вашему отцу, скажите массе Гессе, что мисс Барстоу передает ему привет.

Сцель улыбнулся ей и пошел вверх по ступенькам из здания, на солнечный свет, где он понял, что неприятности приходят по четыре, а три — это просто ерунда: по тротуару шел совершенный безумец, лунатик в кроссовках и плаще.

— Это опасно, — сказал Бэйб.

Сцель замер. Никаких резких движений. Если этот жив, то, вероятно, его люди уже мертвы, а это значило, что псих вооружен. Сцель заметил, как оттопыривается карман плаща.

Конечно, он тоже вооружен. Резак у него при себе, так что сдаваться он не собирался. А победить — это максимально сблизиться, подойти к врагу вплотную. Как только окажешься рядом с ним — шах и мат.

Сцель посмотрел вокруг, подыскивая подходящее для сближения место.

— Что такое? — спросил Сцель.

— Скажите мне только, где вы хотите умереть? — проговорил Бэйб.

— Ну что ты... — начал было Сцель, но тут увидел, как из кармана плаща появляется рукоятка пистолета, и понял, что костлявое существо, которое всего несколько часов назад плакало у него в кресле, нужно принимать всерьез. Всех сумасшедших нужно принимать всерьез. — Спрячь эту штуку. Я не смею над тобой. Я обладаю кое-чем интересным, возможно, придем к соглашению.

— Где вы хотите умереть? — повторил Бэйб очень мягко.

Его голос исходил из какого-то другого мира, уже нечеловеческого.

Сцель не мог поверить своим ушам. Он хочет убить меня, я несметно богат, а тут на пути встает слабоумный ребенок, который будет упиваться моей смертью.

— Парк, — выдавил Сцель. — В парке спокойно, и мы сможем поговорить. «Подойти друг к другу, — не досказал Сцель, — вплотную друг к другу».

Бэйб показал в сторону парка.

Сцель зашагал впереди.

— Ты должен выслушать меня, я хочу сказать тебе кое-что, — вкрадчиво говорил он. — Ты очень молод, но позволь заверить тебя: жизнь длинна, и лучше прожить ее с комфортом.

Бэйб молчал.

— Вы очень молоды, — повторил Сцель. Теперь в его голосе появилась умоляющая нотка. — Очень умны, но пока еще не мудры.

— Вы убили моего брата, — сказал Бэйб.

— Нет, это неправда, меня там не было, клянусь.

— Мне сказал Джанеуэй. И Эльза.

— Это было необходимо, — вздохнул Сцель. — Я не хотел, клянусь.

— Джанеуэй не говорил мне ничего. И Эльза тоже. Так что не волнуйтесь за меня. Я жутко мудрый.

Они уже подходили к парку.

— Убив меня, ты не добьешься ничего.

— Вам-то что?

— Ничего.

— Быстрее! — торопил Бэйб.

Они пересекли Пятую авеню и оказались в парке.

— Иди к резервуару! — приказал Бэйб.

Они поднялись по ступенькам и пошли вокруг водоема. Было пустынно, любителей бега оказалось совсем немного. По правой стороне беговой дорожки густо росли кусты.

— Здесь! — скомандовал Бэйб.

— Я покажу тебе! Ты должен это увидеть!

— Идите в кусты.

Сцель попятился в кусты.

— Кофейная банка, взгляни на нее, прошу тебя, взгляни на нее, и все.

Бэйб вытащил пистолет Гомера Вергилия.

— Господи! — воскликнул Сцель. — Последняя просьба, все ее исполняют.

— Даже вы?

— Освенцим был экспериментальным, а не концентрационным лагерем, они не должны были выздоравливать.

Бэйб поднял пистолет.

Сцель упал на колени. На ощупь открывая саквояж и доставая банку, он повторял:

— Взгляни, ты должен увидеть! Я больше ни о чем не прошу. Ради Бога!..

— Не надо мне ваших бриллиантов, — мягко сказал Бэйб. — Я даже не хочу смотреть, как вы пресмыкаетесь, просто хочу вас убить. — И тут Бэйб прошептал: — Иисусе! — потому что в этот момент Сцель сорвал крышку с банки.

— Ты видишь? Миллионы, много миллионов для нас с тобой.

Бэйб поколебался, покачал головой.

— Хотя бы взгляни на то, что я предлагаю тебе! — «Наклонись, взгляни, подумай, прошу тебя, иди, присядь рядом, наклонись ближе и решай, то моя последняя просьба, ты должен исполнить ее!»

Бэйб посомневался в последний раз, затем двинулся к тени от кустов, где сидел Сцель, и, когда Бэйб оказался рядом с ним, резак начал свой путь.

Задумал Сцель здорово.

Бэйб нажал спусковой крючок, пуля попала с близкого расстояния Сцелю в грудь. Сцель откинулся назад, как от резкого удара, упал лицом в грязь, попытался встать.

Бэйб с удобством устроился на земле, наставив на него пистолет, и спокойно заговорил:

— Я не знаю, поймете вы или нет, но когда-то, очень давно, я был студентом и марафонцем, но того парня уже нет, он умер, но я помню кое-какие его мысли, например: если не научишься находить ошибки в прошлом, то ты обречен повторять их в будущем. Да, мы сделали ошибку с такими людьми, как вы, потому что публичные суды — это дерьмо, а казни — игры для победителей. Мы должны были возвращать вам боль, которую вы причинили кому-то. Это был бы настоящий урок. Участь побежденного — просто боль, боль и муки, и не надо никаких юристов. По-моему, земля была бы тихим и мирным местом, если бы вы все, любители войн, знали: лучше не затевать ничего, потому что в случае поражения мучения непременно обрушатся на вас. Вот что я хотел бы устроить для вас. Мучения. Не то, что вы испытываете сейчас. Понимаете, чтобы на всю жизнь... Это единственная мера справедливости для вас. Я знаю, ни один гуманист не согласится со мной, но вы-то поймете, потому что вы многому меня научили, я теперь такой же, как вы, только более удачливый, ибо вы сейчас умрете, а мне еще долго жить.

Сцель предпринял атаку. Он попытался схватить Бэйба, а тот даже не шевельнулся, просто выстрелил еще раз ему в живот. Сцель снова упал в грязь.

— Вы знаете, убивать мне становится все легче и легче. Вы уже пятый, кого я убил сегодня. Карл был первым — шмяк прямо в глаз. Я даже и не поблевал. А теперь смерть дается все легче. Мне даже начинает нравиться. Что, дальше будет еще лучше? Скажите, я очень хочу знать...

Сцель был крепкий мужчина и упрямый — с упорством быка он пошел в последнюю атаку.

Бэйб дождался, когда Сцель приблизится к нему, и выстрелил три или четыре раза.

Сцель закричал и рухнул, он был весь в крови.

Бэйб заговорил очень быстро, потому что заметил: Сцель умирает.

— Вы не читали в газетах? Сделано теологическое открытие. Знаете, что обнаружили? Люди не попадают сразу в рай или в ад, сначала они все доставляются в одно место, типа промежуточной станции. Там-то все и происходит. Некоторые люди на этой земле делали дурное другим людям, невинным; так вот, на этой станции невинные ждут, и когда приходят их мучители, те получают точно такое же количество страданий. Бог говорит, что мщение полезно душе человеческой. Знаете, кто вас ждет, мистер Сцель? Все евреи. Они все там. У всех у них есть сверла, как то, которое вы применяли на мне. Помните, вы говорили, что они такие чудесные, эти ваши сверла, кто угодно может научиться ими работать? Да, у них есть дрели, и они ждут. Думаю, вам там будет ужасно.

Сцель уже почти умер, и Бэйб закончил:

— Полнокровной вам загробной жизни...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

30

По берегу прудка неся полицейский, огромный и с револьвером. У него был грозный вид.

А в душе он весь дрожал.

Ему еще не было двадцати четырех, на службе он состоял меньше года. Он находился на углу Пятой и Девяносто первой, когда раздались выстрелы. Он надеялся, что не выстрелы, просто хлопушки, ничего такого, что может причинить беспокойство в жару, да еще когда на тебе такая липкая тяжелая форма. Но после третьего хлопка он понял, что слышит именно выстрелы.

Он сразу же рванул в парк, ему показалось, что заваруха где-то рядом с прудком, и он направился туда.

— Эй! — крикнул он какому-то ребенку. — Слышал тут выстрелы?

Ребенок кивнул, указал в кусты.

— Оттуда.

Молодой полицейский украдкой взглянул в ту сторону.

— Эй, — сказал он ребенку, — там тип какой-то в кустах лежит. Похоже, готов уже.

— Я думаю, он мертвый.

Полицейский вдруг осознал, что ребенок вовсе не ребенок, ему уже лет двадцать, он в кроссовках и плаще, что рядом с ним на земле лежит пистолет, что он находится за оградой, а это запрещено.

— Эй, там нельзя находиться.

— Сейчас, выхожу.

Молодой полицейский осторожно подошел к забору.

— Хорошенький пистолет, — сказал он, стараясь говорить как можно равнодушнее. — Твой?

— Раньше был моего отца, — ответил Бэйб.

Молодой полицейский сильно разволновался: он никогда еще не сталкивался с убийством. Проститутки там всякие, наркоманы, но настоящего серьезного дела ему еще не выпадало.

— А может, ты стрелял в него?

— Спрашиваете, не я ли убил его?

— Да.

Бэйб кивнул.

Полицейский стремительно выхватил револьвер.

— Не дергаться.

— Можно, я закончу свое занятие?

— А что ты там делаешь?

Парень стоял за забором, держа в руках кофейную банку, и пускал камешки по поверхности воды.

— У меня еще несколько осталось, — сказал Бэйб. — А один четыре раза подпрыгнул.

Он бросил оставшиеся два камешка в воду, гадая, позволит ли ему полицейский пробежать вокруг прудка, прежде чем уведет: бег здорово проясняет мозги. Нет, наверное, откажет, да и не поможет это тебе, ты устал, сон — вот что тебе надо, но, видимо, не удастся поспать в ближайшее время, пока все это не кончится. Он либо умрет, отсиживая в тюрьме лет эдак пятьсот, либо станет знаменитым преступником.

Бэйб бросил еще несколько камешков, глядя, как по воде разбегаются круги.

— Эй, тут жарко, пошли, — сказал полицейский.

Бэйб кивнул, отшвырнул пустую банку, избавился от последней пригоршни бриллиантов...

...Шлеп...шлеп...шлеп...

...Шлеп...шлеп...

...Шлеп...

Перевел с английского Л. ДЫМОВ

Э.Б. УАЙТ
«ПРИЯТЕЛЬ»

Когда этот посетитель вошел в бар, держа в руках свой аппарат, большинство из нас перестали пить и уставились на него, потому что раньше мы не видели ничего подобного. Он поставил аппарат прямо на стойку. Это, очевидно, не очень-то понравилось бармену.

— Два виски с водой, — заказал посетитель.

Бармен продолжал протирать стаканы, но заказ все-таки услышал, так как немного погодя спросил:

— Двойное виски?

— Нет. Два виски с водой. — Посетитель смотрел бармену прямо в глаза.

За много лет работы бармен привык к разным типам людей. Но этот посетитель ему не понравился, особенно раздражал его аппарат. Бармен налил виски и воду и пододвинул рюмку посетителю. Тот, не обращая ни малейшего внимания на любопытство окружающих, положил на стойку пятидолларовую бумажку, выпил одну порцию виски, запил водой. Затем взял вторую рюмку, открыл в своем аппарате какой-то клапан и влил туда сначала виски, а потом воду.

Бармен наблюдал за ним с мрачным видом.

— Не смешно, — проговорил он спокойно, — к тому же ваш «приятель» занимает слишком много места. Почему бы не поставить его на скамейку у двери?

— Здесь всем хватит места, — ответил посетитель.

— Мне не до шуток. Поставьте свой чертов аппарат у двери, я вам говорю. Никто его не тронет.

Посетитель заулыбался.

— Видели бы вы его сегодня днем. Три дня шахматного турнира, да к тому же против сильнейших игроков страны. Он был великолепен. В дебюте добился небольшого преимущества, в середине игры блестяще развил его, а в эндшпиле запер короля противника в угол, неожиданно выиграл коня, нейтрализовал слона — партия была сделана. А знаете, сколько денег он выиграл за эти три дня?

— Сколько? — спросил бармен.

— Пять тысяч. И сейчас ему необходимо расслабиться, немного выпить.

— Несите его в другое место, и пусть он пьет там, — сказал бармен решительно, — у меня своих проблем по горло.

— Нет, нам здесь нравится, — посетитель показал на пустые рюмки. — Повторите, пожалуйста.

— Уберите эту штуковину, — приказал бармен. — Я не продаю виски смехачам.

— Шутникам, — произнес аппарат. — Надо говорить — шутникам.

Недалеко от стойки один из посетителей, допивавший четвертую порцию виски, решил оказать поддержку владельцу аппарата.

— Если эта машина хочет выпить еще, то пусть пьет, — сказал он бармену. — И нечего спорить.

Посетитель с аппаратом повернулся к неожиданно объявившемуся другу и с серьезным видом поднес руку к виску, выражая этим жестом благодарность и дружеские чувства. Затем он проговорил, будто нарочно дразня бармена:

— Сами понимаете, как это тяжело. Три дня умственной работы. Так хочется расслабиться.

— Конечно, — ответил новоявленный друг. — Я прекрасно понимаю.

Среди посетителей бара прокатилось оживление. Казалось, симпатии разделились: одни поддерживали бармена, другие — владельца аппарата.

Высокий, мрачного вида мужчина, стоявший рядом со мной, сказал бармену:

— Еще одно виски с лимонным соком, Билл. Только соку поменьше.

— Пикриновая кислота, — проговорил аппарат. — В таких случаях лимонный сок вообще не рекомендуется.

— Ну хватит! — Бармен стукнул рукой по стойке. — Уберите эту штуковину или лучше выбросьте ее на улицу. Я не намерен выслушивать замечания от механического мозга, или как там называется ваша чертова машина.

Посетитель проигнорировал и это. Он вновь обратился к другу, чья рюмка была уже пуста:

— Он не просто ужасно утомился. Есть еще одна причина, из-за которой ему хочется выпить. Знаешь какая?

— Нет, — ответил друг.

— Он жульничал во время игры.

При этих словах аппарат хихикнул. Одна из его рук слегка дрогнула, а на щитке вспыхнула лампочка.

Друг нахмурился.

— В шахматах нельзя жульничать, — проговорил он. — Это невозможно. Там все открыто. Все на доске.

— Я тоже так считал. Но оказалось, что можно.

— Меня это ничуть не удивляет, — вставил бармен. — Как только я увидел эту штуковину, то сразу понял, что она нечиста на руку.

— Два виски с водой, — сказал посетитель.

— Я не могу дать виски, — ответил бармен. — Откуда мне знать, может быть, она... он уже пьян.

— Это легко проверить. Спросите его что-нибудь.

Посетители притихли. Теперь уже все следили за развитием событий у стойки.

— Что спросить?

— Не имеет значения. Можно попросить умножить пару больших чисел. — Аппарат слегка задрожал, будто готовился к проверке.

— Десять тысяч восемьсот шестьдесят два умножить на девяносто девять, — произнес бармен со злорадством.

Аппарат загудел, засверкал огоньками. Одна из его трубок как будто сплюнула, а рука слегка задержалась.

— Один миллион семьдесят пять тысяч триста тридцать восемь, — ответил аппарат.

Посетители начали удивленно переглядываться. Какой-то завсегдатай схватил карандаш и начал считать. Через несколько минут он воскликнул:

— Все верно. Машина не пьяна.

Теперь все смотрели на бармена. Тот нехотя налил виски и воду. Посетитель снова выпил сам и влил порцию аппарату. Огонек на щитке заметно потускнел, маленькая металлическая рука безвольно повисла.

Тот, что заступился за посетителя, обнял аппарат и его владельца и предложил:

— Пойдем отсюда в другое место.

Аппарат мигнул лампочкой. По всей видимости, он был навеселе.

— Отлично. Моя машина на улице.

Посетитель рассчитался за виски, спокойно, но немного неуверенно подхватил одной рукой аппарат и вместе со своим ночным другом вышел из бара.

Бармен молча наблюдал за ними. Когда они уже были на улице, он заметил с сарказмом:

— У него еще и машина. Скажите, как интересно.

Один из посетителей, сидевший недалеко от двери, перестал пить, подошел к окну, отодвинул штору и посмотрел на улицу. Немного постояв у окна, он вернулся за свой столик и сказал бармену:

— Интересней, чем вы думаете. У него «кадиллак». И попробуйте угадать, кто сел за руль...

Перевел с английского А. ПАХОТИН

Редактор Евгений КУЗЬМИН

**Художники Мстислав БОРОВСКИЙ,
Константин ЯНСИТОВ**

Художественный редактор Валерий КУХАРУК

**Учредитель литературного приложения «Искатель»:
трудовой коллектив редакции журнала «Вокруг света»,
главный редактор журнала «Вокруг света» Александр ПОЛЕЩУК**

Рукописи не рецензируются

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская, 5а
Тел. 258-88-84

Сдано в набор 12.03.93. Подписано в печать 24.06.93.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 9,4. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 13,1.

Тираж 250 000 экз. Заказ 32077.

Типография АО «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

Уильям ГОЛДЭМ
Э.Б. УАЙТ

